АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1970

Редакторы

Д. С. ЛИХАЧЕВ
Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

7—2—2
173—70 (I пол.)

Дорогой
ВАРВАРЕ ПАВЛОВНЕ
АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ
свои статьи с благодарностью
посвящают авторы

ОТ РЕДАКТОРОВ

13—14 мая 1968 г. в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР состоялось совещание на тему «Пути изучения русской литературы X—XVII веков». Совещание это было посвящено восьмидесятилетию члена-корреспондента АН СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц.

На совещании было заслушано 20 докладов, которые в основном и составляют содержание данной книги.

В сборнике отсутствует лишь доклад Д. С. Лихачева «История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц»: доклад этот опубликован в т. XXIV Трудов Отдела древнерусской литературы.[1]

Из отдельных видов древней русской литературы в данном сборнике рассматриваются произведения летописания, хронографии, житийной литературы, переводной литературы, театра, ораторской прозы, поэзии. Из писателей выделен Аввакум, задачи изучения которого стоят особняком, а из отдельных проблем — проблема переходного периода от древней литературы к новой, литературно-историческая типология и вопросы взаимоотношения деловой письменности с художественной литературой.

Как всегда на всех совещаниях по древнерусской литературе, и на этом совещании были заслушаны археографические доклады. Доклады эти, которые в данном случае носили теоретический характер, завершают собой

[1] Л., 1969, стр. 5—14.

настоящий сборник. В них затронуты вопросы составления каталога-справочника русско-славянских рукописей, географического распространения рукописной книги и задачи археографического изучения Сибири.

Каждый из докладчиков по-своему стремился заглянуть в будущее той отрасли изучения древней русской литературы, которой он занимается. Заглянуть в будущее — значит помочь молодым исследователям выбрать темы их исследований, открыть им перспективы и цели изучения и указать на результативность тех или иных линий и путей изучения.

Мы с прискорбием отмечаем, что двух докладчиков и авторов этой книги нет уже в живых. Скончалась 6 декабря 1968 г. Вера Дмитриевна Кузьмина и скончался 9 августа 1969 г. член-корреспондент АН СССР Павел Наумович Берков.

Текст доклада В. Д. Кузьминой печатается по стенографической записи 13 мая 1968 г., которую сама она не успела исправить. В исправленный редакцией настоящего сборника текст Веры Дмитриевны внесены необходимые библиографические справки.

Мы надеемся, что лежащая перед читателями книга поможет им получить предварительную ориентировку в громадном поле исследовательской работы по древней русской литературе.

Д. С. Лихачев

О ПЛАНИРОВАНИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Плановое начало в науке заключается не в том, чтобы составить графы и пункты будущих исследований, а в том, чтобы ясно осознать существующие достижения и недостатки, «потребности» науки и потребности современности, при одновременном, разумеется, точном учете существующих возможностей.

Русская филологическая наука в XIX и в начале XX в. имела очень большие достижения в изучении древней русской литературы. Необходимо учесть, что в средних учебных заведениях учащиеся занимались древней русской литературой столько же, сколько и новой, и при этом с младших классов знали церковнославянский язык. Для примера приведу следующий факт. «Русская хрестоматия» для средних учебных заведений, составленная Ф. Буслаевым, включала в отрывках следующие произведения, которые учащиеся обязаны были читать и толковать в подлиннике: Евангелие по Остромирову списку, Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г., Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона, Слово Феодосия Печерского о вере латинской, Летопись Нестора, Житие Феодосия Печерского, Хождение игумена Даниила, Поучение Владимира Мономаха, Слова Кирилла Туровского, Слово о полку Игореве, Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград, Киево-печерский патерик, Слова Серапиона Вла-

димирского, грамоты и договоры XII—XIV столетий, Моление Даниила Заточника, Житие Антония Римлянина, Сказание о Петре, царевиче Ордынском, апокрифические сказания о царе Соломоне, Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о рае, Послание белозерского игумена Кирилла, Житие Сергия Радонежского, Задонщину, Путешествие Афанасия Никитина в Индию, Повесть о Дракуле, Сказание о Псковском взятии, Стоглав, Апостол Ивана Федорова, Домострой, Историю Ивана Грозного Курбского, переписку Грозного с Курбским, послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, письмо царевны Ксении Борисовны к ее тетке Домне Богдановне, песни, записанные Ричардом Джемсом, переписку Михаила Федоровича и инокини Марфы с патриархом Филаретом, Написание вкратце о царях московских Сергея Кубасова, Историю об Азовском осадном сидении донских казаков, сочинение Григория Котошихина о России, Урядник сокольничья пути, вирши Симеона Полоцкого и, наконец, Повесть о Горе-Злочастии.

Если бы не пропущенное в хрестоматии «Житие» протопопа Аввакума, то мы могли бы сказать, что эта хрестоматия Ф. Буслаева была более богата памятниками, чем хрестоматия для филологических факультетов высших учебных заведений, составленная Н. К. Гудзием.

Положение, которое занимала древняя русская литература в образованности русской интеллигенции XIX и XX вв., отчасти объясняет нам тот удивительный факт, что совсем небольшая русская Академия наук имела в своем составе при начале Октябрьской революции одновременно многих крупнейших специалистов по древней русской литературе: академиков Н. К. Никольского, В. Н. Перетца, М. Н. Сперанского, А. А. Шахматова. Я не перечисляю здесь членов-корреспондентов.

И тем не менее положение с изучением древнерусской литературы к началу 20-х годов было далеко не блестящим. Огромное рукописное наследие первых семи веков русской литературы, одно из самых богатых в мире, несмотря на весь большой объем изучения, оставалось разбросанным по многим хранилищам и только в незначительной части описанным. Первостепенные памятники были иногда изданы по случайным спискам. Историко-литературное изучение памятников в собственном смысле

этого слова значительно отставало от изучения памятников с точки зрения книговедческой, археографической и рукописеведческой, а также от блестящих филологических штудий старой науки. Изучение было внимательным и тонким, но неупорядоченным и разбросанным.

Советское литературоведение получило в свое распоряжение богатейшее, но в значительной мере хаотическое научное хозяйство.

Советским литературоведам-древникам приходится считаться с тем, что целые большие собрания древнерусских рукописей (как, например, Погодинское в ГПБ) остаются научно не описанными, а по другим имеются только поверхностные «путеводители». Эта неописанность рукописного наследия тяжело сказывается на изданиях памятников современными текстологическими методами, требующими привлечения всех списков и учета всего «окружения» памятника в рукописях. Мало изученными оказались целые разделы литературы: демократическая литература XVII в., хронография, еретическая литература и др. Слабо были изучены проблемы историко-литературного развития, поэтики, взаимоотношения с фольклором и т. д.

В начале 30-х годов А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц организовали в Институте русской литературы АН СССР Отдел древнерусской литературы, а затем Н. К. Гудзий в Москве возглавил небольшую группу исследователей древнерусской литературы в Институте мировой литературы АН СССР, с перерывами существующую и по сию пору.

После второй мировой войны существенно новым явлением в изучении древней русской литературы явилось усиленное внимание к ней зарубежных славистов. Здесь не место говорить о причинах этого возросшего научного интереса. Укажу только, что переиздания древнерусских памятников появляются в изобилии в ГДР, ФРГ, США. В последних двух странах появились и переиздания первых томов Трудов Отдела древнерусской литературы. Исследования же по древней русской литературе выходят во всех социалистических странах, а также во Франции, ФРГ, США, Англии, Италии, в скандинавских странах и Греции. В основном зарубежные исследования носят характер, близкий к русским дореволюционным.

Иностранные исследования и переиздания старых публикаций памятников еще более усилили нужду в двух типах работ по древнерусской литературе: введению в оборот новых рукописных данных во всех видах и широких марксистских историко-литературных изучений. Преимущества советских исследований как раз и состоят в том, что они вводят в науку новые данные из рукописных хранилищ и привлекают новые методы изучения литературы.

На советских исследователях по древнерусской литературе лежит сейчас огромная ответственность за изучение древней русской литературы по всему ее фронту, по всем вопросам и по всем жанрам.

Отдельным областям изучения посвящены в этом сборнике статьи и заметки. Я бы хотел только отметить, что в сборнике охвачены не все стороны изучения древней русской литературы, а главным образом те, которые не были освещены в томе Трудов Отдела древнерусской литературы, посвященном «Актуальным задачам изучения русской литературы XI—XVII веков».[1] В целом же оба эти издания, только что упомянутое выше и лежащее сейчас перед читателем, довольно полно обнимают все основные задачи, стоящие перед исследователями. И тем не менее этих изданий все же недостаточно для правильного планирования изучения. Мы должны постоянно откликаться внеочередными исследованиями на открытия новых памятников, на появляющиеся за рубежом концепции и толкования литературных явлений. Планирование должно быть гибким, учитывающим постоянно меняющуюся ситуацию в науке.

Я уже сказал, что требования современной текстологии и современного подхода к изучению памятников вызывают необходимость в учете всего рукописного материала. Учет же всего рукописного материала возможен только тогда, когда будет научно описано все наше рукописное наследие. Это значит, что прежде всего нужно продолжать археографические экспедиции и правильно их намечать. Изменения в плане экспедиционной работы могут понадобиться после любой новой экспедиции, любого нового сообщения с мест о наличии тех или иных рукописей. Должны быть составлены карты обследован-

---

[1] ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964.

ных районов с указанием всех побывавших в отдельных пунктах экспедиций.

По вопросу о составлении научных описаний рукописей необходимо созвать хорошо подготовленное совещание наших археографов с тем, чтобы установить единые и наиболее целесообразные приемы описаний, а также очередность изучения и описания отдельных собраний. Мы не можем сразу охватить все собрания. Значит нужно внимательно обсудить вопрос о том, что же следует описывать в первую очередь. Особенно острый вопрос научных описаний — это вопрос о допустимости пропусков описания богословских и переводных материалов. В древней русской литературе не так просто отделить церковные памятники от светских, переводные — от оригинальных. Правила, по которым очень часто в наших научных описаниях не описываются церковнослужебные материалы, могут повести к пропуску важных историко-литературных материалов.

Затем перед нами стоит задача планирования издания отдельных памятников. Надо так распределить наши скромные силы, чтобы в первую очередь издать то, что не издано, издано плохо и требует дополнительного издания по всем спискам. Основные памятники древней русской литературы издаются сейчас в серии монографических исследований-изданий памятников древней русской литературы. К настоящему времени вышло уже около двадцати выпусков этой серии. В ближайшие годы мы ожидаем выхода в свет изданий «Повести о Петре и Февронии», «Повестей о Вавилонском царстве», «Повести о Митяе», «Слова о Лазаревом воскресении» и некоторых других. Однако не все из вышедших выпусков в равной мере удачны. Принципы издания текстов и их исследований еще не устоялись. Пора внимательно обсудить различия, чтобы выбрать наиболее целесообразные приемы издания и наиболее перспективные способы исследования. Планируя будущие выпуски, мы имеем сейчас счастливую возможность остановиться на наиболее «оптимальных», проверенных на отдельных публикациях формах текстологической работы.

Планируя будущие исследования по специальным вопросам, мы должны учитывать необходимость в первую очередь широко изучать историко-литературный процесс. Мы должны стремиться в первую очередь к выяснению

всех сторон историко-литературных изменений и должны заполнить образовавшиеся лакуны. Эти лакуны следующие: у нас не изучена такая большая и важная область, как русская хронография, слабо продвигается изучение переводной литературы, которая является существенной частью русской литературы XI—XVII вв., недостаточно изучаются связи с другими славянскими литературами.

Но исследования должны вестись по всем вопросам, и ни один не должен быть забыт. Дело в том, что в науке не может быть просто остановок. Всякая остановка влечет за собой отступление назад. Наука первой половины XX в. (дореволюционная и советская) очень много сделала в изучении русского летописания. Работы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова, основанные на внимательном применении новых текстологических методов, перевернули наши представления об истории русского летописания XI—XVI вв. Однако с горечью следует отметить, что после смерти наших виднейших специалистов по летописанию издания и исследования летописей, вновь начавшие появляться, отступают от достигнутого когда-то уровня.

Поэтому ни одна область изучения не должна быть потеряна из поля зрения исследователей, вышедшие работы должны подвергаться в печати не только информационному, но и детальному научному рецензированию.

Особое внимание следует обратить на изучение стиля произведений древнерусской литературы. Однако никакое изучение стиля в такой сложной области, как древнерусская литература, где перекрещиваются разные литературные языки, где существуют руссифицированные памятники древнеболгарские и древнесербские, где скрещивается деловая проза и разговорная с прозой «высокой», не может производиться без солидных лингвистических познаний у литературоведов и без соответствующих словарных и грамматических пособий. Одна из важнейших задач, стоящих перед историками древней русской литературы, — это составление словарей памятников. Эти словари памятников имеют специфические особенности. Одна из них состоит в том, что для стилистического анализа желательно учитывать не только те значения и оттенки значения слов, которые представлены в памятнике, но и те значения и оттенки значений, которые в нем выразительно отсутствуют.

В настоящее время вышло три выпуска «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», наполовину подготовлен словарь «Повести временных лет» и готовится к выходу «Словарь „Слова“ и „Моления Даниила Заточника“». Принципы составления таких словарей также требуют своего обсуждения на особой конференции.

Небольшой круг исследователей древнерусской литературы может быть расширен, если к работам по русской литературе XI—XVII вв. будут привлекаться специалисты смежных областей: историки, лингвисты, искусствоведы. Необходимо бороться против профессиональной замкнутости изучения древней русской литературы, не только делая эти исследования доступными широкому кругу образованных людей, но и вскрывая многочисленные и тесные связи литературы Древней Руси с другими областями древнерусской культуры. Специалисты по древнерусской литературе должны быть не только авторами собственных исследований, но и организаторами науки на своих участках работы. Опыт «Трудов Отдела древнерусской литературы», широко привлекающих в качестве исследователей древнерусской литературы историков, лингвистов, искусствоведов, специалистов по другим славянским литературам, византинистов, археографов, — достаточный показатель правильности этого принципа. Но тем более ответственные задачи стоят при планировании и координации наших исследовательских усилий. Совместные конференции с историками, текстологами новой русской литературы и византинистами, проведенные Сектором древнерусской литературы, показали плодотворность такого рода направления в планировании науки.

Наука сейчас усиленно развивается на стыках отдельных дисциплин, и исследования древней русской литературы не представляют собой в этом отношении исключения.

Но, привлекая к исследованиям древней русской литературы специалистов смежных специальностей, мы не должны забывать, что исследования должны быть выполнены на самом высоком профессиональном уровне. Изучение древней русской литературы всегда было сложнейшей школой, из которой выходили все крупные русские филологи и литературоведы. Здесь есть свои высокие традиции, о которых не следует забывать.

Наконец, перед исследователями древней русской литературы стоит задача популяризации памятников и худо-

жественных богатств русской литературы XI—XVII вв. Эти богатства важны для нашей современности и могут сыграть значительную роль в патриотическом воспитании молодежи. Но популяризацию не стоит передавать в руки неспециалистов. Популяризация, выполняемая неспециалистами, очень часто становится вульгаризацией. Такого рода вульгаризации в первую очередь подвергаются «модные» области. Древняя русская литература, близкая к «модному» древнерусскому искусству, так же, как и последнее, может подвергнуться опасности вульгаризации. Чтобы избегнуть этого, исследователям необходимо самим заниматься популяризацией, уделяя этому часть своего рабочего времени.

Идя вперед, мы должны оглядываться назад, мы должны заниматься историографией изучения древнерусской литературы (это область изучения важная, но почти забытая в настоящее время), мы должны знать все то, что было сделано в нашей науке, и извлечь поучительные уроки из ее достижений, ошибок, заблуждений и колебаний.

Наука коллективна. В нашем движении вперед участвуют специалисты и неспециалисты, живые и уже ушедшие от нас ученые. Чтобы наше движение вперед было интенсивным и эффективным, мы должны точно знать каждый раз — где мы находимся и куда идем.

П. Н. Берков

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(От древней к новой)

I

С тех пор как в 1862 г. М. И. Сухомлинов напечатал в «Журнале Министерства народного просвещения» статью «О литературе переходного времени — конца XVII и начала XVIII века»,[1] а может быть, еще и раньше, когда Н. С. Тихонравов прочитал в Московском университете

[1] М. И. Сухомлинов. Исследования по древнерусской литературе. СПб., 1908, стр. 548—592.

в 1859 г. вступительную лекцию, посвященную вопросу о связи литературы XVIII в. «с предшествующим литературным развитием»,[2] — проблема «переходного периода» «от древней русской литературы к новой» до сегодняшнего дня не сходит со страниц нашей научной печати.[3] В другом месте мне пришлось уже обращаться к этой теме, и там я сделал более или менее подробный историографический обзор литературы вопроса.[4] Поэтому сейчас я считаю целесообразным остановиться только на статье В. П. Адриановой-Перетц «О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур».[5] Делаю я это не столько по традиции, требующей на конференциях, подобных сегодняшней, упоминания работ юбиляра, сколько потому, что В. П. Адрианова-Перетц предложила такое исходное решение вопроса, которое представляется мне методологически правильным и исключительно плодотворным.

В статье, название которой приведено выше, В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Обычно установление связи древнего и нового периодов сводится к выявлению тех или иных форм прямого „влияния" произведений старшего периода на творчество писателей нового времени. Вместе с тем историки литературы следят за тем, какие из произведений прошлого продолжают вызывать интерес некоторых слоев читателей и в то время, когда создается „новая" литература. Исследование связи древнего и нового периодов развития литературы, идущее по такому пути, дает лишь внешнюю картину их соотношения. Оно не может ответить на вопрос: существует ли какое-либо внутреннее родство между литературами разных исторических этапов, есть ли идейно-художественные тенденции, общие даже далеко хронологически отстоящим друг от друга ступеням литературного движения».[6]

Противопоставив таким образом изучение «внешних» связей древнего и нового периода изучению их «внутрен-

---

[2] Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, М., 1898, стр. 1—11.

[3] Д. С. Лихачев. Национальное единообразие и национальное разнообразие. — РЛ, 1968, № 1, стр. 135—141.

[4] О литературе «переходного периода». — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). Исследования и материалы по древнерусской литературе, вып. 3. Отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1970. (Печатается).

[5] ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 427—447.

[6] Там же, стр. 427.

них» связей, В. П. Адрианова-Перетц закономерно приходит к основному выводу: «Между тем только изучение таких глубоких внутренних признаков литератур отдельных народов с последующим сопоставлением наблюдений, полученных на материале разноязычных литератур, в конечном итоге приведет к определению национального своеобразия, характеризующего литературное развитие каждого народа-нации, и места каждой данной литературы в мировом литературном процессе».[7]

Наметив четкую программу широкого исследования вопроса, В. П. Адрианова-Перетц для первого опыта остановилась в своей статье на том, «какие литературные явления древней русской литературы в исторической перспективе могут рассматриваться как предшественники классической гражданской поэзии XVIII века».[8]

Блестящий анализ свежего и интереснейшего материала позволил В. П. Адриановой-Перетц прийти к бесспорно точным выводам, с одной стороны, и наметить пути дальнейших изучений — с другой. И, может быть, методическая сторона вопроса в статье В. П. Адриановой-Перетц имеет большее значение, чем конкретный ответ на поставленную исследовательницей задачу.

Таким образом, ценность и научная перспективность статьи В. П. Адриановой-Перетц заключается в том, что в ней доказывается недостаточность, неполнота и, следовательно, бесплодность изучения «внешних» связей и настоятельная необходимость изучения подлинно «внутренних» связей.

Исходя из такого понимания статьи В. П. Адриановой-Перетц, я попытаюсь ответить на вопрос, сформулированный в виде заглавия моего доклада, — каковы задачи изучения переходного периода русской литературы, от древней к новой.

II

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению этих задач, мне представляется целесообразным и необходимым остановиться на вопросе, почему произошло разделение истории русской литературы на древний и новый периоды, почему возникла проблема литературы «переходного» пе-

---

[7] Там же.
[8] Там же, стр. 428.

риода? Вопрос этот несомненно многим покажется, — и не может не показаться, — вопросом праздным, так как — скажут мне — хорошо известно, что реформаторская деятельность Петра Великого положила границу между древней, Московской Русью и петербургской Россией. Все это, конечно, так, но едва ли кто-либо из повторяющих этот традиционный ответ серьезно верит в то, что деятельность монарха, хотя бы и обладавшего такой железной волей, какая была у Петра, могла столь решительно воздействовать на историю огромной страны и соответственным образом на мировую историю.

Могут сказать, что и до Петра были попытки сближения России с Западом, например, при Иване Грозном. Однако и этот ответ не лучше первого, — он опять-таки сводится к деятельности менее сильных государей, чем Петр.

Я не буду входить в подробности и скажу, что процесс сближения России с Европой, начавшийся в последней четверти XVI в., задержавшийся вследствие крестьянских войн конца XVI—начала XVII в. и убыстренно развернувшийся с последних десятилетий XVII в., может быть правильно понят только в свете воззрений Маркса на всемирную историю, о чем мне уже пришлось говорить несколько раз. Начало капиталистической эры, — если оставить в стороне некоторые ранние попытки, падающие на XIV—XV вв., — относится к XVI в.; капиталистический уклад формируется прежде всего у наиболее передовых в экономическом отношении народов Европы, — итальянцев, голландцев, французов и англичан; около этого же времени (вторая половина XVI в.) начинает возникать мировой рынок, подготовленный великими географическими открытиями конца XV в. (открытие Америки и морского пути в Индию). Постепенно в мировой рынок втягиваются народы, соседствующие с перечисленными нациями, — на севере, юге и востоке. С этого времени в исторической жизни европейских, а затем и внеевропейских народов наряду с внутринациональными факторами развития начинает действовать такой важный внешний фактор, как международные отношения: конечно, этот фактор согласуется и подчиняется основному закону развития классового общества — закону классовой борьбы. Таким образом, то обстоятельство, что с определенного исторического момента на развитие национальной жизни

начинают оказывать воздействие международные отношения, не меняет существа вопроса, но делает его более сложным.

Взгляды Маркса и Энгельса на ход всемирной истории объясняют также и довольно запутанный вопрос о так называемой европеизации России. Прежде всего проблема европеизации есть не специфически русская проблема, а, как указывает В. И. Ленин, «вопреки географии» она стояла и перед Китаем, и Японией и т. д.,[9] иными словами — перед всеми народами, последовательно вовлекавшимися в сеть мирового рынка. Затем европеизация оказывается не чем иным, как только другим обозначением процесса приноровления каким-нибудь народом своей национальной культуры к условиям капиталистического уклада. «Под страхом гибели, — писали Маркс и Энгельс, — заставляет она (буржуазия, — *П. Б.*) все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, то есть становиться буржуа».[10]

Таким образом, то, что обычно признавалось результатом реформаторской деятельности Петра, на самом деле представляло собою процесс вовлечения России «в сеть мирового рынка» со всеми вытекавшими отсюда последствиями, — неизбежным приноровлением старой национальной культуры к тому уровню европейской, т. е. буржуазной цивилизации, который образовался к концу XVII—началу XVIII в. у наших западных соседей. Естественно, это положение распространяется как на материальное, так и на духовное производство, в том числе и на литературу. Другими словами, русская литература переходного периода — это литература периода вовлечения России в мировой рынок, в международные экономические и политические отношения, в европейскую, буржуазную, цивилизацию.

Приняв это положение, мы, с одной стороны, должны внести некоторые уточнения в примененные термины, и это позволит нам, с другой, определить, какие задачи должны стоять перед изучающими русскую литературу переходного периода.

---

[9] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 371.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, М., 1955, стр. 428.

Прежде всего признание решающей конструктивной роли образования с XVI в. мирового рынка и разносторонних международных отношений ни в какой мере не ведет к отрицанию соответствующей роли региональных экономических, политических, культурных и литературных связей в предшествующие периоды, в частности — в древний период русской литературы. Отсюда следует, что то, что мы называем древнерусской литературой, которая приноравливалась к требованиям исторического процесса конца XVII—начала XVIII в., есть явление сложное, есть результат длительного развития, которое должно изучаться особыми приемами.

Далее, термин «приноровление» должно понимать не как простое механическое «усвоение» чужого материала или «подражание» чужим формам, а как переосмысление своего идейного наследия с новых исторических позиций в новых исторических условиях. Это означает, во-первых, неизбежность полного отказа от некоторых разделов литературы древнего периода, во-вторых, необходимость перестройки разделов, оказавшихся жизнеспособными, т. е. нужными народу для дальнейшего литературного развития, и, наконец, в-третьих, обязательность восприятия того материала европейских литератур, который был доступен основной массе русских читателей конца XVII—начала XVIII в.

Изучение того явления, которое мы обозначали термином «литература переходного периода», может быть плодотворным и результативным лишь в том случае, если мы не только констатируем три указанных выше аспекта и не только исчерпывающе подробно опишем их, но и обязательно выясним — с должным научным тактом — социологические причины отмирания одних разделов древней литературной традиции, сохранения и трансформации других и наконец, возникновения и развития третьих.

Конечно, каждый из названных выше аспектов исследования имеет свои специфические особенности и трудности анализа. Так, например, недостаточно, на наш взгляд, установить, какие темы, формы и жанры древнерусской литературной традиции отмерли в «переходном периоде»; гораздо важнее определить, какие социальные причины вызвали подобное явление. Точно так же при анализе трансформации тех разделов древнерусской лите-

ратуры, которые перешли в новую, существенно объяснить причины их сохранения, с одной стороны, и характер и логику происшедших видоизменений — с другой. Наконец, в исследовании третьего аспекта — «усвоения» новых тем, форм и жанров — необходимо учитывать не только то, что было усвоено, но и то, что не было усвоено, и установить социологическую обусловленность этого отбора. При этом прежде всего должно помнить, что отобранное присоединялось, — и чаще всего органически, — к тому, что составляло национальные традиции русской литературы.

При рассмотрении вопроса об усвоении новых литературных материалов, эстетических концепций и т. д., всего того, что отобрали русские писатели переходного периода из общего фонда литературных достижений европейских народов, с неизбежностью встает вопрос, — как быть с пресловутым барокко? Несомненно, в ряде литератур Европы конца XVII—начала XVIII в. существовало барокко. Но так ли безраздельно и бесспорно было его господство? Конечно, если совершать во имя торжества придуманной схемы насилие над фактами и объявлять французский классицизм французской формой общеевропейского барокко, если Шекспира и Сервантеса, с одной стороны, и протопопа Аввакума и Паисия Величковского — с другой, также признавать «представителями барокко», то нетрудно и всю русскую литературу переходного периода покрасить в пестрые цвета всеобъемлющего барокко, — и это сделать тем легче, чем труднее заняться установлением того, что́ получилось из органического синтеза сохранившихся разделов древнерусской литературной традиции и отобранных из европейского фонда новых литературных традиций.

Мне хочется обратить при этом внимание исследователей на то характерное явление русской литературы переходного периода, которое, — можно смело сказать, целиком, — выпало из поля зрения наших литературоведов, а именно на новолатинскую поэзию русских авторов конца XVII—начала XVIII в., поэзию Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского, Гедеона Вишневского, Феофила Кролика и др. Без учета роли новолатинской поэзии русских авторов наше представление о литературе переходного периода будет неполным и, значит, неверным.

В. П. Адрианова-Перетц показала на примере анализа происхождения гражданской поэзии XVIII в., как можно и как следует изучать внутренние связи между древней и новой литературой. Мне кажется, что, если пойти по предложенному и проложенному ею пути и при этом учесть соображения, высказанные в настоящем докладе, результаты должны получиться убедительные, и соответственным образом наши знания литературы переходного периода обретут бо́льшую точность и достоверность, чем до сих пор.

А. Н. Робинсон

ЗАДАЧИ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ФАКТОРЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОДНОТИПНОСТИ И РАЗНОТИПНОСТИ)

Задачи литературно-исторической типологии применительно к изучению средневековых литератур возникают перед нами не как некая новая дань научной «моде». Эти задачи органически вырастают из подготовленного уже развитием советской медиевистики историко-материалистического понимания литературного процесса феодального периода и открывают в этой области новые перспективы. Позволим себе в обобщенно-конспективной форме высказать несколько предположений для обсуждения данной проблематики.[1]

По-видимому, постановка задачи литературно-исторической типологии нуждается во внесении некоторых кор-

[1] См. также: А. Н. Робинсон. 1) Место и значение древнерусской литературы в литературном процессе средневековья (к постановке проблемы). — ИОЛЯ, т. XXVII, 1968, вып. 4; 2) Метод древнерусской литературы XI—XIII в. — Проблемы изучения художественного произведения (методология, поэтика, методика). Тезисы докладов на конференции в МГПИ им. В. И. Ленина, ч. I. М., 1968; 3) Эпос Киевской Руси в соотношениях с эпосом Востока и Запада (народная оригинальность и международная типология). — ИОЛЯ, т. XXVI, 1967, вып. 3; 4) Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (типология, оригинальность, метод). — В кн.: Славянские литературы, VI. Международный съезд славистов, М., 1968.

рективов в понимание природы и характера взаимозависимости социально-исторических, национальных, культурных и литературных явлений для периода средних веков.

Как известно, в компаративно-контактном направлении буржуазного литературоведения в качестве исходной предпосылки для понимания литературного развития принималось представление о влиянии «развитых» литератур на литературы, казавшиеся «отсталыми». Задача выяснения национально-исторической оригинальности литератур при этом отодвигалась на второй план или не ставилась. Переоценка «имманентных» факторов всеобщего литературного процесса вела к представлениям о некоей внутренней тождественности литературных явлений как таковых. Среди многих явлений литературного творчества наибольшее внимание стала привлекать сюжетика («бродячие» сюжеты). Попытки А. Н. Веселовского сблизить сравнительно-исторический и эволюционно-социологический методы изучения литератур (и фольклора) сопровождались созданием первоклассных конкретных исследований, но не смогли преодолеть основных недостатков компаративистики. Тем не менее уже в трудах А. Н. Веселовского были начаты исследования в духе антропологической школы, выдвигавшей идею самозарождения поэтических мотивов (а в некоторых случаях — и сюжетов) у разных народов на общих стадиях их культурного развития и в соответствии с общностью психических свойств людей. Эта теория уже намечала пути перехода к литературно-исторической типологии, но она не смогла осуществить такой переход, оставаясь теорией идеалистической, далекой от подлинного историзма.

В отличие от этих теорий в нашем литературоведении за последние десятилетия разрабатывались на конкретных материалах преимущественно историко-материалистические представления о неразрывных связях национального литературного процесса с национальной историей феодального общества. Эти исследования дали в высшей степени плодотворные результаты, позволив более глубоко подойти к оценке социальной проблематики и основных идейно-эстетических признаков древнерусских литературных памятников. Вместе с тем в направлении таких исследований не могло не проявиться некоторых тенденций отождествления условий и признаков исторического развития древ-

нерусского общества и развития собственно литературного. Яснее всего это сказалось при осмыслении общих закономерностей литературного процесса, для периодизации которого нами была просто скопирована историческая схема во всех ее деталях. Преобладавшим оказалось рассмотрение истории древнерусской литературы в национально-замкнутых пределах, лишь с учетом литературы переводной, что в целом вело к известному ослаблению детерминации литературы как специфической формы социальной идеологии. В частности, меньшее внимание стало привлекать изучение поэтики сюжетов.

Таким образом, ни в старых, ни в новых историко-литературных концепциях не появлялось достаточных возможностей для выяснения двух взаимосвязанных явлений, а именно национальной специфики отдельных средневековых литератур (в их числе — древнерусской) и общих международных закономерностей литературного процесса этого периода.

Построение проблематики литературно-исторической типологии должно сопровождаться развитием научных представлений о преобладающем (хотя и не исключительном) значении не тождества, а подобия изучаемых явлений литературного (и фольклорного) творчества. Широкий принцип типового подобия этого творчества у разных народов откроет новые возможности для обнаружения и оценки как национально-самобытных, так и интернационально-обобщенных признаков литературного процесса в их диалектическом единстве. Этот принцип подобия может и должен получить твердую опору в марксистском историзме советской медиевистики, в дальнейшем изучении социально-исторических факторов литературного стимулирования, характерных для феодальной общественно-экономической формации в целом и для древнерусского феодализма в особенности. Такой путь исследования должен способствовать изучению средневековой однотипности и разнотипности литератур не только в вопросах сюжетики, но и во всем комплексе их идейно-эстетических проявлений, определявших их проблематику и поэтику.

Принципы литературно-исторической типологии должны получить необходимую конкретизацию, отвечающую особенностям изучаемого материала, т. е. литературного творчества средневековья. Уже первоначальная

попытка суммарной оценки европейских средневековых литератур создает достаточное представление об их существенных отличиях от литератур позднейших (для западноевропейских в особенности с XIV в., для русской — с XVIII в.), а также в известной мере — и от литератур, им предшествовавших (позднеантичных, эллинистических). Такие отличия определяются для средневековья тремя взаимосвязанными признаками.

Прежде всего обращает на себя внимание значительно меньшая, чем в иные исторические периоды, спецификация индивидуально-авторского творчества и всего литературного развития как относительно самостоятельной формы общественной идеологии. Средневековые литературы обнаруживают непосредственную зависимость от всеобщего теологического мировоззрения, в данном случае — христианского. Далее, эти литературы не обладают развитой социальной дифференциацией. В ранние эпохи средневековья они остаются по преимуществу литературами феодальными (церковными и светскими). Со временем феодальные литературы встречают противодействие со стороны литератур антифеодальных («бюргерского» типа), но и эти последние не отличаются значительной внутренней дифференциацией и тоже оказываются зависимыми от христианской идеологии (нередко в виде еретических или антицерковных воззрений). Два борющихся литературных направления возникают в результате столкновения двух типов социально-теологического мировоззрения и двух типов литератур, в пределах каждого из которых группируются полярно ориентированные, но однотипно традиционные проблемы, жанры, стили. Литературные движения такого рода обладают значительной устойчивостью и протекают медленно. Наконец, средневековые литературы объединяются в родственные группы, отличающиеся одновременно признаками интернационального и национального характера. Общий средневековый тип европейских литератур соотносится с разными признаками каждой из таких групп (литератур славянских, германских, романских) в целом и, далее, — с национальным обликом каждой из литератур в отдельности.

Постановка вопросов литературно-исторической типологии предполагает в качестве особой задачи выяснение некоторых национальных признаков в культурах (в част-

ности, в литературах) феодальных народностей, т. е. в период донациональный.

По-видимому, отдельные национальные признаки уходят в глубину истории народностей и даже племен. Так, например, в тот период, когда впервые создавались крупные славянские государства, как Болгарское царство эпохи Симеона Великого (IX—X вв.) или Киевская Русь времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого (X—XI вв.), появились такие исторические условия, при которых в общественной идеологии этих стран стали возникать существенные признаки, вошедшие впоследствии в понятие нации. Как известно, большую роль уже тогда играли общность языка (и языка народности, и языка литературного), территории, культуры и феодальных экономических связей. Эти признаки относительной общности в пределах каждой формирующейся народности поддерживались в разных странах живыми еще традициями этнически-племенной близости и социально-политическими требованиями новой феодальной государственности. Формирующаяся феодальная литература представляла собой область социальной идеологии, в которой начали непосредственно проявляться такие исторически развивающиеся национальные признаки, как общность языка и культуры (видимо, с признаками зарождавшегося национально-психического типа). Что же касается таких важных признаков нации, как общность территории и свойственных эпохе экономических связей, то они соотносились с литературой опосредствованно: они косвенным образом влияли на общий тип литературы, могли быть для нее предметом определенного тематического интереса. Известно, например, что обсуждение и описание проблем территории и экономических связей в достаточной мере входило в круг интересов древних славянских литератур.

Вопрос о национальной дифференциации средневековых литератур требует учета того обстоятельства, что национальный тип каждой из них был менее индивидуализирован, чем это наблюдается в литературах нового времени, так как он был обусловлен и ограничен средневековыми процессами групповой интеграции идеологического и культурного развития. Эти процессы проявлялись, например, во вненациональной религиозной общности у целых групп народов (в пределах греко-славянского православия, римского католичества и т. п.), в типовом

единообразии христианско-феодального просвещения, в международной функции литературных языков (старославянского, латинского и др.). Такое положение сложилось, как известно, в арабско-мусульманском феодальном мире.

Указанные особенности средневекового литературного развития заставляют нас ориентировать типологическое исследование на изучение литератур в их теснейших связях с теми особыми для этого периода процессами, которые протекали в социальной жизни и религии, в разных областях культуры и искусства, в народных и литературных языках. Типовая «масштабность» подобного историко-литературного анализа окажется более крупной и четко очерченной, чем это можно было бы ожидать применительно к литературам нового времени, получившим значительно большую самостоятельность. Но крупная «масштабность» типологического изучения не исключает, а предполагает выделение на обобщенном «эпохальном» фоне литературного процесса исключительных памятников «вечного» значения (например, таких образцов феодального эпоса, как «Слово о полку Игореве», «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах» и др.).

Важнейшие задачи литературно-исторической типологии заключаются в том, чтобы определить те факторы средневекового литературного процесса, которые создавали его типовую специфику, и одновременно — направить свои поиски на выявление в пределах каждого из этих общих факторов некоторых особых признаков развития, составлявших своеобразие отдельных литератур (как и отдельных памятников). Таким путем, очевидно, и следует изучать процессы литературной однотипности и разнотипности в условиях средневековья.

В качестве исходных предпосылок для выяснения факторов идейно-эстетической однотипности и разнотипности европейских средневековых литератур мы предлагаем, во-первых, рассмотреть условия сословно-корпоративной структуры феодальных обществ в странах Восточной и Западной Европы, во-вторых — особенности христианизации этих обществ, в-третьих — сущность и признаки возникающего в каждой из литератур творческого метода. Это позволит обеспечить последовательное изучение взаимосвязанных социологических, идеологических и эстетиче-

ских условий специфического для средневековья литературного стимулирования.

Первым фактором, воздействовавшим на литературный процесс средневековья, была сословно-корпоративная структура общества. Произведения возникали и активно распространялись главным образом в пределах однотипных национальных и международных корпораций. Автор или исполнитель произведения (певец, чтец, редактор, переписчик, переводчик) непосредственно зависел от более или менее замкнутого корпоративного коллектива, для которого его труд предназначался. Авторская индивидуальность проявлялась в большей мере в направлении развития сложившихся в этих объединениях традиций, чем отказа от них.

Преобладание корпоративно-регламентированных начал творчества порождало средневековые признаки типового развития литератур. В этих условиях, во-первых, направляющей формой литературного процесса стало развитие жанров, более или менее обособленных, каждый из которых отвечал идейно-эстетическим потребностям своей среды и способен был соответственно им организовать литературное движение. Функция жанра была и литературной, и внелитературной (религиозной, военной, бытовой и т. п.), и поэтому жанр (например, житие святого, военная песня, сатирическая новелла) оказывался той типовой формой творчества, в пределах которой определенные виды социального самосознания получали соответствующие им и прочно утвердившиеся в каждом случае сословные и эстетические (вплоть до стилистических традиций) способы литературного воплощения. Во-вторых, типовым признаком развития литератур стало постоянное (иногда многовековое) идейно-эстетическое варьирование одних и тех же произведений с сохранением основной тематики и сюжетики каждого из них. Редактирование произведения, доходившее до свободного соавторства, стимулировалось условиями его рукописного (или устного) бытования и оказывалось необходимым при переходе произведения в иную (внутринациональную или инонациональную), даже близкую, а тем более отличную по своему характеру корпоративную среду.

Продолжая рассмотрение первого типового фактора средневекового литературного процесса, попытаемся не-

сколько конкретизировать сделанные нами предположения, но уже в направлении установления разнотипности изучаемых литератур.

В западноевропейском средневековье постепенно сложилась развитая система регламентированных корпоративных объединений (куртуазных кружков, монашеских орденов, университетов, гильдий и цехов), получивших антагонистическую классовую или внутрисословную дифференциацию. Литературная борьба выражалась в виде однотипных, но противоположно ориентированных проявлений корпоративной поэтики (эпос бюргерства против эпоса рыцарства, мейстерзанг против миннезанга, поэзия вагантов против ученой поэзии и т. п.). Обслуживание литературой разных внутрикорпоративных и межкорпоративных потребностей способствовало появлению в ней жанрового разнообразия, утверждению «личной темы» (героическая фантастика, идеальная любовь, аскетическая добродетель или их аллегорическое пародирование), постепенной индивидуализации художественного творчества и воспитанию «партикулярных» читательских интересов, но ограничило отображение в ней обобщенных государственных и этических проблем.

В отличие от этого сословная структура древнерусской корпоративности, в пределах Киевской Руси (как отчасти в древних болгарском и чешском обществах), сводилась по преимуществу к быстрому формированию внутрифеодальной дуальной системы (дружина и монастырь), которая при всем различии своих профессиональных компонентов обнаруживала признаки единообразия. Это проявилось идеологически в форме более или менее однотипной государственно-национальной и религиозной ориентации общественного сознания, что и получило доминирующее выражение в литературе, как литературе феодальной. Бо́льшая часть общества (крестьяне, ремесленники), не охваченная еще процессом сословной дифференциации, могла лишь косвенным образом влиять на литературное развитие. Тенденции подобного рода типовой интеграции в развитии древнерусской литературы ограничили возможности ее идейной, тематической, жанровой и стилистической дифференциации.

Вторым фактором, повлиявшим на образование европейских литератур, стала смена религий, выразившаяся в различных отношениях между погибающим язычеством

(античным, варварским) и утверждающимся христианством (православным, католическим). В период разложения родового строя и формирования европейских раннефеодальных государств наибольшей типовой всеобщностью и наименьшей корпоративной замкнутостью обладали языческий фольклор и христианская литература. Борьба и взаимодействие этих идеологических форм существенно влияли на особенности раннего литературного развития, причем условия и характер этого влияния на западе и востоке Европы оказались разнотипными.

Длительный и неравномерный процесс христианизации западноевропейских стран осуществлялся силами международной и централизованной католической церкви, относительно независимой от местной феодальной власти и не нуждавшейся в идеологическом подчинении себе всего придворно-феодального быта с его уже сложившимся языческим искусством. Привыкнув к освоению языческих ценностей римской культуры, католическая церковь начала приспосабливать к своим нуждам развитую языческую поэзию варваров. Духовенство боролось с язычеством как религией, но нередко сохраняло и обрабатывало памятники языческой и раннехристианской поэзии («Мерзебургские заклинания», «Песня о Хильдебранте», «Поэма о Вальтере Аквитанском», исландские саги и др.). Постепенная христианизация языческого наследия оказала определенное влияние на развитие феодального эпоса (например, на «Нибелунги»), рыцарского романа («Тристан и Изольда») и других жанров. Но в то же время латинский язык церкви и администрации в нероманских странах ограничивал возможности воздействия новой религии на старую культуру и поэзию.

Государственное объединение и христианизация Киевской Руси протекали почти одновременно и, в отличие от подобных западноевропейских процессов, — в условиях большей взаимозависимости. Необходимый княжеской династии византийский принцип господства государства над церковью приобрел древнерусскую форму неравноправного союза политических и церковных сил, что сделалось важным условием развития общественной идеологии. Киевская Русь почти не знала ни внутрицерковной религиозно-политической борьбы, ни ересей, и это способство-

вало объединению ее идеологических усилий, выражавшихся в литературе. Поэтому место и значение христианско-учительной литературы в общем литературном процессе на Руси было весьма важным. Старославянский язык церкви открыл широкие возможности для развития и распространения в восточнославянской среде собственной литературы и в то же время облегчил ее борьбу с языческим фольклором.

Православно-византийская церковь не встретила у восточнославянских племен развитого феодального быта с уже устоявшимися формами феодально-придворной поэзии, восходившей к языческому наследию. Эта поэзия продолжала еще свою жизнь в значительной мере как общее для формирующейся народности племенное достояние, что и способствовало ее вытеснению из феодальной среды и сохранению в среде народной. Борьба с такой поэзией была завещана древнерусской церкви византийскими церковными традициями, но в Киевской Руси она стала более ожесточенной, потому что при ее помощи церковь стремилась укрепить свое всегда зависимое положение в феодальном классе. Духовенство здесь не обрабатывало языческую поэзию, а преследовало ее, за исключением тех устных преданий, которые своим историческим (или псевдоисторическим) содержанием могли служить летописным задачам возвеличения прошлого государства («Повесть временных лет»). Фольклорные произведения как поэтическая ценность литературой почти не использовались и сохраняли свое относительное влияние главным образом в старых традициях дружинного героического эпоса («Слово о полку Игореве»).

Третьим фактором образования изучаемых литератур был их творческий метод, оказавшийся в условиях средневековья посредствующей связью между общественной идеологией и словесным искусством. Социальная и жанрово-стилистическая дифференциация ряда западноевропейских литератур повлекла за собой более раннее обособление их творческих методов как методов эстетических. Этому способствовало влияние развитого литературного наследия римской античности и собственных традиций языческой поэзии. В более молодой и более быстро сформировавшейся литературе Киевской Руси, а также в известной мере в литературах болгарской и чешской твор-

ческий метод не выделился еще из познавательного метода как явления синтетического, обусловленного религиозно-символическим мышлением. Это мышление исходило из глубокой веры в существование двух миров («небесного» и «земного»), и процесс познания этих миров в своих трансцендентных основах сводился к тому, что во всех явлениях находилось символическое значение, которое выступало в качестве причинно-следственной связи, определявшей систему управления реального мира миром потусторонним. Символическая схематизация действительности в общественном мировоззрении и в литературе приводила к тому, что многообразие жизни абстрагировалось (как это показано в трудах Д. С. Лихачева), «индивидуальное» поглощалось «типическим». Христианско-феодальная символика, как метод мышления, уходила своими корнями в символику язычества. В Киевской Руси такая идеология вырастала на почве объединения византийского православия со старым мифологическим мышлением народности. Литературно-риторическая символизация государственных и политических идей развернулась в торжественной проповеди, агиографии, летописании, литературном эпосе. Однотипные явления наблюдались во всех областях культуры, в особенности в фольклоре, иконописи, скульптуре, архитектуре.

В ряде западноевропейских литератур фантастика рано начала обособляться от религиозной этики и историософии. Она стала приобретать характер литературной фантазии, а затем — и относительно самостоятельного художественного вымысла. Эстетика этих литератур развивалась, по-видимому, от символической «историчности» к схематической «реалистичности» путем создания вымышленных образов абстрактно-типовых героев и окружающих их обстоятельств, характерных для быта и представлений определенной корпоративной среды и традиционных для соответственных жанров (таковы, например, герои и обстоятельства в куртуазном эпосе, сатирическом эпосе, фаблью и др.). Произведения такого типа не только были вымышленными, но и стали считаться таковыми.

Литературно-дидактическая символика в условиях Киевской Руси была направлена на объединение постулатов христианства с интересами национальной истории и политической современности, получавших патриотическую

окраску. Литература была исполнена фантастики, но современниками она читалась и почиталась как сама историческая правда. Образы ее героев (князей, княгинь, монахов и др.) и обстоятельства их действий были историчными в своей основе, но подвергались той или иной идейно-символической интерпретации, что в целом ограничивало возможности проявления художественного вымысла (особенно в сюжетике). В известной мере это восполнялось переводной литературой («Александрия», «Повесть о Варлааме и Иосафе» и др.) с развитой фантастической сюжетикой. В оригинальной же древнерусской литературе развивались процессы сближения реальной или легендарной истории с христианской или языческой символикой. Это способствовало литературному отражению актуальных государственно-общественных проблем (таких, как историческое прошлое народа, государственное строительство, династическая политика, княжеские преступления, борьба с внешними врагами и др.) на основе метода символического историзма.

Изучение факторов литературной однотипности и разнотипности в пределах трех намеченных выше категорий позволит объяснить неповторимый публицистическо-гражданский и морально-учительный пафос древнейшей русской литературы как патриотическую миссию ее служения интересам раннефеодального государства.

Намечающаяся проблематика литературно-исторической типологии, даже применительно лишь к литературе Киевской Руси, не может быть решена в кругу традиционных вопросов византийско-славянских литературных отношений, с одной стороны, и только в границах рассмотрения вопросов собственно литературного порядка — с другой. Эти всегда актуальные проблемы, восходящие к самим истокам славистики, необходимо вывести за пределы славистики, для того чтобы они смогли приобрести общее обоснование как в историко-типологическом, так и в философско-социологическом отношениях. Историко-материалистическое исследование этих проблем, первоначально в ареале литератур славянских, затем также — романских и германских, могло бы послужить основой для создания литературно-типологической концепции европейского средневековья, а впоследствии — и для построения синтетической «Истории литератур феодальной Европы».

А. П. Евгеньева

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СТАРШЕГО ПЕРИОДА

«Споры о сущности русского литературного языка, который нередко смешивался и даже отождествлялся с церковнославянским, начались еще в средние века, не позднее XIV—XV вв.».[1] Споры эти продолжаются и по сей день. Они ведутся главным образом по поводу двух вопросов, связанных между собой: 1) какой язык — собственно русский или церковнославянский — лежит в основе древнерусского литературного языка и 2) что представлял собой древнерусский литературный язык.

С этими двумя основными вопросами связаны и другие, также остающиеся нерешенными, спорными. Само понятие литературного языка для древнего периода трактуется исследователями весьма различно.[2] Различные позиции в понимании литературного языка определяют и разное отношение к памятникам письменности. В одних случаях для характеристики древнерусского литературного языка берется не только светская и церковно-религиозная литература, но и летописи, и памятники делового языка, в других случаях — памятники делового языка исключаются, а в третьих — исключаются и летописи. В результате характеристики литературного языка, даваемые исследователями, оказываются различными.

Полярные, прямо противоположные точки зрения на происхождение и развитие древнерусского языка представлены в работах С. П. Обнорского [3] и Б. Г. Унбегауна. [4]

---

[1] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития (VII). М., 1967, стр. 98.

[2] См. обзор и характеристику концепций ученых XIX—XX вв., данную В. В. Виноградовым в названной работе и в его статьях: 1) О новых исследованиях по истории русского литературного языка. — ВЯ, 1969, № 2; 2) Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. — ВЯ, 1969, № 6.

[3] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 6. (Далее — Обнорский, Очерки).

[4] B. O. Unbegaun. 1) L'héritage cyrillo-méthodien en Russie. — In: Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den

С. П. Обнорский с предельной отчетливостью сформулировал свои выводы, к которым он пришел на основе анализа языка четырех памятников: «Русской правды» (в краткой редакции), сочинений Владимира Мономаха, «Моления» Даниила Заточника и «Слова о полку Игореве». Он писал: «...один из выводов, основной, должен считаться безусловно и безоговорочно правильным. Таково положение о русской основе нашего литературного языка, а соответственно — о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов, т. е. положение, вскрывающее ложность существовавшей до этого общей концепции по вопросу происхождения русского литературного языка».[5] Этот вывод, сделанный им при рассмотрении языка «Русской правды», подкреплялся данными, полученными при рассмотрении других памятников: «Анализ языка всех исследованных памятников показывает, что язык их один и тот же, это и есть общий русский литературный язык старшей поры».[6]

С неменьшей категоричностью и резкостью формулирует свои положения Б. Г. Унбегаун, который утверждает, что литературным языком Древней Руси был церковнославянский язык, что именно он и продолжает оставаться русским литературным языком: «церковнославянский по происхождению, русский литературный язык продолжает существовать и развиваться как каждый живой язык по своим собственным законам».[7] Б. Г. Унбегаун утверждает, что «в своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским, и не только оставаться, но и развиваться, и обогащаться при помощи церковнославянского словообразования».[8]

Необходимо заметить, что Б. Г. Унбегаун, говоря о древнерусском литературном языке, исключает из его

Slaven. 863—1963. Köhln—Graz, 1965, pp. 470—482; 2) Le russe littéraire est-il d'origine russe? — RÉS, t. XLIV, 1965, pp. 19—28; 3) Язык русской литературы и проблемы его развития. — В кн.: Communications de la délégation française et de la délégation suisse. Paris, 1968, pp. 129—134. (Далее — Унбегаун, Язык русской литературы).

[5] Обнорский, Очерки, стр. 6.

[6] Там же.

[7] Унбегаун. Язык русской литературы, стр. 129.

[8] Там же.

состава язык деловой письменности и выделяет также язык летописей.

Категоричность и прямолинейность вывода, к которому пришел С. П. Обнорский на основе анализа языка только четырех памятников, не могла не вызвать сомнений и возражений, поскольку другие памятники содержали особенности, не подходившие под характеристику, данную С. П. Обнорским, и требовали объяснений. В. В. Виноградов выдвинул положение о двух типах древнерусского литературного языка (книжно-славянском и народно-литературном). Д. С. Лихачев, в 40-е годы принявший положение С. П. Обнорского, в дальнейшем отказался от него (как отказался и от концепций А. А. Шахматова, Л. П. Якубинского) и принял позицию В. В. Виноградова, но с весьма существенной поправкой. Он находит более правильным признать наличие не двух типов одного языка, а двух литературных языков. Д. С. Лихачев обосновывает свое положение следующим образом: «Единый литературный язык предполагает существование единой же литературы. На самом деле литература Древней Руси только условно может изучаться как нечто единое и синхронно развивающееся».[9]

«Если придерживаться той точки зрения, что в Древней Руси существовал один и единый литературный язык, то мы должны выяснить, что же обусловило собой единство литературного языка при слабости единства литературы? На самом деле, как мне представляется, единого, объединяющего всю литературу, литературного языка в Древней Руси не было».[10] И Д. С. Лихачев утверждает наличие двух литературных языков: «литературно-церковного» и «русского», причем первый рассматривается как «русская рецензия церковнославянского языка» наряду с другими «рецензиями» церковнославянского языка: сербской, болгарской, румынской. Второй литературный язык (русский), по мнению автора, «был связан с живым, устным языком канцелярий, судебных учреждений, официальной политической и общественной жизни».[11]

---

[9] Д. С. Лихачев. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке Древней Руси. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию академика Н. И. Конрада, М., 1967, стр. 303. (Далее — Лихачев, Несколько мыслей о языке).

[10] Там же, стр. 304.

[11] Там же, стр. 305—306.

Крайне противоречивые суждения ученых в вопросах происхождения и истории русского литературного языка можно объяснить лишь тем, что язык как древнейших памятников, так и памятников XV—XVIII, а также XIX—XX вв. недостаточно изучен. Только отсутствием углубленного и всестороннего анализа языка произведений древнерусской литературы, и шире — древнерусской письменности — и вызваны противоречивые оценки, характеристики его то как церковнославянского, то как русского, то как двух особых литературных языков, то как двух типов одного языка. Д. С. Лихачев утверждает, что взаимодействие двух особых литературных языков было настолько значительным и тесным, что мы их находим в одном произведении. «Литературный этикет требовал иногда быстрых переходов от одного языка к другому. Эти переходы совершались порой на самых коротких дистанциях: в пределах лексики одного предложения».[12]

Как же рассматривать язык таких произведений, авторы которых постоянно переходят «от одного языка к другому»? Что представляет собой язык произведения: смесь двух языков?

Складывание любого литературного языка представляет собой длительный и сложный процесс, определяемый многими условиями. Складывание русского литературного языка определялось не только составом участвующих в нем и взаимодействующих элементов, но и характером этих элементов, а также историей народа, создававшего свой литературный язык.

Поскольку в формировании русского литературного языка принимают участие и церковнославянские, и собственно русские элементы, необходимо с гораздо большей полнотой и отчетливостью дать характеристику языка различных памятников письменности, разграничив элементы того языка, который рассматривается в качестве собственно церковнославянского (или старославянского) и представлен в канонических текстах, от элементов церковнославянского языка русского извода (или, как называет Д. С. Лихачев, «русской рецензии церковнославянского языка»). Необходимо особенно тщательно собрать фактический материал для характеристики собственно русского языка, установив общеславянские элементы,

[12] Лихачев, Несколько мыслей о языке, стр. 306.

свойственные как русскому, так и церковнославянскому языку.

Надо признать, что имеющиеся описания «систем» и элементов церковнославянского и древнерусского языка совершенно недостаточны для представления о древнерусском языке, его семантической структуре, а тем более о его «выразительной» стороне. Перечень фонетических, синтаксических, морфологических особенностей не может дать представления о языке как средстве коммуникации, как средстве выражения мысли, а тем более как материале художественной литературы. Именно эта сторона языка почти не затрагивалась в исследованиях историков языка, за исключением работ по языку «Слова о полку Игореве». Но и здесь наиболее значительные и важные работы принадлежат литературоведам. Особенно важными, особенно перспективными являются за последние годы работы В. П. Адриановой-Перетц по анализу и сопоставлению лексики и словосочетаний «Слова о полку Игореве» с лексикой и словосочетаниями других памятников, современных «Слову» или более ранних и принадлежащих эпохе «Слова».[13] Большое значение имеют также работы В. Н. Перетца, Д. С. Лихачева, работы И. П. Еремина, Н. В. Шарлеманя, С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского, А. Н. Котляренко и др.

В перечисленных работах освещено реальное соотношение содержания произведения с исторической действительностью, часто в очень тонких деталях (работы Д. С. Лихачева, А. С. Орлова, Н. В. Шарлеманя и др.), частично «семантическая» система языка в последних работах В. П. Адриановой-Перетц (сопоставительное рассмотрение лексики и словосочетаний), затронуты и показаны выразительные средства языка, поэтика (В. П. Адриановой-Перетц, В. Н. Перетцем, И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым и др.).

И. П. Еремин в своем исследовании «Жанровая природа „Слова о полку Игореве“» рассматривает «Слово» в ряду блестящих произведений ораторского искусства Древней Руси и сопоставляет его с произведениями не только Иллариона и Кирилла Туровского, но и с произведениями греческих и византийских ораторов. Он при-

---

[13] В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

ходит к выводу, что «автор „Слова“ не только замечательный мастер большой культуры, но и гениальный художник», который, «опираясь на многовековую литературную традицию» (не только русскую), «создал произведение глубоко оригинальное и подлинно народное».[14]

Теснейшую органическую связь «Слова» с памятниками русской литературы XI—XIII вв. в самом языке, в его изобразительных и выразительных средствах вскрыла в своих работах В. П. Адрианова-Перетц.

С. П. Обнорский рассматривает «Слово» как один из блестящих образцов собственно русского литературного языка старшего периода. Церковнославянские элементы в тексте памятника он оценивает как позднейшие наслоения.

Крайняя позиция С. П. Обнорского в свете исследований «Слова о полку Игореве» последних десятилетий требует некоторых коррективов. Даже в том случае, если полностью принять положение С. П. Обнорского о происхождении русского литературного языка, необходимо правильно и по достоинству оценить роль старославянского языка в формировании древнерусского литературного языка.

Сильная и твердая традиция церковнославянского языка, господствовавшая в области религии и религиозных отношений, воззрений, занимавших одно из важных мест в жизни в древнюю пору, несомненно играла огромную роль в развитии русского литературного языка. Более сильной была стихия собственно русского языка. Богатство, разнообразие лексики, выразительных средств языка, свидетельствующие о безусловном наличии устно-письменной традиции древнерусского литературного языка, которые мы находим в памятниках «светской» письменности, не только определили развитие литературного языка, но и сыграли большую роль в дальнейшей «русификации» русской «рецензии» церковнославянского языка. Русификация была бы невозможной, если бы церковнославянский язык был во всех своих сторонах богаче, тоньше и совершеннее русского языка.

Общая база — общеславянский язык, лежавший в основе церковнославянского и русского языков, способство-

---

[14] И. П. Еремин. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 163.

вал взаимодействиям, взаимовлияниям, объединению отдельных элементов того и другого языка. Создавались условия для органического слияния элементов с преобладанием в некоторых частях церковнославянского языка, в других — русского. В языке памятников киевской поры мы обнаруживаем явления и процессы, которые свидетельствуют о том, что литературный язык представляет собой целое, в одних случаях с преобладанием собственно русских элементов, в других — церковнославянских, но всегда с общей основой и с тенденцией к органическому слиянию, а не противостоянию и противоборству элементов.

Язык «Слова о полку Игореве» — язык собственно русский. Он многократно рассматривался и описывался. Остановлюсь на одном явлении, которое до сих пор осталось недостаточно освещенным, хотя отдельные его стороны отмечались и фиксировались исследователями при анализе произведения и делались попытки их объяснения.

В «Слове о полку Игореве» обращают на себя внимание префиксальные глаголы, в частности глаголы с приставками *воз-* (*вос-*), *вз-* (*вс-*) и *при-*, *по-*. С. П. Обнорский пишет о них так: «Богатство и разнообразие, а вместе с тем тонкая семантическая дифференцированность глагольной лексики в памятнике в значительной мере достигается широким использованием префиксации глаголов, позволяющей отразить многообразные нюансы основных, выражаемых ими значений. Таково в памятнике параллельное употребление рядов глаголов, не осложненных префиксами и соединенных с префиксами *въ-*, *въз-*, например: седети и всести, троскотати и втроскотати, стонати и встонати, ср. еще вшумѣти, или граяти и взграяти, пѣти и въспѣти, плакати(ся) и въсплакатися, плескати и въсплескати, лелѣяти и възлелѣяти и др.». «Особенно широко использование в памятнике глаголов, соединенных с префиксами *по-* и *при-*, получающих вместе с своеобразными оттенками в общей своей семантике и специфическое стилистическое значение. . .».[15]

Стилистическая, поэтическая, структурно-композиционная функции префиксальных глаголов неоднократно от-

---

[15] Обнорский, Очерки, стр. 187.

мечались исследователями «Слова о полку Игореве». Мы находим глаголы с одинаковыми приставками в «ритмизованных» и параллельно построенных предложениях:

Хощу бо, — рече, — копие приломити
конець поля Половецкаго,
с вами, русици, хощу главу свою приложити
а любо испити шеломомь Дону.
Подъ шеломы възлѣлѣяни,
конец копия въскормлени.
костьми была посѣяна,
а кровью польяна,
и т. д.

Однако стилистическая функция в данном случае не предрешает, с какой именно приставкой выбирается глагол. В тексте «Слова» много параллельных конструкций с глаголами без приставок и с глаголами, имеющими другие приставки. Большое количество в тексте «Слова» глаголов с приставками *въз-*, *воз-*, *по-*, *при-* определяется прежде всего их семантической функцией в составе глагола, а также той общей системой употребления приставок, которая характеризует литературный и шире — письменный — язык старшего периода. В тех частях произведения, где автор «Слова» по ходу повествования называет действия, сменяющие друг друга, он естественно берет глаголы, выражающие не только процесс, но и его начало: взграять, втроскотать, всшуметь, всстонать, всплескать, всплакаться и т. д.

В «Слове» нет глаголов с приставкой *за-*, указывающей начало действия. В нем она выступает как показатель пространственных отношений (куда-либо, за что-либо занести, зайти, залететь и т. д.), или закрытия, прекращения (загородити, закладати), или полной исчерпанности действия (зарезати) и т. д. Следует заметить, что в данном случае у автора «Слова» отсутствует выбор, продиктованный стилистической задачей.

Другие памятники также не содержат глаголов с приставкой *за-* в начинательном значении. Об этом свидетельствуют «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, где зафиксированы лишь редчайшие, единичные случаи (их три), тогда как глаголы с приставкой *вз-*, *воз-*, имеют (кроме значения движения вверх, доведения до высшего предела) еще и значение начала действия, его возникновения, совершения.

В «Слове» в полном соответствии с лексико-семантической системой XI—XIII вв. употребляются глаголы с приставками *вз-*, *воз-*.

Приставки, их семантика, их функции принадлежат и к общим, и к отдельным областям языка. Судьба приставки *воз-*, *вз-* достаточно своеобразна, чтобы не привлечь к себе внимания филологов. В грамматической литературе неоднократно отмечалась стилистическая противопоставленность приставки *воз-*, *вз-* другим приставкам. А. Х. Востоков, например, дал сопоставление глаголов с приставками *воз-* и *за-* (воспылать — запылать, вострепетать — затрепетать, восплакать — заплакать, и т. д.), однако отметил, что далеко не все глаголы с приставкой *воз-* (в начинательном значении) имеют соответствие в виде глаголов с приставкой *за-*.[16] В статье И. С. Ильинской «Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в.»[17] и в книге «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.»[18] освещается история приставки *воз-*, *вз-* в языке конца XVIII—XIX в. Эту историю надо начинать с письменных памятников XI в. Но она будет неполной, если мы пройдем мимо того, что дают южнорусские диалекты. Описывая говор дер. Селино Тульской области Дубенского района, Ф. П. Филин обращает внимание на характерную его черту — наличие глаголов с *вз—ся*, указывающих на чрезвычайно интенсивное начало действия и его развития (взвенеться, взгреметься, взреветься, взбрехаться, всплескаться, взбушеваться), например: «Коровы взревелись: кровь учуяли»; «нарот как всшумится, так и не дали ему говорить»; «чавой-та там саседи взгалделись»), и т. д.[19] Развитие этих образований в ряде южнорусских говоров — одна из сторон истории приставки *воз-*, *вз-* в русском языке в целом.

---

[16] А. Х. Востоков. Русская грамматика, ч. 1. СПб., 1842, гл. IV, § 84.

[17] И. С. Ильинская. Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в. — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964, стр. 167—224.

[18] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1967.

[19] Ф. П. Филин. Об одной особенности диалектного словообразования. — Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. XV, факультет языка и литературы. Л., 1956, стр. 183—189.

Иной представляется судьба приставки *по-* с начинательным значением у глаголов целенаправленного движения (движения в одном направлении: полете, потече, побегоша, помчаша и т. д.). Она продолжает сохранять свое значение (и не только это) и никаких существенных изменений на протяжении многих веков не претерпела: отдельные изменения в глаголах с приставкой *по-* имеют лексический характер и обусловлены синонимическими и иными отношениями (два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста и с ними молодая месяца Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море погрузиста).

Весьма интересный материал представляют глаголы с приставкой *при-* в «Слове». Некоторые из них отмечались исследователями. Это глаголы: приложити (хощю главу свою приложити), приломити (хощю бо, — рече, — копие приломити), припѣшяти (уже соколама крыльця припѣшяли). В «Слове», кроме трех названных глаголов, есть еще десять глаголов с приставкой *при-* (прикрывати, прикрыти, приламатися, приодѣти, притрепати, притрепетати, притъптати, привести, приходити, пригвоздити).

Следует заметить, что не только в «Слове», но и в других памятниках древнейшей поры мы находим глаголы с приставкой *при-*, которая выступает в сочетании с несколько иными основами, чем в современном литературном языке, и имеет своеобразную семантику. Это обращало на себя внимание филологов, по этому поводу высказаны были некоторые соображения и предположения. В Хронике Георгия Амартола глаголов с приставкой *при-* более ста, и они чрезвычайно разнообразны. В. М. Истрин, отвечая на критические замечания и различные соображения, высказанные П. А. Лавровым, писал следующее: «В Хронике встречается немало слов с префиксом „при“, из которых некоторым П. А. Лавровым приводятся чешские параллели, так: „пригасити“ — přihasiti, „примост“ — přimostek, „приплакати“ — připlakati, „приподобл҃тисѧ“ — připodobiti, „прииринутисѧ“ — přiřinouti se, „прискочити“, „присѣкивати“ — přisekati. Но какое значение имеют здесь чешские параллели? Префикс „при“ передает различные греческие префиксы: ἀπο-, ἐπι-, παρα-, προ-, προσ-, κατα-, и каждый переводчик — чех, болгарин, русский, — имевший в своем языке, живом или книжном, то или другое слово без префикса, встречая соответствующее слово

с указанными префиксами, просто и свободно мог передавать его тем же словом, но с приставкой „при"».[20]

Весьма большое количество глаголов с приставкой *при-* зафиксировано в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Многие из значений приставки *при-* продолжают свою жизнь в современном литературном языке (например, приближение по месту, по времени; прибавление, присоединение и т. д.), но некоторые из них отступили, значительно сократились, вышли из «нормативного» употребления и продолжают сохраняться в просторечии, в областных говорах. К таким значениям приставки *при-* относится выражение полной завершенности действия, интенсивности и окончательности процесса (ср. в современной разговорной речи: *прикончить — совсем* закончить: «Наконец все нужные дела прикончены». Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина; прискучить — совсем и чрезвычайно наскучить: «Город прискучил до отвращения». Чехов, Моя жизнь).

Система глагола в русском языке (как, в свою очередь, и система глагола в болгарском, сербском, чешском языках) претерпевала серьезные изменения на протяжении истории языка, в особенности на протяжении XIII—XIV вв. Основной тенденцией, определившей многое в истории глагола, было развитие видовых соотношений, что оказало несомненное влияние на характер значений приставок.

В общеславянском языке (и в дальнейшем в отдельных славянских языках) приставки были основным структурным средством выражения различий совершенного и несовершенного вида, однако их конкретное значение было более близко к тем значениям, которое имели и соответствующие предлоги. Сопоставление приставочных глаголов древнейшей поры с глаголами последующих эпох, выяснение их функциональной семантики в разные исторические периоды раскрывают структурные особенности в системе глагола в общеславянском, древнерусском, древнеболгарском языках. Системные отношения какой-либо одной стороны языка — один из важнейших показателей при характеристике системы языка в целом, с одной стороны, а с другой — один из надежных крите-

[20] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. III. Л., 1930, стр. XXXII—XXXIII.

риев при временной и «национальной» локализации языка. Система глагола, в особенности в семантике и употреблении приставочных образований, которую мы находим в «Слове», характерна для древнерусского языка XII—XIII вв., при этом она очень целостна и выразительна. Исследование лексики того или иного памятника на предмет определения времени его создания, определения его языковой системы и характеристики ее как системы церковнославянского или древнерусского языка не может ограничиваться разысканием того или иного слова в других памятниках близких эпох. Необходимо тщательное изучение лексики в ее «системных» — семантических словообразовательных, функциональных — особенностях в каждом исследуемом памятнике.

Отсутствие в исторических словарях ряда слов, встречающихся в «Слове», для некоторых служило основанием к сомнению в его подлинности и его древности. Современное состояние методов лингвистического исследования дает историку языка более совершенные и надежные способы изучения языка памятников. Даже отдельный частный вопрос употребления приставочных глаголов в «Слове» свидетельствует о целостности и системном характере использования приставок *вз-*, *воз-*, *по-*, *при-* в глаголах. Нет необходимости обязательно найти в другом памятнике слова «приломити», «приложити», чтобы утверждать их принадлежность древнейшей поре.

Принадлежность к основному составу глаголов без приставок, а также употребление их с другими приставками, с одной стороны, а с другой — употребление приставки *при-* со многими другими глагольными основами именно в той функции, в какой она выступает в глаголах «приломити», «приложити», дает достаточные основания, чтобы рассматривать названные глаголы в составе лексики XII—XIII вв.

Своеобразие, а вместе с этим отчетливо выраженное системное употребление глаголов с приставками *вз-*, *воз-*, *по-*, *при-* в «Слове о полку Игореве» — одно из многих частных свидетельств древности его создания, а также одно из подтверждений целостности системы древнерусского литературного языка, корни которой обнаруживаются и до сих пор не только в современном литературном языке, но и в говорах русского языка, т. е. в русском языке, рассматриваемом в его целом.

Я. С. Лурье

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Русское летописание, сложившееся уже в XI в. и непрерывно продолжавшееся до второй половины XVI в. (а частично и до XVII—XVIII вв.), представляет собой один из важнейших и наиболее устойчивых жанров древнерусской письменности. В исследовании летописания русская наука уже в начале XX в. достигла очень больших успехов — прежде всего в трудах А. А. Шахматова. Главными достижениями советской исторической и филологической науки было создание общей истории русского летописания и постановка вопроса о летописи как о памятнике литературы. Для дальнейшего изучения летописания особенно важно введение в научный оборот и открытие ряда новых летописных текстов. Уже в 20-х годах были изданы Типографская летопись и Рогожский летописец; в 50—60-х годах, в составе возобновленного издания «Полного собрания русских летописей», были опубликованы Московский свод конца XV в., Вологодско-Пермская и Никаноровская летописи, Сокращенный летописный свод 1493 г. (Погодинская летопись), Свод 1518 г. (Уваровская летопись), Летописец начала царства, а также неизвестные прежде своды 1495 г. (Мазуринская летопись) и 1497 г. (Прилуцкая летопись) и ряд других. Вне ПСРЛ были изданы Псковские летописи (по новому плану и с новыми текстами), Новгородская летопись старшего и младшего извода, Устюжский летописный свод (Архангелогородская летопись), Иоасафовская и некоторые другие летописи. Найдено и готовится к печати еще несколько летописей.

Введение обильного нового и малоизвестного материала несомненно поможет историкам и литературоведам решить ряд теоретических вопросов истории летописания.

К числу проблем, до сих пор вызывающих серьезные разногласия в филологической и исторической науке, принадлежит вопрос об общих принципах исследования летописей. Уже ученые XIX в. установили, что древнерусские летописи были сводами — собраниями разновременно возникшего материала, но до А. А. Шахматова

исследование летописей заключалось в основном в попытках «разложить их на составные элементы, выделить их источники и использовать эти подлинные первоисточники как исторический и историко-литературный материал».[1] А. А. Шахматов исходил из того, что источниками большинства летописных сводов были другие своды. Сопоставляя между собой весь материал параллельных летописных текстов, А. А. Шахматов устанавливал существование ряда сводов-протографов — общих источников дошедших до нас летописей. Такой путь исследования обогатил науку важнейшими и часто несомненными новыми фактами; он позволил выяснить метод работы летописца (его отношение к предшествующим текстам) и дал возможность определить основные пути истории летописания в целом. Научные принципы А. А. Шахматова получили дальнейшее развитие в трудах советских исследователей; однако в восприятии этих принципов не всегда наблюдается последовательность. Выводы А. А. Шахматова не однородны по своему научному значению: если наличие общих источников для ряда дошедших до нас летописей в ряде случаев было установлено им с несомненностью, то *определение* этих источников, их датировка и атрибуция неизбежно были гипотетичными. Еще более предположительный характер имело определение сводов, отразившихся не в нескольких, а в одном летописном тексте и выделяемых только на основе внутреннего анализа этого текста. Между тем в науке нередко закрепляются именно эти гипотетические определения А. А. Шахматова: историки и литературоведы говорят о гипотетических сводах того или иного князя и епископа как о реально дошедших памятниках. Недостаточная дифференциация между «летописными сводами как учеными построениями и летописными сводами, сохранившимися в действительности» (о необходимости которой предупреждал М. Д. Приселков),[2] сказывается и в издательской практике, где новонайденные летописные тексты получают лаконичные и крайне неудобные наименования «сводов» такого-то года. Наряду с этим в ряде работ не учитываются или отвер-

[1] А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов в изучении древнерусских летописей. — ИОРЯС, т. XXV, 1922, стр. 163.

[2] М. Д. Приселков. Пояснительные замечания к плану издания Полного собрания русских летописей. (Рукопись). — Архив АН СССР (Ленинград), разр. IV, оп. 42, № 26, л. 17; ср. л. 5.

гаются без аргументации бесспорные взгляды А. А. Шахматова и других ученых о взаимоотношениях между реальными летописными текстами (отражение в Новгородской I летописи свода, предшествовавшего «Повести временных лет»; взаимоотношения между летописями, восходящими к различным общерусским сводам XV в.). Исследователям летописания необходимо строго разграничивать бесспорные факты летописной генеалогии, гипотезы, необходимые для объяснения взаимоотношений между летописями, и, наконец, догадки — возможные, но не обязательные. Уже давно назрела необходимость систематизации накопленных данных о взаимоотношениях между известными нам летописями и построения на основе этого материала общей генеалогической схемы всех дошедших до нас летописных сводов. Такое закрепление основных построений науки о летописях даст прочную основу для исследований по истории и литературе Древней Руси.

Сопоставление параллельных летописных сводов обнаруживает их яркую тенденциозность, глубокую и несомненно сознательную переработку более поздними летописцами своих источников. Вывод А. А. Шахматова о «политических страстях и мирских интересах» летописцев был подтвержден колоссальным фактическим материалом, собранным М. Д. Приселковым и другими советскими исследователями. Летопись была рассчитана в первую очередь не на потомков, а на современников, и в ряде случаев летописные своды прямо использовались как документ в политической борьбе. Нет оснований противопоставлять в этом отношении древнейшую летопись летописанию последующих веков и считать «Повесть временных лет» политически беспристрастным памятником: глубокие отличия между «Повестью» и одним из ее источников, отразившимся в Новгородской I летописи, касаются важнейших вопросов истории Киевской Руси и едва ли могут объясняться случайными причинами. Но если тенденциозность была присуща летописанию на всем его протяжении, то характер этой тенденциозности мог меняться в зависимости от конкретного назначения летописи. На Руси почти не было частного или фамильного летописания, — даже в тех случаях, когда какой-либо влиятельный человек (например, купец и строитель В. Д. Ермолин) хотел увековечить свою деятельность, он использовал для этого уже ведущийся свод, но не составлял особой летописи.

Постоянными центрами летописания были монастыри; часто монастырский летописец был связан с тем или иным светским или духовным феодалом и создавал *официозные* летописные своды. Наряду с официозным существовало в Древней Руси и вполне *официальное* летописание — официальная великокняжеская летопись (на которую даже ссылались перед татарскими ханами), своды митрополитов всея Руси и новгородских архиепископов. Но во второй половине XV в., когда митрополиты всея Руси попали в полную зависимость от великих князей, а многочисленные феодальные княжества были включены в состав Русского государства, ведение летописных сводов, открыто противостоящих великокняжеским, стало невозможным; с конца XV в. исчезли и неофициальные (монастырские) оппозиционные своды. Резкая граница в истории летописания пролегает не между древнейшим летописанием и летописанием после XII в., а между летописями XII—XV вв. и летописанием XVI—XVII вв. Жесткая унификация XVI в. нанесла тяжелый удар русскому летописанию; в годы опричнины официальное летописание, многократно переделывавшееся в связи с переменами в политике Грозного, было прервано. Летописи, продолжавшиеся на периферии Русского государства, уже не имели такого значения, как прежде; летописание вытесняется другими видами исторического повествования.

Изучение летописи как памятника литературы — одна из важнейших задач, стоящих перед исследователями летописания. Древнерусская письменная традиция не проводила четкого разграничения между деловой письменностью и художественной литературой; черты художественного творчества могут быть поэтому обнаружены в самых разнообразных письменных памятниках, в частности в летописях. Но из этого, однако, не следует, что все особенности летописания, отличающие его от памятников современной художественной литературы, могут считаться проявлениями особого «художественного мышления» древнерусского писателя или «дореалистической природы» литературы Древней Руси.

При исследовании летописи как литературного памятника необходимо учитывать историю летописания — генеалогию летописных сводов, происхождение отдельных элементов летописного повествования, назначение летописей. Летописание, которое может рассматриваться в исто-

рии древнерусской письменности как определенный и устойчивый жанр, с литературно-художественной точки зрения было скорее конгломератом различных жанров — погодных записей чисто информационного типа, летописных сказаний легендарно-фольклорного происхождения и развернутых рассказов о важнейших исторических событиях. Удельный вес этих жанровых элементов был различным в разные периоды. Погодная запись не была древнейшей формой летописного повествования и не сразу стала основой летописания; вплоть до 60-х годов XI в. на Руси не было своевременной систематической записи исторических событий, и летопись представляла собой повествование (или группу повествований) без сплошной хронологической сетки. «Повесть временных лет» начала XII в. была уже сочетанием различных элементов — погодных записей, заимствованных из более раннего летописания эпических легенд с четко построенным сюжетом (смерть вещего Олега, мести Ольги и т. д.), развернутых рассказов о современных летописцу событиях (таких, например, как рассказ об ослеплении Василька Теребовльского) и т. д. Соединяя эти рассказы, составитель «Повести» едва ли стремился придать своему рассказу художественное единство. Еще дальше от задач художественной литературы стояли летописи, продолжавшие «Повесть временных лет». Эти летописи с самого начала опирались не на эпические предания, а на систематические и регулярные записи летописцев. Большинство развернутых рассказов в летописании после XII в. было посвящено реальным (чаще всего военным) событиям относительно недавнего времени; художественное мастерство летописцев проявлялось прежде всего в умелом распределении фактического (фабульного) материала, в использовании сюжетных коллизий и художественных деталей, «подсказывающих» читателю авторскую мысль. Более «свободное» сюжетное повествование на фольклорной основе получило после XV в. развитие не в летописании, а в других видах письменности — в отдельных повестях и в Хронографе; жанр светской биографии породил в XVI в. особый памятник исторического повествования — «Степенную книгу».

Ряд особенностей летописного повествования (совмещение разных стилистических систем, противоречивая характеристика некоторых деятелей) может быть объяс-

нен публицистическими и историографическими целями, стоявшими перед летописцами. Однако, не относясь полностью к области литературы как искусства, летописание все же сыграло величайшую роль в развитии художественного творчества Древней Руси. Роль эта определялась прежде всего тем, что летописи были самыми обширными и развернутыми памятниками светского характера среди церковной по преимуществу письменности Древней Руси. В летописных рассказах нередко нарушались этикетные нормы, особенно характерные для агиографического и церковно-учительского жанра; некоторые летописные сказания оказывались свободными и от прямолинейного «воинствующего» дидактизма церковной литературы. В летописных рассказах чаще, чем в других памятниках, исследователи древнерусской литературы обнаруживают черты «художественно правдивого, сделанного не без участия художественного вымысла изображения действительности, которое воздействует на читателя самой выразительностью описания, умелым подбором сильных деталей».[3] Именно поэтому летописание было для литературы Древней Руси своеобразной художественной лабораторией, где возникали прообразы литературных жанров, получивших затем самостоятельное развитие — сюжетного повествования на фольклорной основе, исторической повести и даже бытовой сатиры XVII в.

О. В. Творогов

РУССКИЙ ХРОНОГРАФ И ЗАДАЧИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Значение русского хронографа как памятника литературы и общественной мысли Древней Руси трудно переоценить. О его популярности среди русских книжников вплоть до середины XVIII в. наглядно свидетельствуют сотни дошедших до нас списков, хотя они, несомненно, лишь небольшая часть существовавших воспроизведений этого памятника.

---

[3] В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 10.

Хронограф выступал не только в своих «канонических» редакциях — 1512 г., Основной и Распространенной редакциях 1617 г., в разновидностях редакций 1620 г., в редакции, не разделенной на главы, и т. д., — отдельные статьи, а иногда и значительные по объему фрагменты хронографа включались и в состав официальных летописных сводов, например Никоновской летописи, и в состав сборников, и в состав хронографических компиляций неустойчивого состава (А. Н. Попов называл их «хронографами особого состава»); и, наконец, отдельные статьи, совершенно утрачивая связь с породившим их жанром, включались в литературные, «беллетристические» сборники.

С другой стороны, сам канонический текст хронографа претерпевал в каждой новой редакции изменения, частично сокращаясь, но почти в той же степени расширяясь за счет введения новых сведений из новых источников. Хронограф являлся как бы своеобразной исторической энциклопедией, сводом, долженствующим вобрать и передать жаждущему знаний читателю возможно большую сумму упорядоченных сведений по истории стран и народов, церковной истории, античной культуре, географии, этнографии. Это тематическое богатство хронографа, эволюция его состава, на каждом этапе истории текста откликавшегося на запросы времени, делают этот памятник бесценным свидетельством культуры и идеологии русских книжников XVI—XVIII вв.

Тем не менее приходится признать, что в истории хронографа и даже в описании состава его редакций немало белых пятен. Последний крупный исследователь русского хронографа С. П. Розанов указывал как на первоочередную задачу на необходимость приведения «в наличность всего хронографического материала библиотек», ибо «хронографический материал наших книгохранилищ далеко еще не исчерпан; даже мало того, после Попова его и не трогали, и, следовательно, можно ожидать, что новые поиски дадут и нечто новое».[1]

Уже после написания цитируемой статьи С. П. Розанов собрал и классифицировал большое число списков

---

[1] С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLI, № 1, отд. 2, стр. 136.

хронографа редакции 1512 г. и Западнорусской редакции и издал эти редакции,[2] но с разысканиями и описанием списков других редакций «после Попова» дело не изменилось. Приведем такой факт: А. Н. Попов указал на 9 списков Основной и 2 списка Распространенной редакции 1617 г. в собраниях ГПБ; в настоящее время нам известно в тех же собраниях соответственно 26 и 6 списков. Подобные же находки, бесспорно, ожидают исследователя и в других рукописных собраниях.

Итак, просмотр и классификация многочисленных списков хронографа — первоочередная задача, без решения которой нельзя продолжать исследование памятника.

В связи с вопросом о классификации списков хронографа остановлюсь на одном термине. А. Н. Попов[3] наряду с определениями «древняя редакция хронографа», «вторая редакция хронографа», «третья редакция хронографа» приводит и определение — «хронографы особого состава». В «Описании рукописного отдела БАН» В. Ф. Покровской выделен разряд «хронографических сборников».[4] Вслед за В. Ф. Покровской я предложил бы определить три вида рукописей, так или иначе соотносимых с хронографами. Во-первых, собственно хронографы, отдельные списки которых, однако, могут иметь те или иные дополнения как в конце рукописи, так и внутри глав. Но при этом должно быть сохранено непременное условие: вставки и дополнения не должны разрушать каноническую структуру данной редакции. Приведу пример. Рукопись ГПБ F.IV.236, конца XVII—начала XVIII в., подаренная библиотеке А. Н. Олениным. На корешке переплета надпись: «Летописец от начала славянского на-

---

[2] С. П. Розанов. 1) Хронограф редакции 1512 г. К вопросу об издании Хронографа. — ЛЗАК, вып. 18, СПб., 1907, стр. 1—16; 2) Хронограф западнорусской редакции. К вопросу об его издании. — ЛЗАК, вып. 25, СПб., 1913, стр. 1—20. Обе редакции хронографа изданы: ПСРЛ, т. XXII, чч. 1—2, СПб., 1911—1914.

[3] А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 68—70 и 124. (Далее — Попов, Обзор хронографов).

[4] Исторические сборники XV—XVII вв. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. Составили А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1965, стр. 7—106.

рода до 1613 г.». В дальнейшем рукопись была определена как хронограф. Это действительно хронограф редакции 1617 г., причем данная рукопись, — видимо, второй его том: она начинается с л. 965 и включает главы 129—179, соответствующие главам 121—169 канонического текста редакции. Канонический текст хронографа сохранен, но в главы сделаны обширнейшие вставки. Источником их послужил, вероятно, один из списков Никоновской летописи. Извлечения настолько пространны, что перед нами едва ли не еще один полный список летописи. В хронограф включены также послание Филофея Мисюрю Мунехину, полный вид повести о Скандербеге, сходный со списком, изданным Н. Н. Розовым,[5] и другие памятники. Название «хронограф особого состава» можно было бы сохранить за рукописями подобного типа, когда дополнительные статьи накладываются на сохраненную структуру хронографа.

Вторая группа — это исторические сборники, куда наряду с повестями, выписками из летописей и другими историческими и литературными произведениями включаются и выписки из хронографов.

Третья группа — хронографические сборники, также включающие выписки из хронографов, но в отличие от исторических сборников построенные по «хронографическому» принципу, т. е. с хронологическим расположением материала, что превращает их в оригинальные хронографические компиляции. Примером такого хронографического сборника может служить рукопись ГПБ F.IV.243. Первые сто листов ее занимает библейская история от сотворения мира до рассказа о Иакове. В эту компиляцию входят и отрывки из хронографа 1617 г. Затем следуют уже более обширные выписки из хронографа с сохранением даже отдельных заголовков, но в этой части опускаются целые статьи и главы сравнительно с каноническим текстом хронографа. После Александрии, перемежаясь с краткими выписками из хронографа, следуют статьи «О Палестинской земле», «Пророчество о Христе» (апокриф «Сказание Афродитиана»), апокрифическое Никодимово евангелие и т. д. Место всех статей обусловлено хронологической последовательностью изложения. Хроно-

[5] Повесть о Скандербеге. Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.—Л., 1957.

графическими сборниками можно назвать и сокращенные «редакции» хронографа, подобные описанным А. Н. Поповым рукописям Погодинского собрания №№ 1461 и 1463.[6] Это составленные соответственно вкусам переписчика или заказчика рукописи выборки статей из хронографа.

Составление хронографических сборников по хронологическому принципу, — видимо, проявление своеобразного, пусть примитивного, «научного историзма», стремление к сохранению исторической перспективы при изложении исторического или историко-литературного материала.

Следующей важной задачей является подробное описание состава различных редакций хронографа. Если редакция 1512 г. достаточно подробно описана А. Н. Поповым,[7] то его же заметки о редакциях 1617 и 1620 гг. требуют дополнений и пересмотра.

Определяя общий характер взаимоотношений «древнейшей» и «второй» редакций хронографа, А. Н. Попов писал: «Основа хронографа и при второй редакции его осталась та же самая, но и немногие сравнительно с целым памятником видоизменения и дополнения интересны в литературном отношении».[8] Далее исследователь указал на три основных типа отличий редакции 1617 г. от редакции 1512 г.: сокращения, дополнения по переводным источникам и дополнения по русским летописям, а также изложение событий русской истории, составленное самим редактором хронографа. Но А. Н. Попов не достаточно обратил внимание на четвертый, и самый распространенный, тип взаимоотношений памятников — свободный пересказ хронографа 1512 г. не только с сокращением его, но с перестановками, заменой отдельных фрагментов текстом из других источников, многими незначительными по объему, но существенными по приводимым сведениям или рассуждениям дополнениями.

Словом, перед нами не «немногие... видоизменения и дополнения», а радикальная переделка текста основного источника — хронографа 1512 г.

Не всегда точен А. Н. Попов и в фактических справках. Так, например, он отмечает, что словам хронографа

---

6 Попов, Обзор хронографов, вып. 2, стр. 122.
7 Попов, Обзор хронографов, вып. 1, стр. 95—215.
8 Там же, вып. 2, стр. 71.

1512 г. «пишет же инде, яко в четвертый же день диавол отпаде, видев землю украшену и рече: „Поставлю на облацех престол мой и буду подобен вышнему“», — во второй редакции соответствует «обширная выписка из Палеи под заглавием: „О отпадении аггельстем и в бесы претворшихся“».[9] В действительности во всех видах редакции 1617 г. текст тот же, что и в редакции 1512 г., и лишь в списках одного, позднего вида встречается упоминаемая А. Н. Поповым статья. В перечислении «главнейших» пропусков и сокращений, которым подвергся хронограф 1512 г. под пером редактора хронографа 1617 г., А. Н. Попов называет опущенной статью «О убиении младенец детей израилевых».[10] В действительности эта статья полностью сохранилась в редакции 1617 г., но носит там другое название («О озлоблении людей еврейских»). В том же перечне А. Н. Поповым не указано на опущение статей «О брани на Амалика» и «Обличи Самуил Саула, яко пощаде Агага царя». Подобные примеры могут быть продолжены. Из этого вытекает вывод о необходимости тщательного описания состава основных редакций хронографа, установления видовых различий внутри редакций и установления генеалогии отдельных видов. Отсутствие такой генеалогии может легко натолкнуть на ошибочные выводы о составе хронографа той или иной редакции, а также о взаимоотношении редакций. Поводом для таких ошибок могло бы, например, послужить издание редакции 1617 г. Амфилохием, представляющее собой ненаучное издание дефектного списка одного из поздних видов этой редакции.[11]

Особенно важно исследовать ту редакцию хронографа, которая представлена хронографами 1599 и 1601 гг. Существующие краткие описания отдельных списков, сделанные А. А. Шахматовым[12] и С. П. Розановым,[13] совершенно недостаточны для того, чтобы определить состав

---

[9] Там же, вып. 1, стр. 100—101.

[10] Там же, вып. 2, стр. 71.

[11] Летописец, списанный св. Дмитрием в Украйне с готового 2-й редакции до 1617 г. Издание Амфилохия, епископа Угличского. М., 1892.

[12] А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. — Сб. ОРЯС, т. LXVI, № 8, СПб., 1900, стр. 49—55.

[13] С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах, стр. 109—126.

этой редакции и ее отношение к другим редакциям хронографа.

Не все еще ясно и в изучении источников хронографа. Остановлюсь на одном примере — отражении Троянских сказаний в хронографах редакции 1512 и 1617 гг.

Известно, что в редакции 1512 г. читается «Повесть о создании и попленении Тройском и о конечном разорении, еже бысть при Давиде царе иудейском» (статья главы 106), восходящая к так называемой «Троянской притче», включенной в два известных ныне списка Хроники Манассии — Ватиканский и Софийский. Академик А. Н. Веселовский, исследовавший сказания о Трое, отметил, что «Троянская притча» была внесена в хронограф редакции 1512 г., но что «редакция, изданная Пыпиным, с ее сокращениями и лишними эпизодами, заимствованными из другого источника, не представляет большого подспорья к восстановлению оригинала».[14] Но редакция, изданная А. Н. Пыпиным,[15] и есть тот самый сокращенный вариант «Троянской притчи», который только и читается как в составе хронографа, так и в отдельных списках. Полного текста «Троянской притчи» вне упомянутых выше списков Хроники Манассии нам не пришлось встретить.

В редакции 1617 г. в главе 24 читается сказание «О златом руне волшебного овна». А. Н. Попов считает эту главу «Троянской историей» Гвидо де Колумна в переделке Мартина Бельского.[16] Это мнение ошибочно. Рассказ Бельского, особенно в изложении событий, предшествовавших Троянской войне, существеннейшим образом отличается от рассказа Гвидо де Колумна, при этом как раз не опущением тех или иных подробностей, а напротив, наличием таких эпизодов и коллизий, которые отсутствуют в романе Гвидо. У Бельского, например, подробно излагается история Фрика и Елены (Фрикса и Геллы), история спасения Геркулесом дочери троянского царя Лаомедонта Ексионы; причем именно отказ Лаомедонта отдать, как было обещано, в жены Геркулесу спасенную

---

[14] А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. II. СПб., 1888, стр. 29.

[15] А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 306—316.

[16] Попов, Обзор хронографов, вып. 2, стр. 101.

им царевну и послужил, по основной версии Бельского, причиной первой войны греков и троянцев. Правда, Бельский тут же излагает и другую версию, сходную с версией Гвидо, — Ексиона была захвачена уже в ходе войны, разразившейся из-за оскорбления, нанесенного Лаомедонтом Геркулесу и Язону, но эту вторую версию как раз опускает хронограф 1617 г. И у Бельского, и в хронографе имеется рассказ о детстве Ахилла, о его омовении в водах Стикса, о его воспитании у Харона, о том, как Улисс узнал юного Ахилла в женском платье, и т. д. Все эти эпизоды отсутствуют у Гвидо де Колумна. Итак, в Хронике Бельского и, соответственно, в хронографе мы встречаем существенно отличное от Гвидо сказание о Троянской войне. Однако утверждение, что именно роман Гвидо в пересказе Мартина Бельского вошел в русский хронограф, широко распространено в литературе.[17] Вопрос о источниках хронографа, следовательно, также требует новых разысканий и уточнений.

Только после решения указанных выше первоочередных задач можно будет вернуться к поднятому еще А. А. Шахматовым вопросу о происхождении русского хронографа, вопросу, в котором также остается немало спорных и требующих уточнения деталей.

В заключение еще раз подчеркну, что хронограф представляет большой интерес для историков русской литературы и русской культуры. Во-первых, он свидетельствует о том круге исторических, географических и историко-культурных сведений, которыми располагали широкие круги русских книжников, редакторов и читателей хронографа. Во-вторых, наблюдая смену исторических компиляций от Еллинского и Римского летописца до хронографа середины XVII в., мы наблюдаем эволюцию взглядов, интересов, расширение круга сведений и знаний, наблюдаем, как по-разному сочетался интерес к далекому прошлому с интересом к событиям современности, как все большее место в исторических сводах занимала история славян и самой Руси.

---

[17] См., например: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 44—45; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 7. М., 1966, стр. 162.

Н. Ф. Дробленкова

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В XV в.

(Постановка вопроса)

Процесс взаимовоздействия древнерусской литературы и деловой письменности на протяжении XV—XVII вв. неоднократно привлекал внимание исследователей: А. С. Орлова, В. П. Адрианову-Перетц, Д. С. Лихачева, А. А. Назаревского, А. Н. Робинсона и многих других. В этом отношении избранная тема не нова.

Сразу же оговоримся, что не ставим своей целью дать полную классификацию или систематизированный обзор всех случаев и форм взаимовоздействия памятников деловой письменности и литературы на материале XV в. Между тем этот век мог бы представить не один любопытный пример того, как в литературе этого времени усваивались речевые обороты или приемы портретной характеристики, принятые в деловой письменности.[1]

Коснемся только частного вопроса — отметим наличие основных черт, присущих посольским «статейным спискам», в двух литературных памятниках — в «Сказании (Слове) о Вавилоне» и в русской обработке «Сказания об Индийском царстве».

Оба эти произведения — и «Слово о Вавилоне», и вторая русская редакция «Сказания об Индийском царстве» (о которой далее и будет идти речь, так как первая ре-

---

[1] С одним из ранних проявлений этого процесса встречаемся в летописной Повести о путешествии в Царьград митрополита Митяя, где перед портретной характеристикой еще сохраняется фраза, принятая в русском посольском делопроизводстве, «государевых наказах» послам (ср., например, «статейный список» Ф. А. Писемского. — В кн.: Путешествия русских послов в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, стр. 148, 154): «*Взыскати же и распытывати, кто есть наместник сей Митяи, или откуда бе?* Сии Митяи саном беаше поп, един от коломеньских попов, възрастом не мал, телом высок, плечист, рожаист, браду имея плоску и велику и свершену» и т. д. (Симеоновская летопись. — ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 122). См. также статью И. И. Полосина о литературных портретах холопов в кабальных книгах в сборнике его статей «Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.» (М., 1963, стр. 246—262).

дакция сохранилась только в отрывках) — созданы примерно в одно и то же время, на рубеже XIV и XV вв.,[2] а их древнейшие списки относятся к XV в.[3]

Для решения интересующего нас вопроса проведем параллельное сопоставление некоторых приемов повествования, которые присущи, с одной стороны, исследуемым нами памятникам, с другой — «Повести о двух посольствах» XVII в. и посольским «статейным спискам» XVI—XVII вв.

Относящаяся к началу XVII в. «Повесть о двух посольствах», как показала М. Д. Каган, по своей форме является посольским «статейным списком» и создана в Посольском приказе.[4] В основу «Повести» положены исторически достоверные посольства князя З. И. Сугорского и дьяка А. Г. Арцыбашева к цесарю Максимилиану II (в Регенсбург) и Андрея Ищеина-Кузьминского в Царьград (1571 и 1576 гг.).

Сопоставляя «Повесть» с подлинными сохранившимися «статейными списками», государевыми «отпусками», «наказными памятями» послам и дневниками послов, М. Д. Каган делает наблюдение, что каждый «статейный список» (форму которого выдерживает «Повесть»), как правило, включает текст дипломатической грамоты, речи (послов и государей к послам) и рассказ от первого лица.[5]

На основании просмотра состава и содержания посольских «статейных списков» XVI—XVII вв. (И. М. Воронцова, И. П. Новосильцева, Ф. А. Писемского, Ф. Ельчина, П. И. Потемкина и др.)[6] к указанным М. Д. Каган основным чертам посольских «статейных списков» следует также добавить неизменное наличие в них краткого отчета о ходе самого путешествия.

---

[2] Согласно датировке М. О. Скрипиля, «Сказание о Вавилоне» возникло не ранее конца XIV и не позднее середины XV в. (М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРЛ, т. IX, М., 1953, стр. 141—142).

[3] В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве. М., 1893, стр. 63.

[4] М. Д. Каган. Повесть о двух посольствах. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 222, 226. (Далее — Каган).

[5] Каган, стр. 225.

[6] Изданы в кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954. (Серия «Литературные памятники»). (Далее — Путешествия русских послов).

Последовательно отчитываясь о ходе поездки, послы точно указывают пройденное ими от города до города расстояние (подчас оно продолжает измеряться по старинке днями, как например в рассказе о посольстве в Турцию), рассказывают о достопримечательностях городов (описание английских городов и танцев при дворе у английской королевы), о буре на море и проч.

Кроме того, в «статейных списках» XVI—XVII вв. обычно имеется и описание того, как соблюдался посольский церемониал, как были приняты послы в иностранных державах, как происходило вручение даров и царских верительных («верующих») грамот и проч., т. е. всего того, что подразумевает безусловное знание и строгое соблюдение порядка ведения посольской церемонии.

Таковы в общем основные черты описания посольской миссии в «статейных списках» XVI—XVII вв., которые сложились к моменту официального утверждения Посольского приказа в середине XVI в. и, по-видимому, были приняты в нем за определенный образец.

В «Повести о двух посольствах» отражены все выделенные выше основные черты статейных посольских списков.

От XV в. памятников под названием посольские «статейные списки» не сохранилось. Однако к XIV—XV вв. относится обширная группа памятников, которые чаще всего называются «хождения» и в которых уже можно обнаружить отдельные черты, позднее усвоенные посольскими «статейными списками».

В статье 1948 г. «Афанасий Никитин как писатель» В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что в «хождениях», «книгах-паломниках», «книгах-странниках», известных на Руси с начала XII в., в XIV—XV вв. появляются, кроме описаний религиозных достопримечательностей Палестины, Египта, Синая и Константинополя и религиозных легенд, новые черты и объясняет это тем, что «с XIV в. наряду с паломниками-писателями появились новые категории путешественников, значительно расширивших содержание своих путевых записок: это были участники официальных посольств в Западную Европу или Константинополь по церковно-административным делам или купцы, связанные с Востоком торговыми сношениями. Тех и других интересовала по преимуществу „мирская“

жизнь».[7] Одним из таких путешественников был тверской купец Афанасий Никитин, сочинению которого о его странствовании в Индию свойственно сочетание «привычной манеры древнерусских „хождений“ и черты дневниковых записей путешественника».[8]

Д. С. Лихачев в статье 1954 г. «Повести русских послов как памятники литературы» пишет, что в XV в. «к повестям послов отчасти могут уже быть отнесены три сказания о Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг.».[9]

Появление в XV в. «повести послов» (терминология Д. С. Лихачева), как указывает исследователь, необходимо рассматривать как возрождение прерванной в течение первых двух веков татаро-монгольского ига традиции летописных посольских повестей XI—XIII вв.: «Татаро-монгольское нашествие пагубно отразилось на жанре посольских повестей, но не изменило обычая».[10] Как в «хождениях» XIV—XV вв., так и в повестях послов XV в., наблюдаются лишь некоторые из перечисленных выше основных черт посольских «статейных списков».

Содержание речей и споров («словеса и прения») посланцев разных стран на Флорентийском соборе в «Повести, како римский папа Евгений состави осмый собор. . .», описание путешествия, достопримечательностей городов и церемониала встреч послов в городах с характерным переходом от изложения в третьем лице к изложению от первого лица («Исидор ехал, а мы видели») находим в дневнике путешествия митрополита Исидора и «Исхождении» Авраамия Суздальского.

Однако мы не ставим своей целью реставрировать черты посольских, «статейных списков» XV в. Изучение жанра «хождений» XIV—XV вв. и повестей о посольствах XV в. в их отношении к деловой письменности, а также исследование литературных особенностей жанра

---

7 В. П. Адрианова-Перетц. Афанасий Никитин как писатель. — В кн.: Хождение Афанасия Никитина за три моря. 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, стр. 108—109. (Серия «Литературные памятники»).

8 Там же, стр. 109.

9 Д. С. Лихачев. Повести русских послов как памятники литературы. — В кн.: Путешествия русских послов, стр. 324.

10 Там же, стр. 324.

«хождений» в их отношении к проскинитариям является особой задачей.

Нам важно отметить в этой группе памятников сам факт наличия отдельных черт посольских «статейных списков» и, опираясь на исследование В. В. Данилова,[11] подчеркнуть, что отдельные из приемов описания путешествий (такие, например, как измерения пройденного расстояния днями, обязательное описание достопримечательностей и проч.) к XIV в. уже стали трафаретами.

В отличие от этой группы памятников XIV—XV вв., описывающих реальные посольства и поездки и являющихся одновременно деловыми документами, «Слово о Вавилоне» повествует о заведомо вымышленном легендарном посольстве, которого никогда не было и не могло быть. Несмотря на это, в «Слове» (как «послании» в смысле «посольство» — второе жанровое определение)[12] композиция памятника повторяет последовательное описание хода посольства от начала (обсуждения состава посольства) до конца (вручения послам даров и проч.). В «Слове о Вавилоне» проявились не только черты жанра «хождений», но прослеживаются и все названные выше обязательные компоненты схемы построения поздних посольских «статейных списков» XVI—XVII вв. В нем находим: 1) вавилонскую грамоту, касающуюся главной цели посольства греческого царя; 2) речи послов к царю и речь царя к своим посланцам, назначение которой подобно предназначению «наказной царской памяти»; 3) описание самого путешествия в Вавилон (достопримечательностей царевых палат, церкви и проч.) с обязательным повествованием от первого лица очевидца; 4) наконец, последовательно выдержанное описание хода самой посольской церемонии от начала до конца, до вручения царю грамоты и одаривания послов.

Согласно второй части заглавия «Слова» (в его первоначальной редакции), — «Послание (в значении посольство, — *Н. Д.*) от Ливуя царя, а во крещеньи Василея, иже посла в Вавилон испытати и взяти знаме-

---

[11] В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских хождений. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 24. (Далее — Данилов).

[12] Подробнее об этом см.: Н. Ф. Дробленкова. По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне». — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 129—135.

ние...» — повествование в нем начинается обсуждением состава посольства между византийским царем и первоначально избранными им тремя посланцами «роду сурьска». В результате выбраны три человека, владеющие тремя разными языками: Гугрий — грецин, Яков — обежанин, Лавер — русин.

Остановившись в 15 днях пути от Вавилона, царь произносит перед своими посланцами речь-наказ: «Рече им царь Василей: „Аще будет зднамение святых зде, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобник вере хрестьяньстей и поборник на враги иноверныя за род хрестьяньскый"».

Посланцы исполняют свою миссию, берут вместе с венцами царя Навуходоносора и его царицы грамоту, предрекающую, что наследниками вавилонских царей (первых царей вселенной) должны стать византийские цари. (Взяв царские венцы, «они же... видиша грамоту, написано греческым языком»). Текст грамоты приводится: «Си венцы створене бысть, егда Навходоносор царь створи тело златое... Си венци скровена бысть доселе, а ныни положена бысть и на царе богохранимом Василеи и царице блаженнии Александре молитвами святых трех отрок».

Послы благополучно возвращаются из Вавилона и приветствуют царя по всем правилам посольской церемонии: «...и пришедше, поклонишася цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по едному», т. е. каждый посол последовательно один за другим. В торжественном приеме послов участвует патриарх. Он читает привезенную послами грамоту.

«Послание» в Вавилон завершается описанием щедрого одаривания «послов» златом. Царь Василий отсылает дары иерусалимскому патриарху. Отпуская своих послов, царь обращается к ним с речью: «И рече им: „Поидета с миром, где суть отци ваши и матери и прославите бога и 3 отрокы и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василея"».

Однако посланцы «греческого» царя нигде «послами» не называются, — это царевы «дети», «человеки», «мужи». Цель их похода одновременно и светская (за царскими регалиями), и духовная (за знамением ко гробам 3 вавилонских отроков). Вот почему в рассказ о путешествии вплетается стилистическая струя, восходящая

к жанру «хождений». «Слову о Вавилоне» присущ целый ряд трафаретных приемов, сложившихся еще в жанре «хождений»: [13]

1. Измерение пройденного пути исчисляется днями. При этом для создания впечатления реальности путешествия в Вавилон называются точные числа: «ехали три неделе до Вавилона...», «...бяше близ Вавилона за 15 дний...», греческий царь «...подошел бо бяше за 15 дний. И отступиша от того места за 16 дний», за 15-ю ступень лестницы запнулся на обратном пути обежанин и проч.

2. Картину древнего мертвого города создает упоминание о найденных посланцами в вавилонских палатах истлевших царских порфирах.

3. Зависимость от стиля «хождений» становится еще более очевидной в описании убранства вавилонской христианской церкви. Именно здесь автор, начав повествование в третьем лице множественного числа, сбивается (вслед за трафаретом!) на рассказ от лица очевидца: «Мы же вземше ис кубка того, быхом веселе. И воставше от сна мыслихом взяти кубок с вином... И бысть нам глас от гроба...». И тут же вновь переход к изложению в третьем лице: «Они же ужасни быша вельми. И бысть им глас второе...».

Такую же прекрасную осведомленность в порядке ведения посольских дел обнаруживает и автор русской обработки переводного памятника «Сказания об Индийском царстве». Под пером русского редактора эпистола индийского царя Иоанна приобретает своеобразную «рамку», состоящую из вступления и заключения, в которых последовательно излагается ход посольской церемонии. Благодаря этой «рамке», на текстологическую историю которой обратил внимание еще М. Н. Сперанский,[14] «Сказание об Индийском царстве» приобретает композицию, близкую схеме построения посольских «статейных списков», и некоторые свойственные им основные черты: в центре изложения — грамота и речи, обращенные к послам, описание достопримечательностей Индий-

---

[13] См. об этом: Данилов, стр. 24 и др.

[14] М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. — Изв. по русск. яз. и словесности, Л., 1930, т. III, кн. 2, стр. 377, 388—390.

ского царства, вручения даров. (Цитаты привожу по изданию Волоколамского списка, так как текст первоначального русского перевода «Сказания» до нас не дошел,[15] а текст второй русской редакции наиболее полно из старших списков конца XV в. воспроизводит Волоколамский список; Кирилло-Белозерский список сокращенный: Евфросин исключает из «Сказания» «рамку»).[16]

Вступление: «Царь Мануил Греческиа земли посла свои посол ко царю Ивану индейскому, и посла к нему дары многыя, и повеле ему воспросити от величесъстви силы его и всех чюдесех Индейской земли.

И дошед земли Индейской и дары дав царю Ивану, и повеле ему начат[ь] глаголати.

Царь же Иван приа дары с великою любовию и противу дав дары многи и рече царю: „Рците царю своему *Мануилу*“». Далее приводится текст «наказной речи» царя послам и текст послания Иоанна: «Аз есми до обеда папа, а по обеде царь. . .», и т. д.

Заключение: «. . . и отпусти посла греческого с великою честию и со многими дары ко царю Мануилу. И потом иныи посол не быша во Индийской земли».

На основании сказанного можно предположить, что и автор «Слова о Вавилоне», и русский редактор «Сказания об Индийском Царстве» были книжниками, тесно связанными с посольскими кругами.

И «Повесть о двух посольствах», и «Слово о Вавилоне», и «Сказание об Индийском царстве» — все в конечном счете повествуют о вымышленных посольствах. Однако «Повесть о двух посольствах» в отличие от двух других памятников более связана в изложении с конкретными историческими достоверными документами — она на них опирается.

«Повесть о двух посольствах», как отмечает М. Д. Каган, представляет собой стилизацию «статейных списков» и написана в форме посольских речей и дипломатических грамот, с соблюдением определенных языковых особенностей этих форм деловой письменности. В ней та же терминология, которая присуща дипломатическим документам, те же обороты, которые стали уже, по-видимому, обычными в посольских речах: «и за их неправды госу-

15 Там же, стр. 374.
16 Там же.

дарь нашь на них гнев свой положил» (о войне), «коим обычаем», «с которыми государи и с короли», «великий государь царь и великий князь... велел тебе поклонитись» и проч.[17]

В отличие от «Повести о двух посольствах» ни в «Слове о Вавилоне», ни в «Сказании об Индийском царстве» почти не встретим подобных выражений; разве что послание индийского царя Иоанна начинается по формуле, принятой в грамотах, — «Се аз...».

Дело, по-видимому, не только в том, что устойчивые формулировки «статейных списков» начали слагаться в основном в связи с основанием Посольского приказа, но и в том, что приемы использования деловой письменности в литературе XV и XVII вв. были различными. В «Слове о Вавилоне» нет стилизации посольских «статейных списков». По схеме «статейных списков» последовательно излагается в нем ход посольской миссии, описывается посольская церемония, развивается действие, создается новая легенда о походе русского, грека и обежанина за царскими регалиями для греческого царя; по этой схеме создается вымышленный сюжет, вернее — пока что еще только сюжет вымышленного посольства. «Слово о Вавилоне» нельзя отнести к определенному жанру посольских повестей. Жанровая природа этого памятника сложная, совмещает в себе черты и посольской «сказки», «хождения» и легенды, псевдоисторического повествования — сказания. В обработке «Сказания об Индийском царстве» та же схема построения «статейных списков» становится композиционной рамкой: сюжет в этом произведении еще не развит.

На примере названных выше двух произведений наблюдаем в XV в. одно из ранних проявлений воздействия деловой письменности на литературу, отражение хорошего знакомства обоих писателей с ходом посольского церемониала и посольского делопроизводства, издревле начавшего слагаться на Руси, и в то же время знакомство писателей с формами отчета послов об исправлении своей миссии, «хождениями» и «статейными списками». Это знакомство отразилось на построении — композиции и сюжете данных произведений. Однако обоим памятни-

---

[17] Каган, стр. 224—225.

кам еще свойственно полное отсутствие стилизации языка посольских документов и, наоборот, присуще использование в них приемов повествования, характерных для произведений фольклора (сказок и былин).

Л. А. Дмитриев

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОРУССКИХ ЖИТИЙ

Жития святых неоднократно привлекали к себе внимание историков древнерусской литературы и культуры. Общим вопросам произведений житийного жанра посвящены хорошо известные монографии В. О. Ключевского, А. П. Кадлубовского, И. С. Некрасова.[1] Многие жития являются предметом специальных исследований; памятники севернорусской агиографии рассмотрены в книге Ив. Яхонтова.[2] Недавно вышло в свет посмертное издание труда И. У. Будовница, построенное на данных житий.[3] И все же мы имеем все основания сказать, что важнейший по значению и обширный по объему раздел древнерусской письменности — агиография — изучен недостаточно.

Прежде всего целый ряд значительных памятников древнерусской агиографии, — таких, например, как «Житие Иоанна Новгородского», «Житие Варлаама Хутынского», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие Александра Свирского», «Житие Александра Ошевенского» и другие, — требует монографического исследования. Все эти жития в той или иной мере рассматривались в работах по агиографии. Высказаны предположения о редак-

---

[1] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. (В дальнейшем — Ключевский); А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902; И. Некрасов. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. (В дальнейшем — Некрасов).

[2] Ив. Яхонтов. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. (В дальнейшем — Яхонтов).

[3] И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966. (В дальнейшем — Будовниц).

циях памятников, ставились вопросы об отношении житий к первоначальным преданиям о святых, документальным записям. Но, как правило, проблемы эти решались на основе неполного текстологического изучения сохранившихся списков; а при таком изучении никакие выводы не могут быть убедительными. Однако ниже я остановлюсь на иных задачах, стоящих перед исследователями древнерусской агиографии.

В одном из житийных текстов XVII в. мы читаем, что житие предназначено «для чтения и послушания к душевной пользе братии и всех православных христиан».[4] Определяя назначение житий, И. У. Будовниц пишет: «Основная цель „житий" — путем возвеличения „чудотворцев" привлечь к монастырям новых богомольцев и тем самым приумножить доходы обителей».[5] В первом случае имеется в виду лишь церковно-служебное назначение жития, его «душевная польза» для христиан. Во втором преувеличено значение этого рода литературы как экономического явления. Действительно, житийные произведения преследовали и ту, и другую цель, являясь орудием идеологического воздействия на массы. Но роль и значение житий были шире только этих практических задач. Ведь житие рассказывало о жизни и деяниях сильных и, как бы мы к ним ни относились, безусловно замечательных личностей; в разделе «чудес» жития повествовалось о случаях из жизни самых разнообразных людей. Это не могло не придавать житию характер не только чтения для «душевной пользы», не только исторической справки о чтимом святом, но и чтения, увлекающего читателя развитием перипетий, своими коллизиями, отражением в рассказе человеческих страстей и переживаний. И вот с этой стороны, с точки зрения литературного значения, как произведения сюжетного характера жития изучены мало. Между тем севернорусские жития отличаются повествовательным характером, острой сюжетностью.

Как неоднократно отмечали исследователи, большинство житий в своей основной, «житийной», части не столько сообщают определенные факты и жизни святого,

---

[4] Повесть об открытии мощей Никандра, псковского пустынника.

[5] Будовниц, стр. 25.

сколько повторяют одни и те же положения, долженствующие представить читателю идеальный образ святого подвижника. В этой части повторяются не только одни и те же словесные формулы, не только сходные ситуации, но подчас из одного жития переходят в другое и сообщения из жизни святого, носящие характер фактических данных. И вместе с тем, сопоставляя различные редакции одних и тех же житий (например, Епифаниевскую и Пахомиевскую редакции «Жития Сергия», Четьи-Минейные редакции некоторых житий и их первоначальные редакции), мы обнаруживаем в одних случаях стремление ввести в житие элементы сюжетности, а в других — освободить житие от этих элементов. Различия эти выступают лишь при внимательном и кропотливом сопоставлении между собой текстов, кажущихся на первый взгляд почти одинаковыми. Задача исследователя — выявить эти различия и найти их правильное объяснение. В. О. Ключевский очень высоко оценил «Житие Александра Свирского». И. Яхонтов старался подчеркнуть компилятивный характер этого жития, показать, что автор его, Иродион, рабски подражает своим образцам. И. Яхонтов называет это житие «буквальной, и притом не везде удачной, копией жизни святых подвижников других местностей».[6] Подходя к «Житию Александра Свирского» как к историческому источнику, И. Яхонтов прав в своей оценке, но с точки зрения литературного значения жития справедлива оценка и В. О. Ключевского. Иродион не просто переписывал другие жития, а искусно выбирал из целого ряда житий то, что соответствовало действительным биографическим фактам из жизни описываемого им святого, и выбор этот говорит о его хорошем литературном вкусе, о его интересе к рассказам сюжетного характера. В этом отношении показательно, что главу своего жития «О еже взыскании блаженнаго отрока» Иродион построил на основе такого замечательного образца, как рассказ о поисках Феодосия его матерью из «Жития Феодосия Печерского». Иродион стремится ввести в свой рассказ как можно больше прямой речи, хотя в его источниках образцов прямой речи было совсем не много, т. е., несмотря на компилятивный характер всего жития в целом, мы видим явное стремление автора этого жития придать черты сю-

---

[6] Яхонтов, стр. 86.

жетного повествования своему произведению. Такой факт для исследователя житий, как произведений литературных, весьма важен и требует к себе пристального внимания.

Если в одних житиях мы должны по крупицам выявлять имеющуюся в них тенденцию к развитию сюжетности повествования, то в других сюжетные элементы носят ярко выраженный характер либо сюжетность рассказа является отличительной чертой всего жития вообще. Для нас жития такого рода представляют наибольший интерес, и выявить их, изучить их литературную историю — одна из важнейших задач изучения агиографии.

Исследователи неоднократно обращали внимание на целый ряд ярких и любопытных подробностей бытового, социального, правового характера, которые дошли до нас в древнерусских житиях. Сам по себе интерес таких сообщений житий бесспорен. Но не меньший интерес во многих случаях представляют эти подробности как перипетии сюжетного повествования, на что достаточного внимания не обращалось.

В свое время И. Некрасов отметил, что в «Житии Александра Ошевенского» «сохранились любопытные подробности об отношении Александра к отцу и матери, какие могут представить немногие из наших жизнеописаний».[7] Все эти «любопытные подробности» — развитие единого сюжета: автор хочет не просто сообщить об уходе будущего святого из дома в монастырь и о возникающих из-за этого конфликтах с семьей, что является широко распространенным мотивом житийных произведений, а показать все это в живых действиях, сложных ситуациях. Александр уходит из дома в Кирилло-Белозерский монастырь, утаив от отца и матери свое намерение остаться там. Поэтому отец спокойно благословляет сына, а мать «яко матерем есть обычай, объемши и целова его любезно». Разразившись риторической тирадой по случаю оставления отроком родительского крова ради служения богу, автор вместе с тем приводит такую жизненно выразительную деталь: «И отшед блаженный мало от дому своего, и озревся, виде дом свой, и рече. . .». Агиограф живо рассказывает о том, как юноша, придя в монастырь, извещает родителей о своем намерении по-

---

[7] Некрасов, стр. 39.

стричься там. Утаившись от спутников, он сообщает о своем решении «единому от друг своих» и посылает с ним домой письмо (приводится текст этого письма). Описывается горе отца с матерью, получивших это известие, которых утешает старший сын. И в дальнейшем развитии повествования находит отражение этот «семейный» мотив. Рассказывается о посещении монастыря отцом Александра, приводятся разговоры отца с сыном. Когда Александр решает уйти из монастыря, то, обращаясь к игумену, он говорит в первую очередь о желании навестить родителей, а уже после этого — о том, что хочет создать собственный монастырь. Мотив, совершенно необычный для житийной традиции, — постригаясь, инок отрекается от всех земных привязанностей. Александр строит монастырь на месте, указанном ему отцом, в построении монастыря ему помогают отец и братья. Вероятно, в этих сообщениях нашли отражение и действительно имевшие место факты, но благодаря их введению в текст жития рассказ приобретает характер индивидуального, жизненно яркого сюжетного повествования.

Мученическая смерть святого — широко распространенный, особенно в переводных памятниках, житийный мотив. Этот мотив является центральным эпизодом «Жития Адриана Пошехонского». Рассказ о смерти Адриана в этом житии становится самодовлеющим остросюжетным повествованием, в котором главное заключается в развитии перипетий рассказа, а не в декларации подвига святого во имя веры. Это проявилось и в обилии прямой речи, и в чисто человеческой мольбе Адриана не убивать его, и в своеобразном мрачном юморе.

Белосельцы, жители села, расположенного недалеко от монастыря Адриана, напали ночью на монастырь. Спрятавшегося «под задний дровяник» Адриана нашли и, накинув петлю на шею, привели «в преднюю келию». Здесь стали выпытывать у него: «Где суть животы ваши и статки?». На этот вопрос Адриан отвечал: «Животы наши у всемилостиваго Спаса на небесех, и статки наши на земли; ослабите ми мало, изму их и воздам вам в руки». Отдавая «корчажец» с 40 рублями, Адриан говорит: «Теми статки и сим сребром церковь было болшую создати во имя Пречистыя Богородицы вкупе со мною братии». На это ему отвечают: «Мы тебе созиждем своею силою часа сего». Адриан восклицает: «Горка

ми есть ваша церковь и тощно созидание ваше. . .» — и просит: «Отпустите мя бога ради, братия моя, в Корнилиев монастырь чернечествовати, да никако же возвращуся семо, и спасу душу свою тамо, у отца своего Корнилия!». Но неприязнь белосельцев столь велика, что они с явной издевкой говорят: «Мы тебе воздадим шлем спасения и пошлем тебя к царю небесному!». Продолжая рассказ о событиях, связанных с убийством Адриана и ограблением монастыря, автор приводит ряд эпизодов, которые по существу ни с темой жития вообще, ни с темой мученической смерти святого в частности не связаны. Это лишь новые, увлекательные обстоятельства описываемого события. Оказывается, нападение на монастырь было совершено по благословению приходского священника белосельцев Косаря. Один из участников набега утаил от всех найденный им «ларец», надеясь, что в нем «злата много и сребра, и всякого имения». Но когда он открыл его, то там оказались образки, вапы и кисти, — «сподоба иконная». Он принес все это Косарю, и Косарь, увидев содержимое ларца, «нача себе сетовати и глаголати — се же бе на нас поличное, се злое, а не корысть предлежит. Где бе таково сокровище скрыти?». Он начинает «приницати семо и овамо», говоря сам себе — «реки не имам, прудища у нас не лучилось — не вем, где скрыти святая?». Иконы, церковно-религиозные книги, согласно религиозно-благочестивым поверьям, можно уничтожить, только потопив их. В данном случае такая ситуация носит ярко выраженный литературный, сюжетный характер: злодей Косарь, с ведома и по благословению которого был ограблен монастырь и убит настоятель монастыря, не решается уничтожить «сподобу иконную». Иронический смысл этого эпизода заостряется репликой, брошенной «сослужебником» Косаря Бабой. Этот Баба «восмеяся» восклицает: «Безумен поп — не весть, где положити, восхоте разбоя творити, такожде и душ человеческих побивати, устроих себя от неправды богатство собирати, и красти у сосед своих всякое орудие, и от далних стран скот приводити, и отводити ея от человек ко иным человеком».

Я привел лишь один пример ярко выраженного сюжетного житийного повествования. Примеры эти можно было бы значительно умножить. Всем хорошо известен сюжетный характер «Жития Михаила Клопского».

Но если последнее житие неоднократно служило предметом специальных литературоведческих исследований, то очень многие жития, пусть более поздние и менее яркие, чем «Житие Михаила Клопского», явно незаслуженно обойдены вниманием литературоведов-медиевистов.

Исследователи житий неоднократно отмечали, что наиболее близки к реальной жизни и наиболее интересны по своему материалу рассказы житий о чудесах. В этом разделе жития рассказчик не был столь сильно связан обязательной риторической формой, как в непосредственно житийной части произведения. Многие чудеса в житиях представляют запись непосредственного рассказа о чуде либо человека, с которым это чудо произошло, либо очевидцев чуда. Однако этой непосредственности, почти протокольности «чудес» в житиях придается подчас слишком преувеличенное значение. Какая-то значительная часть рассказов о чудесах действительно представляет характер протокольной записи о том, что такого-то числа такой-то человек якобы исцелился от тяжкого недуга у гроба святого или в его монастыре, молитва к святому помогла такому-то реальному человеку в его несчастье.

Но наряду с такого рода чудесами, носящими характер деловой, документальной записи, многие чудеса являются по существу краткими сюжетными рассказами, насыщенными либо элементами сказочной фантастики, либо яркими бытовыми реалистическими зарисовками. Интерес в первую очередь к каким-то привлекательным своей напряженностью, динамичностью случаям, событиям характерен для многих рассказов о чудесах в житиях севернорусских святых. Вот, например, одно из чудес «Жития Александра Ошевенского». Молодой инок монастыря Мисаил любил выпить, «иже бо сие на многих бывает», — говорит рассказчик, извиняя своего героя. Однажды «на пиршестве» «у некоего христолюбива мужа» он, «аки во утел сосуд лия», так напился, что «обьюродев, и зло беседоваше, по пирному неподобная дея и нелепая глаголаше». Ночью, проснувшись «и воспомянув свое неистовство», он устыдился и решил: «отъиду отселе, да срама избегну». По дороге — дело происходило в начале зимы — инок забрел на реку и провалился под лед. «Еще неистрезвися от пития», Мисаил подумал, что все это ему снится, но «озреся назад и

виде быстрины лиющася чрез руце», догадался об опасности своего положения и стал звать на помощь, «но никто же бе слыша — всем бо человеком спящим». Тонущий призывает на помощь бога и святых, но ничто не помогает. Тогда вспомнил он Александра Ошевенского, в чудеса которого до этого не верил, и стал молить о помощи его. Сразу же после этого почувствовал он «аки подпор некий под ногама своима» и с трудом выбрался на лед по грудь. Но «не тверду бывшу леду и обломися». Снова взмолился несчастный святому и «второе ринуся из воды, и извержеся до пояса на лед». Начал он «рукама своима иматися за снег и за лед, и тело свое оби с руку и с ногу до крови и ко брегу привалися». По существу во всем этом рассказе нет ничего необычного, чудесного: тонущий цепляется за лед и, обивая в кровь руки и ноги, через силу вылезает из воды. Характерно, что святой здесь даже не появляется, что обычно для чудес, в которых рассказывается о спасении гибнущих на воде. Перед нами живая повесть, в которой напряженно, с рядом усложнений развивается сюжет.

Можно думать, что интерес читателей и слушателей к повествовательной стороне житий, к рассказам о ярких увлекательных случаях из реальной жизни способствовал появлению на Севере таких житий, в которых собственно житийная часть отсутствует и все житие сводится к краткому пересказу какого-то устного предания о святом и рассказу о совершающихся от этого святого чудесах. К такому типу житий относятся жития Варлаама Керетского, Иоанна и Логгина Яренгских, Кирилла Вельского, Артемия Веркольского и ряда других. Связь с устным преданием, с бытовавшими среди местного населения легендами, группирующимися вокруг имени святого, наиболее ярко проявилась в этих житиях. Характерно, что и сами святые здесь никаких подвигов во славу церкви не совершают. Народное воображение поразил какой-то необычный случай в жизни самого обычного человека, что и послужило созданию легенды о подвижничестве, святости этого человека.

В «Житии Кирилла Вельского» рассказ о святом приводится именно как рассказ некоей «старицы» «именем Акилина», которая, в свою очередь, передает слышанное ею от старых людей. Вот в чем заключалась необычность судьбы этого святого: «Был наместниче и тиун новгороц-

ких посадников. А тогда се место было под новгороцкою державою. А имя ему Кирил. А сказывают, что он утонул в воде. Раскручинился на него боярин во время обеднее, и он от него побежал за реку, за Вагу, и как прииде к реке и вълезе в воду, и раступисся от него вода сажени по три на все страны, и возвестили то чюдо боярину. И сам болярин ту прииде, и видев предивное чюдо, и нача ему глаголати с молением, вкупе и прощениа прося. Он же глагола: „Бог простит и помилует“ — и сам, простився и прекрестив лице свое и приклонився ниц, и абие утопе в воде». Более необычна и ярка биография Варлаама Керетского. Варлаам, священник Колы, убил свою жену. Раскаявшись в своем грехе, он сам наложил на себя искус — «с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати, дондеже оно мертвое тело тлению предастся». Получив чудесное извещение о прощении греха, Варлаам поселяется в скиту на берегу Белого моря недалеко от Керети и живет в нем до смерти. Житие Варлаама Керетского замечательно не только своими чудесами, в которых рассказывается о случаях из жизни поморов, но и тем, что об этом святом сохранились живые устные предания вплоть до наших дней. О популярности Варлаама Керетского на Белом море и многочисленных о нем рассказах писал в своей книге «Год на Севере» С. Максимов (1859). Пересказывает, видимо с собственными дополнениями, старину о Варлааме Б. Шергин в своей книге «Запечатленная слава» (1967). Во время археографической экспедиции летом 1959 г. я слышал несколько рассказов о Варлааме Керетском в селе Кереть. Устные рассказы перекликаются с отдельными эпизодами жития и передают какие-то иные, не отраженные в житии, предания об этом святом.

Вопрос о связи севернорусских житий с устными местными преданиями заслуживает самого тщательного и обстоятельного изучения.

Останавливаясь на проблеме популярности местных житий, В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Если бы под влиянием исторической любознательности жития имели живое обращение среди местного читающего общества, это отразилось бы на составе монастырских библиотек особенным обилием списков житий, связанных с историческими преданиями края, в котором находился монастырь. Состав монастырских библиотек, принадле-

жавших к числу самых крупных в Древней России, не подтверждает этого. Биографии Трифона Печенгского, Варлаама Керетского, Елеазара Анзерского, архимандрита Иринарха, сказания о Пертоминских и Яренгских чудотворцах Соловецкая библиотека сохранила в одном или двух списках».[8] Вопрос о бытовании в местной книжной традиции местных житий заслуживает большого внимания и требует пересмотра. Выводы, сделанные В. О. Ключевским, представляются мне неверными.

Действительно, в Соловецкой библиотеке списков местных северных житий немного, но делать из этого вывод о их малой распространенности среди местного читающего населения вообще нельзя. Необходимо учитывать отношение официальной церкви к такого рода житиям. Рукописная же традиция «Жития Варлаама Керетского» свидетельствует, скорее, о широкой распространенности этого жития среди местного населения. В Соловецком собрании находится, действительно, всего один список этого жития. Но в ГПБ есть и второй список этого произведения, а в Пушкинском доме — еще 3 списка, один из которых был найден в Поморье археографической экспедицией Пушкинского Дома совсем недавно — в 1969 г. Все эти списки местного, северного, происхождения. Текстологическое сопоставление их говорит о существовании еще целого ряда промежуточных текстов. О существовании текстов жития Варлаама мне приходилось слышать во время пребывания в Керети. Как видим, все говорит о том, что это житие было широко распространено в рукописной традиции русского Севера. Внешний вид дошедших до нас списков этого жития свидетельствует о том, что они бытовали в демократической среде, много и часто читались. Характерно, что такой же демократический, непритязательный характер имеют списки и многих других житий местных северных святых.

Малочисленность дошедших до нас списков таких житий, которые мы имеем все основания расценивать как произведения, близкие по своему стилю и содержанию демократическому читателю, не может являться свидетельством их малой распространенности. Эти жития, включавшиеся в небольшие по объему и недорогие сборники, имевшие хождение в демократической читательской

---

[8] Ключевский, стр. 398.

среде, зачитывались и пропадали. В монастырских же собраниях их могли иметь в единичных экземплярах для справок. В связи со сказанным особую ценность приобретают находки наших археографических экспедиций. Пусть найденные новые списки того или иного северного жития носят поздний характер и не дают каких-либо новых интересных чтений по сравнению с уже известными текстами, но каждый такой список помогает составить более полное и правильное представление о литературной истории изучаемого произведения.

В статье «Задачи изучения „агиографического стиля" Древней Руси»[9] В. П. Адрианова-Перетц раскрыла, в чем заключается пленявшая А. С. Пушкина «прелесть простоты и вымысла» Киево-Печерского патерика и Жития Феодосия: *в них за оболочкой церковной риторики скрывалось изображение реальных людей, жизненных человеческих взаимоотношений.* В севернорусских житиях за покровами искусственно-церковной риторики стоят не менее яркие, чем в житиях киевского периода, образы живых людей, человеческие страсти. Многие жития севернорусских подвижников и своим характером, и стилем языка близки демократическим тенденциям. Раскрыть в полной мере эти стороны севернорусских житий, определить место этих житий в истории русской литературы — вот главная задача, стоящая перед исследователем житий Северной Руси.

Ю. К. Бегунов

ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА КАК ЖАНР

(К постановке вопроса)

В дореволюционной науке древнерусская ораторская проза изучалась с трех сторон: 1) как источник для знакомства с деятельностью представителей русской церкви (по истории церкви); 2) как источник сведений о состоянии религиозного просвещения и нравственного уровня духовенства, т. е. по истории русской духовной литературы и просвещения; 3) как источник по общей истории христи-

[9] ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 41—71.

анского проповедничества (часть гомилетики как науки о свойствах проповеди). С точки зрения развития литературной формы в ее тесной связи с содержанием русская проповедь изучалась мало. Проповеди больше интересовали исследователей (многие из которых принадлежали к представителям духовенства) как церковные памятники. Их содержание рассматривалось исключительно с апологетической стороны, т. е. с точки зрения того, как церковь и ее представители боролись с инакомыслием и как церковь, побеждая, приходила к становлению собственной догматики (Филарет Гумилевский, Макарий Булгаков, Е. Е. Голубинский, А. В. Карташев).

На изучении древнерусской проповеди отразился давнишний спор «западников» и «славянофилов» о том, было ли у нас просвещение или его вовсе не было. «Западники» (К. Ф. Калайдович, М. Т. Каченовский, А. Н. Пыпин, И. Я. Порфирьев, А. Д. Галахов, Ф. А. Терновский, В. В. Жмакин, П. О. Морозов, Е. В. Петухов, Е. Е. Голубинский и др.) считали, что ее изучение ничего не может дать, так как русская проповедь рабски подражала византийским образцам, не вносила ничего своего, была однообразной по содержанию, почти не развивалась. «Славянофилы» (С. П. Шевырев, Орест Миллер, И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, М. П. Петровский, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Буслаев, П. Ф. Николаевский и др.) считали, что содержание проповеди находилось в зависимости только от воли оратора и от его православного образа мыслей, что ее форма не ограничивалась требованием писаных правил, что русская проповедь пользовалась самым широким влиянием на массы.

В 1871 и 1879 гг. имели место неудачные попытки исторического освещения проблемы в трудах архимандрита Иакова (И. П. Домского): «Русское проповедничество. Исторический обзор его и взгляд на современное его направление» и «Исторический очерк русского проповедничества» (тт. 1—2). Иаков заимствовал тезис Ф. А. Терновского о том, что русская проповедь не имела развития, будучи однообразной по содержанию и форме, что проповедь в лучшем случае возрастала только в объеме, оставаясь неизменной.[1] В работах И. П. Домского отсутствуют

---

[1] Ф. А. Терновский. Черты древнего русского проповедничества до времен Петра Великого (включительно). — Руковод-

научные приемы ведения исследования, нет и в помине систематизации материала и критики источника.

Хотя обобщающих трудов в области теории и истории древнерусской ораторской прозы не было создано, наукой накоплен огромный фактический материал (издания текстов, исторический и филологический комментарий к ним, факты о жизни и деятельности проповедников). Наиболее значителен вклад в изучение жизни и творчества таких выдающихся древнерусских ораторов, как митрополит Иларион, Феодосий Печерский, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский, митрополит Фотий, Григорий Цамблак, инок Фома, Вассиан Рыло, Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Максим Грек, митрополит Макарий, Зиновий Отенский, Лев Филолог, протопоп Аввакум, Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович.

В XIX—XX вв. теория древнерусского красноречия разрабатывалась преимущественно в рамках общих курсов по гомилетике; таковы труды Я. К. Амфитеатрова, Н. А. Таворова, М. А. Поторжинского, В. Ф. Певницкого, Н. И. Барсова, Н. В. Катаева, А. И. Разумихина, архиепископа Антония и др.

Вершиной в изучении древнерусской ораторской прозы в дореволюционной науке следует признать труды Н. К. Никольского, посвященные Илариону, Луке Жидяте, Феодосию Печерскому, Клименту Смолятичу, Кириллу Туровскому, а также ряд его обзорных курсов по гомилетике и истории древнерусского проповедничества, частью изданных литографическим способом,[2] частью оставшихся в рукописи.[3] Академик Н. К. Никольский пытался выделить древнерусскую проповедь из истории русской церкви и истории русской словесности. Он обрушился с суровой

ство для сельских пастырей, Киев, 1868, № 15, стр. 620—636; № 23, стр. 156—178; № 42, стр. 215—228; № 50, стр. 558—578; № 52, стр. 630—649.

[2] Н. К. Никольский. 1) Студенческие записи лекций по гомилетике, читанных студентам LV—LVI курсов СПб. духовной академии в 1896—1897 гг. доцентом Н. К. Никольским. СПб., Литография Фомина, 1897; 2) То же, 1897—1898, 1898—1899 гг.; 3) Гомилетика. Курс лекций. Литографированное издание. СПб., 1904.

[3] Архив АН СССР, ф. 247, оп. 1, №№ 144—157.

критикой на своих предшественников и современников — и гомилетов, и историков литературы.

Приведем только одно, характерное для него высказывание: «Задача проповеди не совпадает с требованиями, предъявляемыми к изящной словесности, так как не исчерпывается возможностью „ласкать слух слушателей“ красивыми фразами, остроумными словами, приятными оборотами речи и изысканными метафорами. Руководствуясь эстетической точкой зрения как критерием для проповеднической историографии, следовало бы относить к числу слабейших поучений такие, которые были для слушателей наиболее полезными, но имели отступления от предвзятых теорий эстетики и риторики. Так, с точки зрения ломоносовской и карамзинской теорий слова, за древнерусскими нравоучительными безыскусственными поучениями следовало бы признать гораздо меньше достоинств, чем за похвальными словами, наполненными рядом напыщенных метафор, хотя проповедные цели в первых осуществлялись гораздо непосредственнее и полнее, чем во вторых. Но, помимо этого, эстетическое изучение грешит произволом, так как законы эстетики, выработанные применительно к ораторской речи на Западе, не могли иметь приложения к нашей национальной проповеди».[4] В своих трудах Н. К. Никольский, во-первых, по-прежнему пытается подтянуть изучение древнерусской ораторской прозы к гомилетике, хотя и в реформированном виде; во-вторых, у него сквозит явное намерение безоговорочно утверждать народный характер любой древней проповеди: ученых-гомилетов более всего интересовало апологетическое содержание проповеди и ее нравственный, религиозный идеал и менее всего — становление и развитие проповеди как литературного жанра. Проповедь, поучение, назидание объявлялись главным жанром древнерусской литературы, ее основным духовным богатством. Тем самым церковные историки не учитывали многообразия и богатства других жанров древнерусской литературы.

В наше время историки литературы, борясь с односторонним, неправильным пониманием древнерусской литературы как литературы церковной, противопоставляли ей представление о древнерусской литературе как светской по преимуществу. Памятникам же ораторской прозы

---

[4] Архив АН СССР, ф. 247, № 148, л. 18.

уделялось меньше внимания, а специалистов, изучающих этот жанр, становилось все меньше и меньше. Вопросы изучения этого жанра не нашли отражения, например, в изданном в 1964 г. проблемно-тематическом сборнике «Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков», если не считать беглого экскурса Н. А. Мещерского в изучение памятников переводной патристической литературы, в том числе проповедей.[5]

В 50-е годы изучением общих проблем древнерусской ораторской прозы успешно занимались немецкие исследователи К. Розе [6] и К. Г. Каспер.[7]

Значительным был вклад в изучение древнерусской ораторской прозы И. П. Еремина. Ученый издал критически литературное наследие Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Феофана Прокоповича. Принципиально важны для дальнейшей разработки методики изучения ораторской прозы такие труды И. П. Еремина, как «„Слово о полку Игореве". К вопросу о его жанровой природе»,[8] «„Слово о полку Игореве" как памятник политического красноречия Киевской Руси»,[9] «Ораторское искусство Кирилла Туровского»,[10] а также курс лекций по древнерусской литературе, прочитанный на филологическом факультете ЛГУ.[11]

И. П. Еремин стремился показать высокую литературную значимость и эстетическую ценность каждого «слова» как *произведения искусства*. При этом И. П. Еремин основывался на изучении в первую очередь жанрообразующих признаков произведения, истоки которых он прослеживал

---

[5] Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 185.

[6] K. Rose. 1) Predigt der russisch-orthodoxen Kirche. Wesen, Gestalt, Geschichte. Berlin, 1952; 2) Grund und Quellort des russischen Geisteslebens. Von Skythien bis zur Kiewer Rus'. Berlin, 1956.

[7] K. H. Kasper. 1) Die Predigtliteratur der Kiever Rus' als Spiegel der Zeit. Dissertation. Humboldt—Universität. Berlin, 1958; 2) Die Zeitverbundheit der altrussischen Predigtliteratur. — Zeitschrift für Slawistik, Band III, Heft 2—4. Berlin, 1958, SS. 336—350.

[8] Уч. зап. ЛГУ, № 72, сер. филолог. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 3—18.

[9] В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, М.—Л., 1950, стр. 93—129.

[10] ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 50—58.

[11] И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968.

в литературах греко-римской и византийской. Вопрос о жанре ораторского произведения всегда тесно связывался им с изучением композиции, стиля, приемов той или иной школы, к которой принадлежал писатель. Для современного исследователя такой историко-филологический подход является аксиомой, и без него теперь немыслима ни оценка общественно-политической роли древнерусского писателя, ни определение места произведения в историко-литературном процессе, ни построение подлинно научной истории древнерусской ораторской прозы.

Позволим себе вкратце остановиться на особенностях древнерусской ораторской прозы как жанра.

Во-первых, древнерусская ораторская проза есть жанр художественной литературы, несмотря на ее, казалось бы, внелитературную, служебную (политическую или церковную) предназначенность. Нерасчлененность «деловой» и «литературной» функций ораторских произведений очевидна, так как они создавались для произнесения с политической трибуны, с церковной кафедры, в целях восхваления или порицания, обвинения или оправдания, в целях убеждения слушателей. Однако, несмотря на преобладание внелитературной функции, специфический характер этого жанра сказывается весьма сильно.

«Древнерусские жанры, — пишет Д. С. Лихачев, — в гораздо большей степени связаны с определенными типами стиля, чем жанры нового времени».[12] Это верно и для жанра древнерусской ораторской прозы. Два типа стиля определяют и два поджанра ораторской прозы: 1) красноречие политическое, или учительное, и 2) красноречие панегирическое, или торжественное.[13] Каждый из этих поджанров, в свою очередь, подразделяется на поджанры «второго рода». Так, например, поджанр «красноречие учительное» включает в себя паренетические, экзегетические и полемико-догматические «слова», а «красноречие торжественное» — панегирики на дни церковных праздников, похвальные «слова» в честь святых и высших

---

[12] Д. С. Лихачев. Система литературных жанров Древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. (София, сентябрь, 1963). М., 1963, стр. 61.

[13] Красноречие судебное (третий поджанр), столь распространенное в античном мире, в Византии находилось в крайнем упадке, а на Руси отсутствовало.

сановников церкви, в честь светских властителей — царей. князей, бояр, «слова» на открытие и перенесение мощей, и т. п. Имеются и еще более мелкие деления: так, пареиетические «слова» могут носить дидактический или катехизический характер, полемико-догматические — могут быть направлены либо против еретиков, либо против язычников, либо против раскольников.[14]

Каждому поджанру свойственно применение своих логических и художественно-стилистических приемов. Так, учительным «словам» свойственна манера говорить безыскусственно, естественно, просто, умеренно прибегая к тропам (метафоре, эпитету, аллегории, гиперболе, сравнению, подобию) и очень редко — к фигурам (сообщению, вопрошанию, ответствованию, восклицанию, обращению, сомнению, противоположению, заимословию). В торжественных «словах» речь становилась искусственной благодаря избыточному применению искусственных приемов — тропов и фигур, сложных риторических тирад и периодов, основанных на параллелизме синтаксических конструкций, не чуждых и звукописи. Стиль торжественного красноречия становился живописным, витийственным. И если этот стиль был соразмерен с темой повествования и находился в соответствии со способом произнесения, то производил впечатление стиля высокой литературы.

Во-вторых, древнерусская ораторская проза принадлежит к письменной литературе, хотя красноречие как изустная форма словесного искусства нередко противополагается письменной литературе и в первую очередь — книжной научной прозе. Однако это противоположение только кажущееся. В одних случаях речь, поучение, слово могли быть произнесены по конкретному поводу однократно, а потом записывались и становились уделом письменной литературы. В других случаях ораторское произведение могло быть написано в форме назидательного послания не для произнесения, т. е. его автор мог быть поставлен в такие условия, когда, будучи отделен от аудитории

---

[14] Вопросы типологии проповеднической литературы см.: Е. В. Петухов. Серапион Владимирский. СПб., 1888; П. Ф. Николаевский. Русская проповедь XV—XVI вв. — ЖМНП, ч. CXXXVII, СПб., 1868, № 2, стр. 298—384; ч. CXXXVIII, № 4, стр. 92—177; R. Klosterman. Probleme der Ostkirche. Götcborg, 1956. Т. поп Тодоров. Омилетика. (Пълен курс). Част първа. Теория на проповедта. София, 1956.

временем и пространством, он не мог произнести свою речь.

В-третьих, произведения древнерусской ораторской прозы были весьма многочисленны.

По распространенности ораторская проза спорит с такими широко известными жанрами, как агиография и летописание; проповедь «слова божьего» стояла у истоков просвещения новообращенных народов, и ей уделяли преимущественное внимание русские, болгарские и греческие пастыри церкви. Вспомним, какое громадное количество произведений дидактического жанра так называемых «отцов церкви» (писавших свои поучения и наставления на греческом, сирийском, латинском и других языках) было переведено на славянский язык и уже в IX—X вв. прочно и надолго вошло в литературу и быт славянских народов, в том числе и русского народа.

Большую роль дидактического жанра в древнерусской литературе подчеркивали в своих специальных работах Д. И. Чижевский (1954 г.) и Р. М. Ягодич (1958).[15]

Ораторская проза как жанр, взаимодействуя с другими жанрами, порождает новые жанровые ассоциации. Так, стиль «извития», «плетения словес», свойственный торжественному красноречию, проникает в агиографию, становясь одним из основных жанрообразующих признаков житийных произведений, созданных Епифанием Премудрым, Пахомием Сербом, Львом Аникитой Филологом, агиографами школы Макария. Так, взаимодействие «слов похвальных» с житиями привело к созданию в XV—XVI вв. особых житий, обладающих признаками как агиографических, так и ораторских произведений. «Экспансия» ораторской прозы достигает апогея в XVI в., когда ее художественными приемами охотно пользуются не только агиографы, но и летописцы (Никоновская летопись), и историки (Степенная книга), и авторы повестей. Наблюдения над неравноправием жанров внутри системы жанров Древней Руси, думается, было бы небесполезным и для объяснения явления, которое Я. С. Лурье назвал «падением беллетристичности» в XVI в. Невнимание

[15] D. Čyževśkyj. On the question of genres in old Russian literature. — Harvard slavic studies, vol. II, Cambridge, Mass., 1954, pp. 105—116; R. Jagoditsch. Zum Begriff der «Gattungen» in der altrussischen Literatur. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd. VI, Graz-Köln, 1957—1958, SS. 113—137.

в XVI в. к простому, неукрашенному стилю и к построению занимательных сюжетов, на наш взгляд, стоило бы поставить в связь с особенностями литературного процесса XVI в., который не столько зависел от «церковной цензуры», сколько от смены направлений, от развития стилей и литературного вкуса.

Стремление ораторской прозы к «экспансии» объясняет и тот факт, что риторики вплоть до XVII в. играли роль поэтик, которые были своеобразной «наукой наук» в области словесного творчества. Это неудивительно, если учесть, что за спиной проповедников стояла церковь. Ее охранительная тенденция проявлялась, в частности, и в создании для них особых условий словотворчества и в стремлении ограничить развитие литературы «прокрустовым ложем» церковной риторики.

В-четвертых, проповеди лучших ораторов Древней Руси отличались высоким уровнем патриотизма и гражданственности. Связь проповеднической литературы с жизнью у нас была более тесной, чем в Византии. И митрополита Илариона, и Серапиона Владимирского, и инока Фому, и Вассиана Рыло, и многих других проповедников волновали судьбы Русской земли, Русского государства. Они участвовали в общественно-политической борьбе, активно влияли на события, побуждали к борьбе с иноземными завоевателями, выступали против феодальной раздробленности, против чрезмерной эксплуатации, против остатков язычества, призывали к «исправлению нравов» в рамках христианско-феодальной идеологии. Проповеди аскетического и созерцательного направлений, хотя и имели место в Древней Руси, не превалировали, не подавляли собою «живое» слово, с которым ораторы обращались к народу непосредственно.

В-пятых, при изучении древнерусской ораторской прозы бросается в глаза отсутствие периода ее становления. Совершенные образцы проповедей появляются уже в первые десятилетия письменной литературы XI—XII вв.: таковы поучения Илариона и Кирилла Туровского.

Согласно типикону константинопольской Книльской церкви и Студитскому уставу, известных еще с XI в. на Руси, для служебной практики было необходимо три типа годичного круга чтений: 1) жития, объединяемые в четьи-минейные сборники, 2) панегирики и праздничные похвальные слова, объединяемые в торжественники,

3) прочие поучения (анагносмы), объединяемые в златоустники, в учительные евангелия (гомилии на воскресные дни), катехизисы (оглашения), измарагды, златые чепи и мн. др.

Последние два типа были связаны с двумя поджанрами ораторской прозы: 1) искусственным, или торжественно-панегирическим, и 2) безыскусственным, или учительным.

Древнерусская ораторская проза не осталась безучастной к святоотеческой традиции (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст), к византийской традиции (Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, патриарх Фотий и многие другие), к болгарской традиции (Кирилл Философ, Климент Охридский, Константин Преславский, царь Симеон, Иоанн Экзарх, Козма Пресвитер), восприняв у ораторов древности все самое лучшее и создав оригинальные образцы высокохудожественного словесного искусства.

Греко-православная церковь получила в наследство от античности руководства по риторике от Горгия, Демосфена и их последователей (особенно Гермогена из Тарса и Афтония);[16] на принципах античного красноречия воспитывались Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий, многие византийские, болгарские и русские проповедники.

Исследователям древнерусской ораторской прозы нет надобности прибегать к созданию и введению в научный оборот новых терминов и понятий, ибо для теории этого жанра уже существуют свои поэтики, достаточно сложные, разветвленные, всеобъемлющие, — это многочисленные руководства по риторике (например, Аристотель, Квинтиллиан); опыт древних риторик использовал современный немецкий исследователь Генрих Лаусберг.[17]

Этим мы ограничиваем предварительное изучение особенностей древнерусской ораторской прозы.

Перед исследователями древнерусской ораторской прозы стоят следующие задачи: 1) рассмотреть становление и развитие древнерусской ораторской прозы как жанра в связи с историей этого жанра в греко-византийской и

---

[16] Труды византийской эпохи по риторике собраны Х. Вальцем. (Ch. Walz, ed. Rhetores Graeci. Stuttgartiae, 1832—1836).

[17] H. Lausberg. Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Bd. 1, 2. München, 1960.

болгарской литературах; выяснить, какие поджанры ораторской прозы были восприняты, а какие нет, и почему; 2) определить место древнерусской ораторской прозы в системе жанров Древней Руси и показать ее роль в историко-литературном процессе; 3) учесть, какая часть древнерусских ораторских произведений оригинальных и переводных еще не издана, выявив при этом возможно большее количество их списков; 4) изучить историю текста каждого произведения ораторской прозы и сборников ораторской прозы устойчивого состава; 5) издать все лучшие произведения древнерусской ораторской прозы в нескольких томах с комментариями.

Для осуществления этих задач потребуется координация и концентрация усилий исследователей многих специальностей на протяжении многих лет, однако начинать эту работу совершенно необходимо, так как ее результаты позволят представить в истинном виде историю одного из важных жанров отечественной литературы.

Р. П. Дмитриева

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ РУКОПИСНЫХ ЧЕТЬИХ СБОРНИКОВ XV—XVI вв.

Изучению рукописного наследия особенно много внимания уделял академик Н. К. Никольский. Нет необходимости доказывать большое значение такого рода исследований. Н. К. Никольским проделана огромная работа по собиранию всех сведений о рукописном наследии. Какими бы литературными произведениями ни занимались исследователи, они, как правило, прежде всего прибегают к помощи его картотеки и извлекают оттуда необходимый фактический материал.[1] Широко поставленные Н. К. Никольским проблемы изучения рукописного наследия остались незавершенными, однако и в таком виде собранный им материал служит неиссякаемым источником для новых и новых литературоведческих работ.

---

[1] Картотека хранится в Рукописном отделе БАН СССР. См.: В. П. Адрианова-Перетц. Картотека Н. К. Никольского. — ВЯ, 1961, № 1, стр. 121—125; В. Ф. Покровская. Картотека акад. Н. К. Никольского. — Труды БАН, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 142—150.

Темы, связанные с изучением рукописного наследия, продолжают привлекать внимание исследователей и сейчас. Среди появляющихся новых исследований, посвященных рукописной традиции, можно назвать, например, работы В. И. Малышева, Н. Н. Розова, М. В. Кукушкиной, И. М. Кудрявцева, Л. М. Костюхиной.

Одной из тем, посвященных проблеме изучения рукописного наследия, является тема, поставленная в настоящем докладе. Среди рукописного наследия для истории литературы значительный интерес представляют так называемые четьи сборники. Именно в составе этих сборников преимущественно сохранились литературные произведения. Под четьими сборниками мы понимаем те рукописи, которые предназначались для чтения на досуге. Для XV и XVI вв. это главным образом рукописи, которые входили в раздел так называемых келейных книг в монастырских библиотеках.

Изучение четьих сборников помогает выявлению той литературной среды, в которой создавались и жили литературные, исторические и публицистические произведения. Поэтому необходимо ограничиться определенным временем и как можно больше искать связи с конкретными условиями, в которых создавались рукописи. В основу изучения особенностей четьих сборников XV и XVI вв. берем рукописи трех хорошо сохранившихся монастырских библиотек: Троице-Сергиевой лавры, Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей. Эти монастыри в XV и XVI вв. были не только ведущими и не только оказывали большое влияние на церковную жизнь в стране, но были тесно связаны и со всеми политическими и идейными течениями своего времени, а их обитатели принимали активное участие в создании и распространении публицистических и литературных произведений.

В статье А. Д. Седельникова «Несколько проблем по изучению древней русской литературы»[2] поставлен вопрос о необходимости изучения монастырских библиотек как главного книжного фонда Древней Руси. По мнению исследователя, существовало несколько этапов развития

---

[2] А. Седельников. Несколько проблем по изучению древней русской литературы. Методологические наблюдения. — Slavia, roč. VIII, seš. 3, 1929, Praha, стр. 503—525; seš. 4, 1930, стр. 728—740.

книжной традиции, и влияние монастырской среды на развитие книжного дела в разные периоды было не одинаковым. Так, в XV в. наблюдаются большие сдвиги в развитии книжного дела. В это время возникают более благоприятные возможности для переписывания рукописей: появилась бумага, и образовалось полууставное письмо. Смена материала и новые способы письма значительно облегчили работу писцов. Нужды церковного обихода удовлетворялись быстрее, и переписчики могли уделять больше внимания четьим интересам. Следует попутно отметить, что статьи А. Д. Седельникова, в которых он касается вопросов книжного дела в Древней Руси, важны в методическом отношении. Из данных, получаемых в результате изучения рукописей, А. Д. Седельников искусно извлекает интересные факты о времени и той литературной среде, с которой связаны переписанные в рукописях произведения.[3]

Исследование книжных фондов трех выше названных монастырских библиотек позволяет связывать написание рукописей и распространение тех или иных произведений с конкретным местом и определенными литературными кругами. Однако, конечно, не следует ограничиваться материалом только этих библиотек. Для характеристики особенностей четьих сборников необходимо привлекать и сборники из других библиотек, и отдельные рукописи неизвестных владельцев.

В предлагаемом докладе излагаются не окончательные выводы: речь идет только о намечаемых путях исследования. Ниже я приведу примеры некоторых наблюдений над четьими сборниками. Наблюдения эти не являются исчерпывающими и окончательными.

Историю создания четьих сборников и их своеобразие можно установить только путем сравнительного анализа их содержания, путем сличения между собой целого ряда сходных сборников.

---

[3] А. Д. Седельников в статье «Следы стригольнической книжности» (ТОДРЛ, т. 1, Л., 1934, стр. 121—136) замечает, что сборник ГПБ из собр. Соф. № 1262 неоднократно привлекал внимание исследователей своими отдельными статьями, но никто не занимался им как единым целым, не сопоставлял между собой содержание всех его статей. Такое изучение рукописи позволило А. Д. Седельникову сделать ряд существенных наблюдений.

Кроме того, следует провести хронологическое сопоставление. Состав статей сборников претерпевает изменение от XV к XVI в. Изучение сборников с литературными произведениями из собраний трех названных монастырей показало, что в них одинаково проявился интерес к одним и тем же произведениям в XV в. и что произошел одинаковый процесс изменения в подборе литературных произведений в XVI в.[4] Подобные явления могут быть обнаружены и в подборе статей некоторых видов четьих сборников в целом. В то же время, однако, нельзя и упускать из виду традиции в подборе содержания и в переписывании сборников.

Можно наметить несколько типов четьих сборников. Большую группу составляют сборники тематические. Некоторые виды этих сборников являются устойчиво традиционными. Они одинаково популярны как в большом хронологическом периоде, так и в топографическом отношении: характерны для самых различных областей Русского государства. Тематика сборников бывает разной — и довольно широкой, и сравнительно узкой. Наиболее распространенными являются сборники широкого плана, составленные из житий, проложных статей, поучений и слов. Наряду с этим часто встречаются сборники с такой конкретно узкой тематикой, как, например, с подбором статей, посвященных вселенским соборам, или сборники, составленные из произведений, направленных против латинян. Так, например, в сборнике БАН 45. 10. 6 (XV в.), состоящем из 3 рукописей, последняя рукопись (лл. 439—518) составлена целиком из произведений, посвященных полемике против латинян. Эти сборники были часты в XV в., но усиленно переписываются также и в XVI в. Встречаются сборники типа формулярников, состоящие целиком из посланий, где нередко имена заменены словами «имя рек». Так, вторая часть сборника середины XVI в. Нифонта Кормилицына (рукопись ГПБ, Q.XVII.64) почти полностью составлена из посланий. Такого же характера состав другого Волокаламского сборника (рукопись ГИМ, собр. Синод. № 791), написанного в 1543 г. Феодосием, архиепископом Новгородским.

---

[4] Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII, Л., 1968, стр. 143—170.

Несколько подробнее остановлюсь на сборниках с подбором статей, более близким светской тематике.

Встречаются сборники, составителей которых интересовали статьи, посвященные рассказам о путешествиях, и описания географического характера. Для примера можно назвать рукопись БАН 16.8.19 первой половины XVI в., видимо новгородского происхождения. Она целиком посвящена теме путешествий, в ней переписаны: 1) Хождение митрополита Исидора на Флорентийский собор, 2) Хождение диакона Игнатия в Царьград, 3) Описание путешествия от «Крижеца» до Суздаля, 4) отрывок путевых заметок о достопримечательностях Рима, 5) Хождение Стефана-новгородца, 6) Хождение игумена Даниила в Иерусалим, 7) Сказание Мисюря Мунехина «О Египте, граде велице», 8) перечень церквей и монастырей Новгорода, 9) О пяти концах и пятинах Новгородских. Точно так же вторая часть рукописи XVI в. из Кириллова монастыря в собр. Соф. № 1465 посвящена целиком описанию путешествий: Хождение митрополита Исидора на Флорентийский собор; Хождение Игнатия Смольнянина; Сказание о граде Иерусалиме диакона Арсения; отрывок путевых заметок о достопримечательностях Рима.

Большие перспективы заключаются в изучении сборников, посвященных исторической тематике. Они делятся на два типа: 1) сборники хронографического содержания и 2) сборники, содержащие тексты летописей. Тот и другой тип сборников широко представлен в рукописной традиции.

Остановлюсь кратко на характеристике рукописей с летописными статьями. Обычно летописные своды сопровождаются целым рядом более мелких статей исторического и справочного характера: списки родословных русских князей, митрополитов, епископов, ордынских царей, западноевропейских королей, хронологические выкладки и т. п. Изучение связи между отдельными сборниками с летописными статьями имеет большое значение для выяснения конкретных условий создания летописных сводов. Кирилло-Белозерский монастырь и Троице-Сергиева лавра в XV и XVI вв. владели важнейшими сводами своего времени. Не случайно, что именно из этих монастырей начиная с XVII постоянно изымались рукописи с летописными сводами, сначала в Москву на Печатный двор, потом для ученых при их работе над истори-

ческими сочинениями. В XV—XVI вв. в Кирилло-Белозерском монастыре имелись такие значительные летописи, как Новгородская 1, Псковская 2, Вологодско-Пермская, Типографская, Летописец начала царства. Не менее значительные летописные своды сохранила библиотека Троице-Сергиевой лавры: так называемый Московско-академический список Лаврентьевской летописи, Ермолинская, Новгородская 1, Иоасафовская, Типографская, Новгородская 4, Никоновская летописи. Волоколамский монастырь при всем своем большом политическом влиянии в XVI в. не сохранил таких крупных летописных памятников. В рукописях этой библиотеки встречаются отдельные краткие летописные записи.

Детальное изучение появления летописных сводов в данных монастырских библиотеках поможет выяснить роль и значение этих монастырей как летописных центров, определить — принимали ли книжные люди этих монастырей участие в составлении летописных сводов или же только копировали их.

Наблюдение лишь над краткими летописцами Кирилло-Белозерского монастыря говорит об определенной традиции в ведении летописания в этом монастыре. А. Н. Насонов, издавая летописный свод XV в. по рукописи конца этого столетия, хранящейся в ГИМ в собр. Синод. № 941, определил его как владычный ростовский свод последней четверти XV века.[5] Однако вывод, к которому пришел А. Н. Насонов, несколько преждевременен. Дело в том, что рукопись Синод. 941 принадлежала Кирилло-Белозерскому монастырю, и краткий летописный свод, переписанный в ней, тесно связан с другими краткими летописными сводами, также переписанными в этом монастыре. Все перечисленные летописцы близки друг другу, и в основе их лежит общий источник, но полного совпадения между ними нет. Так, рукопись ГИМ, собр. Синод. 951 дает общие статьи с Синод. 941, отсутствующие в рукописи ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099 (рукопись Ефросина), но в то же время в ней (Синод. 951) есть известия, относящиеся к ростовским событиям, которые отсутствуют и в Синод. 941 и в Кирилло-Белозерской 22. Близко при

[5] А. Н. Насонов. Летописный свод XV века (по двум спискам). — В кн.: Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 277—283.

мыкает к летописцу Ефросина летописец, составленный Гурием Тушиным (рукопись ГПБ, собр. Софийск. № 1468). К последнему тяготеет летописец, переписанный в первой половине XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре (по рукописи ГПБ собр. Погодина № 1566). В Кирилло-Белозерской рукописи XVI века (ЛОИИ собр. Археографической комиссии № 247) переписан «Летописец русский», близкий Ермолинской летописи, с добавлением о Кирилле Белозерском.[6] Таким образом, прежде чем решать вопрос о составе Ростовского владычного свода XV века, следует разобраться в ведении летописания в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XV века.

Частично (с 1238 по 1419 год) ростовский свод включен в так называемую Московско-академическую летопись по списку Троицкого монастыря, которая была составлена на рубеже XV и XVI вв. Можно предположить, что составитель этой летописи использовал какой-то летописец из Кирилло-Белозерского монастыря. Видимо, во второй половине XV в. между этими монастырями имели место тесные литературные связи. Об этом говорят и некоторые другие факты, о чем будет сказано несколько ниже.

Таким образом, уяснение, когда и при каких условиях попадали отдельные летописи в монастырские библиотеки, в значительной мере может помочь в восстановлении тех центров, где составлялись и велись летописные своды. В этом отношении изучение летописных сборников и связи их между собой имеет большие перспективы.

Есть совершенно особый тип сборников. Это так называемые сборники «неопределенного состава». Именно они представляют наибольший интерес, так как в них преимущественно и встречаются произведения литературного характера. Только в XVII в. начинают появляться сборники с подбором чисто литературных произведений. В XV и XVI вв., как правило, литературные произведения включаются в сборники, состоящие из статей на самые разнообразные темы. Обычно в сборниках не переписываются целиком большие произведения, но очень часто включаются отрывки из них. Энциклопедичность состава этих рукописей является их закономерностью. Это объясняется целью составления такого типа сборни-

---

[6] Издан, см. ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910.

ков. Они имеют свои характерные для них черты. Во-первых, эти сборники обычно являются собственностью книжника, который сам, по своему вкусу, подбирает статьи для своего келейного, домашнего чтения. Владелец рукописи не обязательно сам переписывает статьи в свой сборник, но непременно сам их подбирает. Эти сборники нередко сохраняют имена своих владельцев. В монастырских условиях они обычно хранились по кельям, в казенную монастырскую библиотеку такие сборники переходили чаще всего уже после смерти владельца рукописи. В монастырских описях книг обычно помечают эти сборники по имени владельца.

Второй характерной чертой этих сборников является включение в их состав произведений, близких времени составления сборников. Следовательно, на основании этой особенности можно судить о том, какие произведения, в какой среде и в какое время были популярны, а иногда можно сделать заключение и о той обстановке, в которой было написано то или иное произведение.

Для XV в. наиболее яркими сборниками такого типа являются Кирилло-Белозерские сборники Ефросина, обстоятельно изученные Я. С. Лурье.[7] Однако Ефросин не был одинок. Склонности такого книгописца и книголюба, как Ефросин, определялись общим направлением литературных вкусов его времени. Близким Ефросиновскому сборнику в собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099 является сборник из Кирилло-Белозерского монастыря в собр. Синод. № 951. Назовем некоторые, наиболее интересные общие статьи, переписанные в этих сборниках: Хождение игумена Даниила, отрывки из Палеи, статьи с естественно-познавательной тематикой, статья под названием «Галиново на Иппократа», хронологические отсчеты, «Летописец вскоре» патриарха Никифора, Краткий русский летописец. Близкими этим сборникам по содержанию являются и две другие кирилло-белозерские рукописи XV в. — из собр. Софийского № 1418 и собрания Кирилло-Белозерского № 10/1087.

Кроме того, тематика сборников Ефросина во многих случаях повторяется в рукописях XV в. Троице-Сергие-

---

[7] Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 130—168.

вой лавры. Это относится и к чисто литературным произведениям. Возможно, была прямая связь между этими двумя монастырями. В рукописи Ефросина собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099, где имеется заметка о количестве рукописей в Троицком монастыре и перечислены игумены этого монастыря, переписана Повесть о снах Шахаиши. Эта повесть переписана также в троицкой рукописи XV в. ГБЛ, собр. Московской духовной академии, фунд. № 162. Слово о хмеле известно только в двух списках XV в., Ефросина и Троицком, и в нескольких списках XVII в. Списки Троицкий и Ефросина принадлежат одной редакции. Таким образом, склонности такого переписчика, как Ефросин, определялись общим направлением литературных вкусов его времени.

Однако репертуар переписываемых произведений во многом зависел от запросов и интересов отдельных переписчиков и редакторов. Это наглядно видно из сопоставления книгописной деятельности Ефросина с другим известным книгописцем Кирилло-Белозерского монастыря того же времени Гурием Тушиным. Его книгописная деятельность изучена Н. А. Казаковой.[8] Сборники Гурия Тушина почти целиком посвящены церковной тематике. Светскими статьями можно назвать только «Лунное течение» и Краткий летописец, включенные Гурием Тушиным в один из его сборников.

Следует обратить внимание на то, что изучение четьих сборников может расширить наше представление о литературных и книжных центрах в Русском государстве того времени. Наглядным примером такого рода является изучение интересного по содержанию сборника ГБЛ собр. Музейное № 3271. Этот сборник неоднократно привлекал к себе внимание исследователей своими отдельными статьями. Но только предпринятое И. М. Кудрявцевым обследование рукописи в полном объеме позволило ему сделать убедительные выводы относительно происхождения ее. Рукопись была переписана при дворе Филофея, епископа Пермского, и тесно связана с историей создания Вологодско-Пермской летописи.[9] Подобного рода наблю-

---

[8] Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 169—200.

[9] И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания. — Записки Отдела рукописей

дения над четьими сборниками помогут выявить новые детали деятельности книжных центров в Русском государстве XV и XVI вв.

Для XVI в. одним из наиболее видных центров, игравших большую роль в идеологической и литературной жизни, является Иосифо-Волоколамский монастырь. Его библиотека сохранила большое число четьих сборников так называемого «неопределенного состава». На многих из этих сборников сохранились имена их владельцев. Состав этих сборников наглядно передает общие черты, свойственные книжникам этого монастыря и характерные для общего литературного направления того времени. Как правило, во всех этих сборниках встречаются сочинения Иосифа Волоцкого, во многих из них переписаны краткие местные летописцы.

В литературных произведениях, включенных в состав четьих сборников, тоже наблюдаются общие явления, связанные с направлением книгописной деятельности монастыря. Тексты повестей переписываются в монастыре от списка к списку, владельцами этих рукописей являются влиятельные лица монастыря и видные церковные деятели. Так, ранний список Повести о Евстратии-Велизарии переписан известным волоколамским старцем Фотием, учеником Кассиана Босого. Встречается эта повесть в рукописях Нифонта Кормилицына, Андрея Исакова, ученика Дионисия Звенигородского, Ефимия Туркова. Кроме того, переписана она в рукописи, в которой имеется запись: «Книгу сию чел по благословению игумена Иосафа Василий Курицын» (игуменом Волоколамского монастыря Иоасаф был с 1590 по 1592 г.).

«Прение живота и смерти» в Волоколамском монастыре было переписано в трех редакциях, причем есть основания предполагать, что некоторые его редакции были составлены в Волоколамском монастыре. Вторая редакция сохранилась только в двух волоколамских списках, причем один был списан с другого, владельцем копии был старец Фотий. Один из списков третьей редакции принадлежал Дионисию Звенигородскому, с этого

ГБЛ, вып. 25, М., 1962, стр. 220—288. А. Д. Седельников, обследовав только первую часть сборника, ошибочно связал происхождение его с Геннадиевским кружком в Новгороде (А. Д. Седельников. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Л., 1932, стр. 33—37.

списка «Прение» было переписано в другую волоколамскую рукопись.

Помимо названных повестей, в четьих сборниках Волоколамского монастыря в это время переписываются такие повести, как Повесть о царице Динаре, Повесть о белом клобуке, «Сказание о смерти некоего мистра философа». Относительно «Сказания» можно даже предполагать, что перевод этого произведения с польского был сделан в Волоколамском монастыре. Об этом говорит редакторская правка на волоколамской рукописи, которая потом попала в более поздние списки повести.

Интерес к назидательным повестям в XVI в. не является отражением вкусов только литературного круга Иосифо-Волоколамского монастыря. Книгописная деятельность XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре говорит о том же самом. Те же повести популярны и в этом монастыре.

Подведем итоги. В дальнейшем ходе работы определятся новые виды сборников и можно будет точнее формулировать их характерные признаки и особенности. Это даст новый материал для уяснения конкретных условий развития отдельных культурных явлений Древней Руси, таких как история летописания, история создания литературных произведений, и для выявления той литературной среды, в которой создавались эти произведения.

В. Д. Кузьмина

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Коротко остановлюсь на одном из вопросов, которые не раз интересовали В. П. Адрианову-Перетц в ее работах над памятниками древнерусской литературы. Это — вопрос о связях древнерусской литературы с литературой нового времени. Мне хочется обратить внимание на то, что эти связи могут быть предметом исследования для решения различных историко-литературных задач: эти связи многообразны.

Известно, что бо́льшую часть произведений древнерусской литературы, и прежде всего почти всю повествовательную литературу, продолжают читать и переписывать в течение всего XVIII в. Больше того, многие произведения древнерусской литературы, начиная с «Девгениева деяния» и кончая «Повестью о Горе-Злочастии», дошли до нас только в списках этого времени.

Следует также обратить внимание на то, что литературная история произведений древнерусской литературы продолжается не только в рукописных сборниках и отдельных рукописных списках. Сатира и пародия, разнообразные исторические повести, летописные сказания, агиография доходят до широкого (и прежде всего — демократического, крестьянского) читателя в XVIII—начале XX в. в виде дешевых лубочных книжек и листов.

Больше того, мы знаем, что современные сказочники Таджикистана, Сибири, Поволжья и Беломорья нередко пересказывают старинные сюжеты, основываясь на поздней лубочной литературе, которая является связующим звеном между устным народным творчеством современности и древнерусской литературой.

Между тем после известного труда Д. А. Ровинского не было сводных монографических исследований, посвященных лубочной картине и лубочной книге второй половины XIX—начала XX в. Начало таким исследованиям положил П. Н. Берков, который составил библиографию литературы о русских лубочных картинках.[1] Однако предстоит еще большая коллективная работа специалистов по древнерусской литературе и фольклористов, в равной степени заинтересованных в разработке этой темы.

Третья большая группа тем, связанная с этим вопросом, — как осмысливались произведения древнерусской литературы писателями позднейшего времени? Житийные традиции в литературе XVIII в. продолжились «Житием Филарета Милостивого» и «Житием Ф. В. Ушакова» А. Н. Радищева. Позднее А. И. Герцен, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой создали цикл произведений на сюжеты древнерусской агиографии. Сюжет «Слова о полку Иго-

---

[1] П. Н. Берков. Материалы для библиографии литературы о русских народных (лубочных) картинках. (К 75-летию выхода в свет «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского). — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. II. М.—Л., 1957, стр. 353—362.

реве» также вдохновлял многих прозаиков и поэтов, начиная с 90-х годов XVIII в.

Все это побуждает говорить о преемственности жанров древнерусской литературы. Пародии, юмористика, демократическая рукописная сатира XVIII в. создавались на основе традиции, которая сформировалась в Древней Руси. Таковы пародийное «Завещание» и «Глухой паспорт», «Абшид серому коту» и многие другие произведения. Можно также проследить преемственные связи виршевого стихотворства, интермедии, школьной драмы XVIII в. с аналогичными произведениями предшествующего столетия. Работа Е. А. Касаткиной,[2] например, показывает, что поэтика древнерусской воинской повести послужила одной из основ торжественных военных од XVIII в., прежде всего — од М. В. Ломоносова.

В связи с этим, мне думается, что проблема, которую затронул П. Н. Берков (см. выше), не может быть разрешена, если не обратиться к рассмотрению рукописных поэтик XVII в. и не проследить их связь с поэтиками, составленными учителями русских семинарий в XVIII в. После В. И. Резанова[3] и Г. М. Сивоконя[4] старинные поэтики не привлекали внимания советских исследователей. Сейчас этой темой успешно занимается доцент Варшавского университета Паулина Левин.

Хочу подробней остановиться только на одном вопросе: какие произведения древнерусской литературы волнуют сейчас и привлекают внимание советских читателей. Как известно, распространено представление (с моей точки зрения, неправильное), что широкому читателю ин-

---

[2] Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и литературная традиция. — Уч. зап. Томск. пед. инст., т. III, Серия гуманитарных наук, 1946, стр. 95—123.

[3] В. И. Резанов. 1) К истории русской драмы. (Поэтика М. К. Сарбевского по рукописям музея кн. Чарторыйских в Кракове. Учение о драматической поэзии. Устройство сцены в школьно-иезуитском театре. С приложением чертежей). — В кн.: Сборник историко-филологического общества при Историко-филологическом институте им. кн. Безбородко, т. VIII (Нежин), 1912—1913, отд. II, стр. 1—30; 2) К вопросу о старинной драме. (Теория школьных «декламаций» по рукописным поэтикам). Изв. Отдел. русск. яз. и словесности, т. XVIII, 1913, № 1, стр. 1—40.

[4] Г. М. Сивоконь. Старинные украинские поэтики. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филолог. наук. Киев, 1961, 14 стр. (АН УССР. Институт литературы им. Т. Г. Шевченко).

тересны только два произведения древнерусской литературы: «Слово о полку Игореве» и «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».

Между тем стоит перелистать книги, вышедшие за последние годы, чтобы убедиться в односторонности этого мнения.

Многие древнерусские повести и сказания привлекают советских писателей, прежде всего авторов, работающих в области исторического жанра. И это естественно. Но теперь их интерес направлен несколько в иную сторону, чем раньше. Произведения такие, как «Батый» В. Г. Яна или роман И. А. Новикова «Сын тысяцкого», были в значительной степени либо плодом собственной фантазии, либо пестрой мозаикой древнерусских и других исторических (чаще всего — восточных) источников. Такой мозаикой, пронизанной публицистическим содержанием, представляются мне романы-хроники В. Д. Иванова «Русь великая» («Русь изначальная» — в изд. 1), «Повести древних лет». Их источниками были и Повесть временных лет, и всевозможные произведения киевской агиографии, и разнообразные восточные сказания. В. Д. Иванова интересует вопрос, как в трудных условиях формировалась Русь, великая праматерь нашей советской отчизны.

Вторая группа советских писателей интересуется в первую очередь проблемой положительного героя и потому обращается к агиографии, которая раньше почти не привлекала внимания. Теперь она заинтересовала такого своеобразного автора, как Вера Панова. Большинству, вероятно, известен ее новый сборник повестей «Лики на заре».[5] В нем интересна попытка автора изложить, беллетристически обработав их, жития Ольги и Феодосия Печерского. Не стремясь глубоко вскрыть характер героев жития, проникнуть в глубину их психологии, В. Ф. Панова создала то, что и отмечено в заглавии, — «Лики на заре». Мне думается, что это ей в значительной степени удалось.

Но мне лично, как читателю, гораздо больше по душе те произведения, которые принадлежат перу А. П. Ладинского. Любителям исторических романов хорошо знакома его трилогия, посвященная Киевской Руси: «Когда пал

---

[5] В. Ф. Панова. Лики на заре. Исторические повести. М.—Л., 1966. 250 стр.

Херсонес», «Анна Ярославна, королева Франции» и посмертно опубликованный роман «Последний путь Владимира Мономаха». Как видно из заглавий, не только летописи, но и учительная литература начинают привлекать внимание писателей, потому что проблема положительного героя Древней Руси не может быть понята вне агиографии и учительной литературы. А. П. Ладинский сумел раскрыть высокий моральный пафос Владимира Мономаха, этическую тему совести, которую Мономах так глубоко наметил. Писателю удалось воссоздать не только «лик на заре», но и живой человеческий облик этого замечательного человека Древней Руси.

Как острую концовку с большим художественным вкусом привел он сказание о Емшане из Галицко-Волынской летописи. Напомню последние слова этого сказания, завершающие роман А. П. Ладинского: «Лучше на своей земле костьми лечь, нежели на чужой славну быть».

Книги А. П. Ладинского трудно достать. Они были быстро распроданы и никогда не попадают на полки букинистических магазинов. И в библиотеках его романы редко стоят на полках. Это показывает, как оценил читатель романы А. П. Ладинского.[6]

Последняя книга, на которой я хочу остановиться, — книга известного очеркиста Е. Я. Дороша «Живое дерево искусства».[7] В ней Е. Дорош, который известен как автор очерков о «Райгороде», собрал целый ряд статей, в значительной части посвященных Древней Руси. Он говорит в этой книге, что ему не пришлось читать полностью многих произведений древнерусской литературы, в том числе житий Сергия Радонежского и Стефана Пермского, и что он благодарит Д. С. Лихачева, Н. Н. Воронина и М. В. Алпатова, которые сумели показать широкому советскому читателю ценность древнерусской культуры, литературы, искусства. Через посредство работ этих ученых Е. Я. Дорош познакомился с русской агиографией.

Подобно В. Ф. Пановой и А. П. Ладинскому, Е. Я. Дороша заинтересовала проблема положительного героя Древней Руси. Поэтому он дважды останавливался в очер-

---

[6] См. рецензию В. Д. Кузьминой на роман А. П. Ладинского «Последний путь Владимира Мономаха» (М., 1966. 476 стр.) — «Новый мир», М., 1968, № 2, стр. 287.

[7] Е. Я. Дорош. Живое дерево искусства. М., 1967. 270 стр.

ках на знаменитом Григорьевом затворе в Ростове Великом, где «многие книги быша», где шли споры об истине ночью и днем («обнощеваше и утреневаше») с мужами «книжными и мудрыми». В очерке о Загорске выступает не только сам Сергий Радонежский, каким он предстает в житийных повестях, но и его ученики. Он говорит, что ученики Сергия Радонежского своим единодушием, мужеством, верностью возвышенным идеалам напоминают ему рыцарей Круглого Стола. Это не были монахи-отшельники, которые только и думали о спасении собственной души, это были люди, которые строили русскую культуру, отдавали этому все силы и знания и сами служили примером другим.

Мне хочется обратить внимание, что в одном из очерков, посвященном старинной русской иконописи, Е. Я. Дорош напоминает слова А. П. Чехова из рассказа «Студент»: «Прошлое... связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого, ... дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Раскрыть связь прошлого с настоящим — вот одна из важнейших целей нашего изучения древнерусской литературы. Такие исследования несомненно покажут, как много непреходящих ценностей было создано писателями Древней Руси.

Н. С. Демкова

ИЗУЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ «ЖИТИЯ» АВВАКУМА. ПРИНЦИП КОНТРАСТНОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ

В работах последних лет, посвященных «Житию» протопопа Аввакума, наметилась тенденция, отрицающая художественную цельность этого произведения, единство творческой манеры его создателя.

Сравним несколько высказываний.

В. В. Виноградов пишет о «Житии»: «Попытка протопопа Аввакума в своем „Житии" сочетать просторечно-бытовую манеру изображения с книжно-агиографической, церковно-славянской не привела ни к художественному

единству, ни к целостному образу героя».[1] К этому резкому противопоставлению двух типов повествования тяготеет и анализ «Жития», проделанный А. Н. Робинсоном, который в своей последней работе определил этот памятник как «двуплановую структуру» — «исповедь-проповедь» — и связал именно с ней и разные стилистические слои «Жития» (разговорный, бытовой стиль — идет от исповеди, а патетический, церковно-славянский — от проповеди), и «двойную сущность» героя.[2] Этим взглядам соответствуют и суждения Б. Илека — психологическая характеристика автобиографического героя «Жития»: «В своем Житии Аввакум предстает перед читателем как раздвоенная личность. В нем глубокая религиозность, сила веры, но, с другой стороны — явная неуравновешенность и судорожность, очерствелость и упрямство в защите пустых догм и обрядов».[3] Богатство творческих форм «Жития», сложность его структуры при таком подходе как бы вступают в противоречие с художественной цельностью произведения; при этом неизбежно теряется художественное своеобразие Аввакума-писателя, то могучее «Аввакумово начало», по характеристике Горького, которое определяет художественное и историко-литературное значение «Жития». Поэтому в изучении художественной структуры памятника особое значение приобретает вопрос о «Житии» как о явлении определенной художественной системы.

Единственным опытом анализа «Жития» как художественной системы до сих пор остается исследование В. В. Виноградова «Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», поставившего своей задачей «познать индивидуальный стиль писателя — вне всякой установки традиции, целостно и замкнуто, как своеобразную систему языковых средств и их эстетической организованности».[4]

---

[1] В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 468.

[2] А. Н. Робинсон. Исповедь-проповедь. (О художественности «Жития» Аввакума). — В кн.: Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада, М., 1967, стр. 300.

[3] B. Ilek. Život protopopa Avvakuma. Praha, 1967, стр. 113.

[4] В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. — В кн.: Русская речь. Сборник статей под ред. Л. В. Щербы, I, Пгр., 1923, стр. 286. (Далее — Виноградов).

Эта работа наметила ряд существенных проблем в изучении художественных принципов повествования Аввакума, но многие вопросы рассмотрены здесь в соответствии с замыслом исследователя только в плане чисто стилистическом. Проблемы общей композиции памятника, сюжетности повествования Аввакума и его приемов художественного обобщения представляют собой еще неизученную область.

Данная статья ни в коей мере не претендует на полное решение проблемы художественного своеобразия «Жития», она посвящена лишь одной особенности повествовательной манеры автора «Жития», имеющей, однако, существенное значение для анализа художественной структуры памятника в целом, — важнейшему композиционному принципу Аввакума, принципу контраста.

О «контрастном параллелизме» как об одном из композиционных приемов Аввакума В. В. Виноградов писал в 1923 г.: «...все „Житие“ Аввакума построено на принципе противоположения диавола и бога, детей сатаны и детей Аввакума, словесные обозначения того и другого ряда действий, организованные в синтаксические группы, располагаются по схеме параллельно идущих линий с семантическим контрастом или всех своих частей, или концовок».[5]

Действительно, принцип противопоставления четко выявляется в «Житии», однако только отметить этот «контрастный параллелизм» недостаточно, так как, во-первых, противопоставления в «Житии» не всегда имеют вид параллельных рядов, а во-вторых, не только два ряда контрастного параллелизма — бог и дьявол — существуют в художественном мире «Жития». Контрастов в «Житии» несравненно больше, и назначение их весьма разнообразно (достаточно напомнить начало «Жития»: «Отец ми бысть священник Петр, мати Мария, инока Марфа. Отец мой прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвеница бысть»).

---

[5] Виноградов, стр. 279. А. Н. Робинсон, анализируя «Житие» как «двуплановую структуру» («исповедь-проповедь»), упомянул об особенностях контрастного самосознания писателя и отметил «двойную сущность» автобиографического образа героя «Жития» («грешный человек» — «пророк»). Однако в работе А. Н. Робинсона это противопоставление также рассматривается лишь как частный случай.

Многозначность и обилие контрастирующих смысловых рядов в «Житии» обнаруживает одна из важнейших сцен памятника — сцена суда над Аввакумом на соборе 1667 г.

Сцена собора[6] — героический эпизод в повествовании: Аввакум выступает здесь как обличитель, пророк («бог отверз грешъные мое уста»), отдельные детали этого эпизода, как известно, напоминают евангельскую сцену суда над Исусом Христом. Аввакум один противостоит всему сонму врагов — русским церковным властям и вселенским патриархам («велико антихристово войско собралося»), один противостоит убеждениям многих. «Что, де, ты упрям? Вся, де, наша Палестина — и серби, и алъбанасы, и волохи, и римляне, и ляхи — все, де, тремя перъсты крестятся, один, де, ты стоиш во своем упоръстве. . .», — укоряют его патриархи (здесь налицо контраст численности: множество врагов и один Аввакум). Но герою «Жития» не страшны враги: авторитету вселенских патриархов он противопоставляет многовековую традицию русского христианства, постановления русских соборов, авторитет русских святых. Русские же церковные власти ничтожны, они даже не «волки», а только «волъчонки» (контраст нравственного облика противников). Дистанция между духовной силой Аввакума и его врагов так велика, что, когда конфликт достигает необычайной остроты («. . . толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились»), Аввакум останавливает их одним своим словом: «И я закричал: „Постой — не бейте!“. Так оне все отскочили».

Аввакум не признает суда церковных властей и отказывает им в праве судить его, превращая сцену суда в фарс: «И я отошел ко дверям, да набок повалилъся: „Посидите вы, а я полежу, — говорю им. Так оне смеются“» (контраст героики и фарса).

С героической сценой контрастирует и сниженный, «обыденный» конец ее: «Да и повели меня на чепь». Этот перелом в тоне повествования как бы выражает эмоциональный спад в течении рассказа, нарочитую паузу рассказчика в напряженном ритме «Жития».

---

[6] См. также написанный Н. С. Демковой раздел, посвященный анализу «Жития» в кн. «Истоки русской беллетристики» (М.—Л., 1970, стр. 470—471, далее — Демкова).

На тексте даже этого одного эпизода «Жития» мы видим, что противопоставления в композиции повествования Аввакума очень разнообразны и по своему содержанию, и по функциям.[7]

Принцип контрастности изображения — важнейшее художественное средство и прием Аввакума. Так, почти полностью на принципе контраста основан сюжет «Жития».

Если проанализировать сочленение эпизодов в «Житии», то и в начале, и в центральной части памятника обнаруживается сложное и все время повторяющееся пересечение линий «добра» и «зла».[8]

В начале «Жития» это сочленение дидактически прямолинейно, рассудочно и явно ощутимо. Описано преследование Аввакума одним из «начальников» и рядом «чудо»: пищаль, нацеленная на Аввакума этим начальником, «не стрелила». Боярин Шереметев, «гораздо осердясь», велел бросить Аввакума в Волгу, — «А опосле учинились добры до меня». «Ин начальник», Евфимий Стефанович, «рассвирипев», «приступом» пытается взять дом Аввакума, а «наутро», смирившись, становится его духовным «сыном» и т. д.

В центральной части «Жития» соединение линий «добра» и «зла» более тонкое и разнообразное. Здесь начинают сопоставляться и контрастировать события с разными субъектами действия, противопоставляются различные персонажи в своем отношении к Аввакуму. Так, например, непосредственно после известного рассказа о вопросе «Марковны» — «Долго ли муки сея, протопоп?» (здесь вопрос становится символом и кротости «Марковны» и страданий семьи Аввакума) — следует рассказ о «чудесной» «курочке», поддерживавшей жизнь детей и домочадцев Аввакума в ссылке. Рассказы о «злодее» Афанасии Пашкове сопоставляются с воспоминаниями о «кормилице» — боярыне, и о заступнике за Аввакума сыне Пашкова — Еремее. В этом почти равномерном че-

---

[7] Здесь можно принять обозначение части рассмотренных противопоставлений как противоположение «диавола» и «бога» (в согласии с В. В. Виноградовым), но следует признать, что понятия «бога» и «диавола» представляют собой лишь конкретизацию самых общих категорий, существующих для Аввакума, — категорий «добра» и «зла».

[8] См. также: Демкова, стр. 462.

редовании добра и зла, которое можно проследить в основной части «Жития», раскрывается христианская идея Аввакума: неизбежность воздаяния за терпение, беду, страдание. Можно утверждать, что эта христианская идея реализована в самом характере композиции произведения. В начале «Жития» целая группа таких перемежающихся эпизодов идет в сопровождении рефрена, не оставляющего сомнения в замысле автора: «Так-то бог строит своя люди!». В конце «Жития» в описании казней пустозерских узников и «чудесного» их исцеления эта мысль, варьируясь, звучит уже как вывод: «Дивна дела господня и неизреченны судьбы владычни! И казнить попускает, и паки целит и милует».

Однако это чередование контрастирующих эпизодов в «Житии» — не только композиционный прием, своеобразный отсвет христианской идеи «неисповедимости судеб божиих», но и отражение определенного, «аввакумова», принципа обобщения действительности.

Перемежающиеся эпизоды добра и зла в сюжете «Жития», рассмотренные выше, контрастны, но контрастирующее повествование такого рода имеет «задание», идущее от идей Аввакума, и именно в этих эпизодах (в их соотнесении) проявляется наибольшая близость его к принципам агиографического повествования.

Аввакум пользуется контрастом и в целях создания чисто художественных эффектов. Таково, например, описание заключения его в «темной полатке» Андроньева монастыря.[9]

Герой Аввакума растерян: «во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю на восток, не знаю — на запад». Темнота в «полатке», «ушедшей в землю», исключает возможность зрительного восприятия обстановки, узник связан с окружающим миром лишь осязанием и слухом: «Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно». Шорохи темничных тварей и крик сверчков делают почти осязаемой мертвую тишину «полатки».

Аввакум использует далее эффект «звукового» контраста: полная тишина тюремного заключения внезапно сменяется «наутро» нестройным, яростным шумом бытия — слышны крики, брань, звон цепей («У церкви за

---

[9] См. также: Демкова, стр. 465.

волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют»).

Иногда прием контраста выполняет у Аввакума более сложное художественное задние: контрастируют внешние обстоятельства и состояние духа его героя. Так, после сцены «ропота» Аввакума на бога (на Шаманском пороге) и описания пережитого им духовного кризиса идет картина осенней непогоды в Сибири: «Сверху дождь и снег, а мне на плеча накинуто кафтанишко просто, льет вода по брюху и по спине, нужно было гораздо». С этим описанием «неустроенности» Аввакума контрастирует сообщение о его кротости и обретенном им душевном покое: «Груско гораздо, да душе добро, не пеняю уж на бога вдругорят. . . Его же любит бог, того наказует».

Сходно строит Аввакум и описание своего заключения в Братском остроге.

Тяготение Аввакума к контрастности изображения способствует возникновению в композиции «Жития» многочисленных отступлений от основной линии повествования. Рассказ о Никоне и о начале реформы — о присылке Никоном «памяти» в московские церкви — прерывается контрастирующим воспоминанием Аввакума о собственной роли в этот период — о близости к Ивану Неронову и двору, о собственной популярности среди москвичей. Повествуя о столкновении с Пашковым на Шаманском пороге, Аввакум так описывает свой «арест»: «А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их; и оне, бедные, и едят, и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него». Отступление о том, как Аввакум «каши наварил», а казаки плакали, глядя на него, создает яркий контраст к злодейству Пашкова; здесь не только снова возникает тема популярности Аввакума в народных массах, но за счет противопоставления действий Аввакума и казаков (он спокойно «варит кашу», они — «плачют») характеризуется и сила духа героя «Жития».[10]

---

[10] В. Шкловский писал в «Теории прозы» об одной из функций отступлений: «они служат для создания контраста» (см.: Виктор Шкловский. Теория прозы. М.—Л., «Круг», 1925, стр. 166). Интересно отметить, что в тексте Прянишниковского списка «Жития», представляющего собой особую и, по-видимому, первона-

Таким образом, контрасты в «Житии» — это не только отражение одного конкретного принципа в композиции, «принципа противоположения диавола и бога», на котором, по В. Виноградову, «построено все житие Аввакума», контрастность изображения — поистине всеобщий принцип Аввакумова повествования, примета его индивидуального стиля. Этот принцип обобщения и изображения действительности теснейшим образом связан с мировосприятием Аввакума.

Контрасты собственных жизненных обстоятельств, «пестрой» Аввакумовой жизни (сельский священник оказывается при дворе царя, ссыльный находится в переписке с царевной, ортодоксальный христианин объявляется еретиком и т. п.) воспринимались им как некая закономерность существования человеческой личности, и он всюду ищет проявления этой закономерности, в судьбах почти всех людей; в его сознании противопоставлены его отец и мать, богатство Ф. Морозовой и ее тюрьма; бывший друг Иларион Рязанский оказывается врагом, и, наконец, резчайший контраст эпохи, религиозный и нравственный, представляют сами «никониане».

У Аввакума возникает все растущее сознание нелепости бытия: «чюдно!» (или «чюдо» в значении «чюдно») — слово, которое часто звучит в его рассуждениях и описаниях, выражая отношение Аввакума к происходящему: царь забыл о своем долге охранять церковь от еретиков, стал «мучителем», он судит Аввакума и одновременно просит у него благословения; священники, «пастыри», превратились в «волков»; вера отцов названа верой невежд, глупцов, ее судят на соборах; благочестивые люди объявлены еретиками, их преследуют и казнят.

Устойчивый образ у Аввакума — образ разрушающегося мира, выражающий трагизм его мировосприятия. Ему кажется, что все смешалось, все несется куда-то — устои жизни, государство, церковь. «Ну и церковь-ту под гору совсем!». Аввакум как будто сам толкает разрушающийся на его глазах мир. Постоянен для сочинений

чальную редакцию памятника, это отступление, как и многие другие, отсутствует (см. об этом: Н. С. Демкова. Творческая история «Жития» протопопа Аввакума. — В кн.: ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 212). Последующая работа Аввакума над текстом «Жития» приводит его к более широкому использованию принципа контраста.

Аввакума образ бушующего моря: среди «волн» его Аввакум стоит «на камени» — вере.

Контрастность изображения — один из самых распространенных приемов словесного искусства всех времен и народов.[11] Прием контраста был хорошо известен и русским средневековым писателям.

Антитеза как частный случай проявления контрастности повествования — один из основных приемов риторического искусства (и в «Слове о законе и благодати», и в «Слове о полку Игореве», и в «Слове о Лазареве воскресении» — целый каскад блестящих антитез). Антитезы вообще характерны для любой убеждающей речи. Контрастность — один из основных принципов повествования в житийном жанре (добро и зло, свет и тень, святость и злодейство). Но в агиографии этот принцип используется прежде всего для раскрытия идеи: фигуры героев, воплощающих эти контрасты, являются одновременно и носителями идеи (ср. образы Бориса и Святополка, Феодосия Печерского и матери его). И само противопоставление, и внутренний смысл его в этом случае очевидны. Точно так же настойчиво откровенны антитезы в риторике.

У Аввакума принцип контраста становится несравненно более сложным, иногда даже «замаскированным». С его помощью он выражает не только свое мировосприятие — трагизм бытия и «пестроту» жизни, но пользуется этим приемом и для создания чисто художественных и психологических эффектов, эффектов, тоже, конечно, связанных с идеей, но связанных опосредствованно, через ряды сцеплений и ассоциаций. И именно в этих рядах сцеплений обнаруживается связь Аввакума с литературой нового времени.

---

[11] Ср. суждение Филдинга о «законе контраста»: «...мы должны указать на новую жилу познания, которая если и была известна прежде, то по крайней мере не разработана, сколько нам известно, ни одним из древних или новых писателей. Эта жила — закон контраста. Она проходит по всему в мире и, конечно, немало способствовала пробуждению в нас идеи красоты как естественной, так и искусственной, ибо что лучше противоположности может уяснить красоту или превосходство вещи» (цит. по кн.: Виктор Шкловский. Теория прозы, стр. 166).

В. И. Малышев

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Мы уже имели возможность выступить в печати с рядом предложений по изучению жизни и литературного наследия протопопа Аввакума,[1] осуществление которых необходимо для полного познания этого выдающегося человека и писателя Древней Руси. Настоящее сообщение является уточнением и дополнением сказанного ранее. Кроме того, здесь выдвигается и несколько новых аспектов изучения биографии и сочинений Аввакума, которые будут способствовать более глубокому познанию творчества и личности Аввакума.

Ставя в указанной статье вопрос об издании полного собрания сочинений протопопа Аввакума, мы не отметили специально необходимости комментария к нему. Между тем такое издание нуждается в подробном, квалифицированном комментарии (типа, скажем, создающейся Пушкинской энциклопедии), охватывающем сведения по самому широкому кругу вопросов, касающихся как сочинений Аввакума, так и политической и бытовой обстановки того времени. Составители должны будут учитывать значение Аввакума в русской истории XVII в., помнить, что он — не только писатель, но и одна из центральных фигур эпохи, что в нем отразились и сконцентрировались противоречия русской культуры этой поры, склад мышления людей XVII в., их взгляды и переживания.

В этом комментарии с исчерпывающей полнотой должны быть отмечены все заимствования Аввакума из книг священного писания, сочинений отцов и учителей церкви и других памятников древнерусской письменности, переводных и оригинальных, причем в каждом отдельном случае следует обязательно оговаривать характер использования им чужих текстов (свободная цитация или точная) и степень достоверности его сносок и отсылок

[1] В. И. Малышев. Об изучении наследия протопопа Аввакума. — РЛ, 1968, № 4, стр. 89—92.

к источникам. Это нелегкая работа, но она крайне необходима для раскрытия творческой лаборатории писателя. Она позволит рассмотреть в произведениях Аввакума свое, оригинальное, и заимствованное им, даст возможность определить круг его знаний, принципы использования им источников. Эта работа уже начата издателями произведений Аввакума, но далеко еще не закончена, и проводилась в основном по выявлению заимствований из библейских книг.[2]

В качестве приложения к комментарию, как дополнение к нему, следует дать список не разысканных еще произведений Аввакума, упоминаемых в его сочинениях и произведениях его современников, и кроме того — перечень всех приписываемых ему произведений. Такие списки важны будут и для установления объема всей его литературной продукции, а второй список важен как свидетельство его огромного писательского авторитета: ведь никто из пустозерских узников, кроме Аввакума, не удостоился такой чести, чтобы ему приписывались псевдоэпиграфы — настолько выше был авторитет Аввакума среди старообрядцев по сравнению с остальными узниками.

Изданию полного собрания сочинений Аввакума должна предшествовать разработка вопросов аввакумовского правописания (без этой предварительной работы приступать к изданию нельзя), и как завершение всего подготовительного этапа следует создать специальную текстологическую инструкцию, которую необходимо обсудить в широком кругу специалистов-литературоведов, лингвистов, историков и палеографов.

Как уже отмечалось в указанной выше моей статье, одним из условий успешного завершения издания полного собрания сочинений Аввакума, гарантией его полноты являются широкие поиски его произведений в архивохранилищах и частных собраниях нашей страны и за рубежом, к которым надо приступить уже сейчас. Эта работа должна привести к составлению полного списка всех сборников, полного сводного каталога всех вообще руко-

---

[2] Перечень произведений древнерусской письменности, встречающихся в сочинениях Аввакума см. также в специальной статье Н. С. Сарафановой (Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 329—340).

писей, содержащих труды Аввакума, включая тексты из сборников, отдельные списки и автографы. Нет нужды доказывать огромное значение этого специального путеводителя по трудам Аввакума. Он будет не только исчерпывающим справочником по его литературному наследию, но будет также давать подробные сведения о циклах его сочинений, о движениях его произведений в XVII—XX вв., круге его читателей (по припискам и записям на рукописях) и географии его сочинений (местах распространения): этот каталог явится и надежной гарантией сохранности трудов Аввакума, так как будет выполнять роль регистрационного, охранного документа для хранилищ и владельцев собраний, имеющих его произведения.

Параллельно с поисками сочинений Аввакума следует выявлять и изучать произведения его сподвижников (они учтены еще далеко не все) и лиц, знавших его и общавшихся с ним. В их произведениях, несомненно, найдутся новые материалы о нем: отрывки его произведений, отголоски устных его высказываний и др.

Принимая во внимание особую ценность для науки обоих пустозерских сборников — автографов Аввакума, необходимо возможно скорее, не дожидаясь издания собрания сочинений Аввакума, опубликовать их фототипически, с небольшими вводными статьями палеографического содержания. Эти издания окупят себя. В приложении к одному из сборников, может быть к сборнику Пушкинского дома (по объему он значительно меньше сборника Библиотеки Академии наук СССР), следует напечатать — также фототипически — все остальные известные автографы Аввакума (их не так много), поскольку снимки с них опубликованы не всегда удовлетворительно. Такое издание важно будет для литературоведов, историков, оно окажет большую помощь лингвистам, изучающим язык XVII в., и особенно палеографам: для последних оно будет незаменимым пособием при определении почерка Аввакума и позволит проследить эволюцию его почерка на протяжении более двух десятилетий (наиболее ранний автограф относится к 1653 г.). А самое главное — это издание сделает доступными автографы Аввакума широкому кругу научной общественности (архивистам, музейным работникам и т. д.) и тем самым, в случае находки новых его автографов, предохранит их от забвения и обеспечит им более бережное хранение.

В настоящее время известно немало документального материала об Аввакуме, содержащего ценные сведения, но напечатанного в различных сборниках и журналах, иногда редких и малодоступных. Для удобства пользования этими источниками было бы полезно собрать их воедино и переиздать, тем более что многие документы опубликованы неточно, по случайным текстам, без учета других ныне известных списков. Публикация составит том не более 30—35 листов, включая соборные постановления XVII в., посвященные деятельности Аввакума и его единомышленников, и сохранившиеся письма к нему. Как показала практика послевоенных лет, поиски актового материала в архивохранилищах страны, и в особенности в ЦГАДА, всегда бывают успешными и наверняка дополнят том новыми интересными данными об Аввакуме.

Одна из важных задач аввакумоведения — подготовка монографии о языке и стиле произведений Аввакума. Обобщающей работы на эту главнейшую тему пока нет. Исследование должно дать общую оценку языка Аввакума, выделить в нем нижегородский и московский слои, показать удельный вес разговорной стихии и письменных элементов, объяснить характер акцентной системы в автографах Аввакума, объем иноязычных элементов (польских, татарских, заимствований из западноевропейских языков) и дать ответ на другие лингвистические вопросы, остающиеся до сих пор без объяснения или изученные недостаточно.

Большую помощь в изучении языка и стиля сочинений Аввакума окажет издание словаря языка «Жития» по всем редакциям и спискам, с подведением слов из других его произведений. Дальнейшей работой в этом направлении должно быть создание словаря языка всех сочинений Аввакума.

Аввакумоведение в нашей стране приняло сейчас такой размах, что настало, кажется, время создания при секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР специальной комиссии по изучению наследия Аввакума. В задачу комиссии должно войти координирование всей исследовательской работы, концентрирование усилий ученых на наиболее важных проблемах аввакумоведения, борьба с параллелизмом в работе, мелкотемьем и т. д. Комиссия должна иметь список и вести постоянный учет всех занимающихся Аввакумом в нашей

стране и за рубежом, привлекать к собиранию материалов библиофилов типа И. Н. Заволоко, Е. А. Бобкова и М. И. Чуванова, оказавших уже немалую помощь ученым в этом деле. Особенно полезными могут оказаться они при собирании преданий об Аввакуме, которые до сих пор еще бытуют в среде старообрядцев, являясь фактом их жизни, живой их стариной.

В заключение остановлюсь еще на одном вопросе (не имеющем прямого отношения к теме статьи, но также связанном с Аввакумом), по которому мне не раз приходилось высказываться в печати. Имею в виду постановку памятного знака на месте казни Аввакума в Пустозерске. Пора уже общими усилиями специалистов по древнерусской литературе сдвинуть этот вопрос с мертвой точки. В наше время факт установления памятника на могиле Аввакума приобретает большое историко-культурное значение, как акт восстановления справедливости в отношении выдающегося русского писателя прошлого, гонимого на протяжении почти трех столетий церковью и государственной властью.

Попытки сохранить место сожжения Аввакума имеют свою историю и связаны в прошлом со старообрядчеством, подходившим к этому вопросу с иных, сугубо религиозных, позиций. Еще в XVIII в. оно было отмечено большим деревянным резным крестом, поставленным мезенским купцом Протопоповым — по преданию потомком Аввакума. В 1846 г. крест по приказанию архангельского губернатора был вырыт из земли, ограда и навес над ним разобраны, а место сравнено с землей.[3] В 1911—1915 гг. страообрядцы белокриницкого согласия сделали попытку восстановить крест и могилу, но получили отказ от Министерства внутренних дел на том основании, что Аввакум сожжен «за великие на царский дом хулы», как государственный политический преступник.[4] Такова прошлая история попыток сохранить могилу Аввакума.

---

[3] Архангельский областной архив, ф. 29 (Архангельская духовная консистория), оп. 3, № 3291. Дело о почитании крестьянами Пустозерского прихода «Аввакумовских страдальцев» за святых угодников, 1846, на 16 лл.

[4] ЦГИАЛ, ф. 821 (Департамент духовных дел), оп. 133, № 56, Дело по ходатайству старообрядцев о разрешении им соорудить памятник на месте сожжения протопопа Аввакума. Началось 7 сентября 1911 г. — кончено 16 апреля 1915 г., на 34 лл.

А вот новая, закончившаяся тоже пока безрезультатно. В 1965 г. автор напечатал в «Неделе» специальное письмо о сохранении места казни Аввакума.[5] Это письмо вызвало многочисленные положительные отклики ученых, писателей и широкой общественности нашей страны. Однако Министерство культуры РСФСР, которому были посланы письма, оставило их, по неизвестным причинам, без внимания.

Пока не затерялось совсем само место пустозерской казни, пока живы старожилы, знающие его по преданиям, надо позаботиться о его сохранении для потомков, хотя бы при помощи простенького обелиска или оградки с памятной мемориальной доской.[6] Ведь, повторяю, речь идет о крупнейшем писателе далекого прошлого, гордости старорусской литературы.[7]

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОХРАНА ПРОТОПОПА АВВАКУМА В ПУСТОЗЕРСКЕ

1. Воеводы Пустозерского острога времени заключения в нем протопопа Аввакума (12 декабря 1667 г.—14 апреля 1682 г.)

Неелов Иван Саввинович, дворянин московский. Воеводствовал с 28 марта 1667 г. по 1 августа 1670 г.

ЦГАДА, ф. 141, № 67, л. 7, № 559, л. 1; ф. 159, оп. 1, № 1128, л. 318. — Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853, стр. 286.

Неелов Григорий Михайлович, стряпчий рейтарского строю, стрелецкий голова. Был воеводой с 1 августа 1670 г. по январь 1672 г.

ЦГАДА, ф. 141, № 559, л. 1; ф. 159, оп. 1, № 1128, л. 318. — Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, 3-я часть. М., 1897, стр. 106.

Неплюевы Леонтий Романович, стольник, и Иван Яковлевич, дворянин московский. В январе 1672—сентябре 1673 г. упоминаются вместе как пустозерские воеводы, в августе 1674—1675 гг. называется один Леонтий Романович.

---

[5] В. И. Малышев. Пока помнят старожилы. — Неделя, 1965, № 40, стр. 10.

[6] См. о месте казни в моих работах: 1) Замечательный город русского Севера. — Летописи Севера, т. IV, М., 1964, стр. 236—239; 2) Исследования и разыскания по литературному наследию древней Руси. Л., 1967, стр. 15—16.

[7] Не следует ли также поставить вопрос о сохранности памятных мест его сподвижников, в частности боярыни Ф. П. Морозовой в Боровске, и об издании их произведений и документов о них?

ЦГАДА, ф. 141, № 227, л. 28, № 269, л. 2; ф. 159, оп. 1, № 2224, л. 1. — А. Барсуков. Списки городовых воевод. СПб., 1902, стр. 188. — Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853, стр. 289.

Львов Петр Григорьевич, князь. Значится на воеводстве с 19 июня 1675 г. по 9 июня 1678 г.

ЦГАДА, ф. 159, № 1128, лл. 312—313. — А. Барсуков. Списки городовых воевод. — Экземпляр ЦГАДА с рукописными дополнениями, стр. 188. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 331—334.

Тухачевский Гавриил Яковлевич, стольник. Был воеводой с 9 июня 1678 г. по 30 июля 1680 г.

ЦГАДА, ф. 159, № 1128, лл. 312—313. — РЛ, 1967, № 4, стр. 102.

Хоненев Андриан Тихонович, стряпчий. Был воеводой с 30 июля 1680 г. по 13 июня 1682 г.

ЦГАДА, ф. 137, № 109, лл. 18 об.—19 об. и др.; ф. 159, № 2226, лл. 36—37. — РЛ, 1967, № 4, стр. 100—102. — Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853, стр. 442.

2. Караульные Пустозерской тюрьмы Аввакума «с товарыщы»

Акишев Федор, стрелецкий сотник, и 9 стрельцов приказа Василия Бухвостова. Были с 26 августа 1667 г. (сопровождали Аввакума из Москвы) по 20 сентября 1669 г.

ЦГАДА, ф. 141, № 467, лл. 748—749. — Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, СПб., 1912, стр. 68, 70, 146.

Ярцов Иларион, стрелецкий сотник, Тимофеев Семен, десятник, «с товарыщи» (Онтипка Микитин, Митька Михайлов, Исачко Григорьев и др.). Прибыли 20 сентября 1669 г., упоминаются в августе (1) 1670 г.

ЦГАДА, ф. 141, № 467, л. 748; № 559, л. 13; ф. 159, оп. 1, № 1128, л. 318.

Чупреянов Андрей, стрелецкий сотник «с московскими стрельцами». Значится с 1675 г. по 16 апреля 1677 г.

ЦГАДА, ф. 137, № 96, л. 124 об. — Н. Субботин. Материалы для истории раскола, т. VI, стр. 131. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 333.

Угрюмов Матвей, стрелецкий сотник, и «десятник Микитка Солоношник с товарыщы, десять человек» Приказа полковника Федора Головленкова. Приняли караул 16 апреля 1677 г.

ТОДРЛ, т. XXI, стр. 333.

Максим Ильиных, Яков Первого, пустозерские стрелецкие пятидесятники, и 10 пустозерских стрельцов «вместо московских стрельцов», взятых с сотником в Москву, несли караул в декабре 1678—августе 1679 гг.

ЦГАДА, ф. 217 (159), № 1, лл. 3—4, 10.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРОТОПОПЕ АВВАКУМЕ

В нашей, называвшейся выше статье «Об изучении наследия протопопа Аввакума» отмечалась необходимость тщательного обследования фондов ЦГАДА, все еще содержащих в себе немало неизвестных сведений о протопопе Аввакуме. Подтверждением сказанному служит недавняя находка сотрудниками архива новых материалов об этом крупнейшем писателе Древней Руси, расширяющих наши представления о нем, о людях, окружавших его, бытовой обстановке и о его последователях. Обнаружены дополнительные данные о составе охраны Аввакума в Пустозерске, о «корме», выдававшемся ему и его караульным, о пребывании его семьи на Мезени (опубликованы недавно В. С. Румянцевой), о попытках подсадить в тюрьму к Аввакуму и его соузникам сосланных монахов Соловецкого монастыря, о друге и духовном сыне протопопа Андрее Самойлове, находившемся до 1676 г. в ссылке в Пустозерске, и два отрывка из дел об учениках и последователях Аввакума, краткий пересказ которых дается ниже. Оба документа любезно указаны нам В. Н. Шумиловым.

Духовная дочь Аввакума Мавра Григорьева. Вместе со своим мужем Мартином (Мартыном) упоминается у Аввакума в его Послании «всей тысящи рабов христовых», в числе наиболее заметных лиц из его московской паствы.[8] Кто же такая эта Мавра? Ее муж Мартынко Васильев, крестьянин нижегородского Дудина монастыря, впоследствии московский стрелец, за приверженность старообрядчеству был сослан в 1675 г., вместе с женой Мавруткой и дочерью Федосицею, «на вечное житье» в Кольский острог в должности стрельца. Здесь они мирно жили 8 лет, пока 20 декабря 1683 г. его начальники, стрелецкие пятидесятники Игнашка Углеватый и Петрушка Попов, не написали на Мавру «извет» воеводе о том, что «в церковь де божию... она не ходит» и отца духовного не имеет.

В тот же день, в съезжей избе, в присутствии игумена Кандалакского монастыря, местных священников и воеводы Мавру подвергли испытанию в вере, во время которого она держалась стойко и открыто и дерзко выразила свое несогласие с нововведениями. Воевода тут же «велел ее сковать в чепь и посадить за решатку». Через 20 дней Мавра снова предстала на допросе, но на этот раз уже только перед светскими властями, допрашивавшими «с великим пристрастием». Стрелецкая женка трижды поднималась на дыбу («три стряски») и получила 25 ударов кнутом.

Пытка развязала ей язык, и она показала, оставаясь, однако, мужественной и убежденной до конца, что не принимает церковных изменений потому, что «ее отец духовной, бывшей протопоп Аввакум» запретил это делать, так как все новое — это «печать антихриста», сам Никон — «антихрист», а церковь — «сонмище» отступников. С Аввакумом Мавра была знакома много лет, он ее «поучал многажды». Крестьянка села Мурашкина Нижегородского

[8] РИБ, т. XXXIX, стлб. 829—830.

уезда, она впервые была у него «на духу» еще «девкой» в церкви села Лопатище. Потом она «была у него на духу на Москве, как он, Аввакум, ис ссылки был иман к Москве... А исповедывалась де у него на духу, и с мужем своим Мартынком, будучи на Москве, в дому у боярыни у Феодосии Прокофьевны Морозовой, а не в церкви. А она-де в тот дом вхожа была по знакомству истарь. И заклинал-де он, Аввакум, ей и иным детям духовным своим, хто у него был на духу, чтобы они по новоисправным книгам пения не слушали и в церковь ходить, и трема персты на себе знамения крестнаго полагать и во всем священником покарятися не велел же, хотя-де станут и мучить вас до смерти. И за то-де вам будут венцы».

По отъезде Аввакума в новую ссылку Мавра исповедывалась вместе с другими «многими людьми» в том же доме Ф. П. Морозовой у известного боровского священника, старообрядца Полиевкта, который «им такожде заказывал» Никоновых новин не принимать. «И она-де, Маврутка, по их, отцов духовных, веленью преисполнена решимости держаться старины, теперешней церкви божией не повинуется, хотя-де ныне и смертью казнят, она-де тому готова».

И это не замедлило состояться. 29 января 1684 г. Маврутка Григорьева «за ее богохульные слова» была в Кольском остроге «казнена смертью — в струбе сожжена».

Муж Маврутки, Мартынко Васильев, еще до ее смерти, почуяв неладное, исчез из Кольского острога вместе со своим однодворцем, тоже ссыльным московским стрельцом, старообрядцем, — Пронькою Левуношниковым. А ее дочь, Федосица, с мужем, стрельцом Оськой Лисиным, после расспроса воеводы (они заявили себя верными церкви) и заверения местного священника в их благонадежности, оставлены без наказания. (ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, № 2226).

Последователь Аввакума старец Епифаний. Жили на Пельшемском волоке, в Тотемском уезде, в лесных кельях старец Епифаний и «белец», важский крестьянин Исачка Дружинин. Вокруг них, в таких же избушках, проживали другие сторонники старой веры, тоже крестьяне, с реки Ваги. Это был по существу тайный скит староверов. Епифаний выполнял роль наставника, учил «раскольничеству» Исачку. В 1688 г. они «сошли» в Коченскую слободку, в которой их задержали и доставили в Тотемскую приказную избу. Здесь они были обысканы и допрошены с пристрастием.

У Епифания в мешке нашли «заверчено в бумашках и в деревяных резных крестах и подписано: „просвира протопопа Аввакума" да „просвира Соловецкого монастыря", да „просвира старца Досифия". А одна бумашка с просвирою же не подписана. А те просвиры дробленые..., а что-де в деревяных резных крестах, в бумашках, — и то-де кости сожженных людей, нынешних страдальцев, которые пожглись сами, а пострадали де они за веру». Кроме того, у старца оказались в мешке «книга письмянная в досках и в переплете и многие тетрати в коже письмянные и в столбцах письма» с выписками из разных книг, письмом к нему старца Никодима и рукописями, переписанными бывшим наставником их скита старцем Макарием. Целый скитский архив.

Посланные по их следу «для сыску» подьячий с «сторонними людьми» нашли «пусты» их кельи. В одной подобрали старообряд-

ческое поминание, рукописный часовник «ветхой» и «тетрати всякие». Тут же оказался «ящик красной з закрышкою», в котором находились «во шти бумажках» «зженые человеческие кости», раздробленые просвиры и «в малых тетратех поминания о умерших».

Исачко Дружинин «принес повинную», отрекся от старообрядчества, старец Епифаний оказался, по-видимому, более твердым в своих убеждениях, но что стало с ним дальше — из сохранившегося отрывка неясно. Все отобранные и найденные вещи были отосланы в Москву и тут «того-де часу сожжены». (ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, № 2225).

О. А. *Державина*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ТЕАТРА XVII в.

О начале русского театра и его становлении в XVII в. написано немало. В этом легко убедиться, познакомившись с библиографическими обзорами работ, посвященных этой теме. Мы находим здесь общие труды (Б. Варнеке, П. О. Морозова, В. Н. Всеволодского-Гернгросса), где русскому театру XVII в. посвящается обычно несколько глав, и отдельные статьи и исследования, изучающие ту или иную пьесу, тот или иной вопрос, связанный с придворным театром царя Алексея Михайловича или с школьной драмой того времени.

Очень многое сделано в этой области В. П. Адриановой-Перетц. Первой ее работой, посвященной театру, является изучение украинской драмы об Алексее, человеке божием, — глава из ее монографии о житии Алексея, человека божия. В. П. Адрианова-Перетц установила точную датировку драмы, указала ее место среди восточнославянских житий и школьных драм, уточнила текст пьесы, сопоставив с рукописями несовершенное издание Н. С. Тихонравова.

В 1923 г. В. П. Адрианова-Перетц пишет работу о Тверском семинарском театре 40-х годов XVIII в.,[1] а в 1928 г. в сборнике «Старинный спектакль в России» [2]

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц. Из истории театра в Твери в XVIII веке. — В кн.: Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Сборник статей, Пгр., 1923, стр. 93—142.

[2] В. П. Адрианова-Перетц. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII столетий. — В кн.: Старинный спектакль в России. Сборник статей, Л., 1928, стр. 7—63.

печатает статью об устройстве сцены и приемах постановки в школьном театре России и Украины. Там же помещена составленная ею исчерпывающая в те годы библиография по русской и украинской школьной драме и театру XVII—XVIII вв., без которой, как и без выше названных работ, не может обойтись ни один современный исследователь раннего периода развития русского театра. Наконец, в Трудах Отдела древнерусской литературы напечатаны статьи В. П. Адриановой-Перетц об Астраханском школьном театре и о Троицких диалогах.

Несмотря на это, изучение русского театра раннего периода нельзя считать завершенным.

Прежде всего об этом говорят новые находки, относящиеся к истории театра XVII в. Напомню, что всего несколько лет назад в Лионе и Вологде были найдены два списка «Артаксерксова действа» — пьесы, текст которой Н. С. Тихонравов считал утраченным. В настоящее время в ГДР печатается найденный Куртом Гюнтером в Веймаре, к сожалению неполный, текст той же пьесы. В Швеции найдены новые списки пьес об Иосифе, об Адаме и Еве и комедии С. Полоцкого о блудном сыне, — списки, хотя и не восстанавливающие недостатков ранее известных текстов, но по времени написания значительно более ранние, относящиеся к XVII в. Не исключена возможность находок и других пьес, тексты которых считаются навсегда утерянными («Товия младший», «О Бахусе и Венусе» и др.).

Постепенно пополняются и материалы, связанные с историей русского театра времени его возникновения. Так, недавно одной из сотрудниц ЦГАДА — старшим научным сотрудником И. А. Балакаевой — был найден список актеров, исполнявших пьесу «Юдифь». Список, написанный на трех отдельных листках, обрывках столбца, заключает в себе перечень всех действующих лиц пьесы, против которых стоят имена и фамилии исполнителей, — всего 36 человек. Не указано только, кто исполнял роль Навуходоносора и Юдифи. Исполнители русские, их имена ранее не были известны исследователям. Кто были эти первые русские актеры — еще предстоит выяснить. Любопытно, что рядом с каждой фамилией стоят буквы — пометки «в» или «н». Так как рядом с одной фамилией — Абрашки Семенова — вместо буквы написано:

«не выучил, лежит», можно предполагать, что буквами отмечено, выучил или не выучил роль данный актер.

Дальнейшая работа в архивах и библиотеках, возможно, обогатит нас и другими подобного рода находками, которые помогут нам заполнить многочисленные пробелы, которые существуют в наших сведениях о первых годах существования русского театра.

Обращаясь к исследованиям о русском театре XVII в., читатель находит ряд противоречий и неточностей, требующих выяснения. Так, нет единого мнения о том, кто был автором той или иной пьесы, является ли эта пьеса оригинальной или переводной. В ряде случаев даются неверные указания, касающиеся постановки пьесы. Так, например, О. Носкова в своей статье «Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII веков»[3] дает таблицу, рисующую вещественное оформление пьес, ставившихся на сцене придворного театра царя Алексея Михайловича. Из этой таблицы следует, что для «Адамовой комедии» требовались «деревянные сабли, копья, протазаны и палаши» (табл. IV, стр. 283). Однако ни из документов, ни из текста пьесы этого не видно, и непонятно, где и когда в пьесе могли потребоваться все эти вещи. Думается, что все это требовалось для стоящего в таблице рядом с «Адамовой комедией» «Темир-Аксакова действа». Далее в той же таблице стоит: «Крест серебряный на оленьей голове». Крест и оленья голова в документах упоминаются, однако ниоткуда не видно, что оленья голова делалась именно для «Адамовой комедии». Конец пьесы утерян. По содержанию можно предполагать, что в заключительной сцене должен был появляться крест как символ будущих страданий Христа, которые, по учению церкви, должны были искупить первородный грех прародителей, но никаких данных для того, чтобы утверждать, что крест этот появлялся на оленьей голове, нет, и непонятно, откуда С. Богоявленский на стр. XIII своего исследования,[4] а за ним и О. Носкова взяли эту деталь.

Это одна сторона. Кроме этого, не следует забывать и другую. Изучение русского театра на заре его возник-

---

[3] Старинный спектакль в России. Л., 1928, стр. 265—308.

[4] С. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. (Издание Общества истории и древностей при Московском университете).

новения не может проводиться изолированно от истории развития театра европейского. Учитывая это, первые исследователи русской драматургии XVII в. — Н. С. Тихонравов и В. И. Резанов — стремятся найти западные источники русских пьес, написанных для придворного и школьного театра того времени, и указывают на ряд произведений западноевропейской драматургии, близких к этим пьесам и по содержанию, и по форме.[5]

На V съезде славистов в 1963 г. уже упомянутый мною немецкий славист Курт Гюнтер в своем докладе высказал очень верную и плодотворную мысль, что русскую драматургию последней четверти XVII в. нужно изучать в русле немецко-голландских театральных традиций. За это говорит, между прочим, и то, что первым режиссером и организатором придворного театра царя Алексея Михайловича был пастор Иоганн Готфрид Грегори, немец по происхождению. Европейски образованный человек, знакомый с западным, в частности с немецким и голландским, театром (а возможно, как предполагал проф. А. Мазон, и сам в дрезденской Collegium Carolinum принимавший участие в театральных постановках), Грегори создавал первые спектакли молодого театра не на пустом месте: за его спиной был огромный опыт западного театра, — как средневекового и школьного, так и светского, в частности театра писателей-гуманистов, строивших свои пьесы по законам античной трагедии.

Говоря о западноевропейских образцах, которым следовал русский театр при своем возникновении, обычно имеют в виду репертуар и манеру игры так называемых «английских» комедиантов, которые пользовались широкой известностью и популярностью в Германии в XVII в. Однако нельзя забывать, что европейская драматургия этого периода была очень многообразна. Она может гордиться такими именами, как Шекспир, Корнель, Расин, Мольер, в ней существовали разные школы и течения. Конечно, рядом с такими «вершинами» русский театр XVII в. выглядит далеко отсталым, но отдельные течения и явления театральной жизни Запада, — пусть нося-

---

[5] См.: Н. С. Тихонравов. «Жалостная комедия об Адаме и Еве». (Начало русского театра). — Сочинения, т. III, М., 1861, раздел II, стр. 7—47; В. И. Резанов. К истории русской драмы. Школьные действа XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910.

щие периферийный характер, — нельзя не учитывать, анализируя ту или иную пьесу, поставленную на русской сцене XVII в.

Бо́льшая часть этих пьес, созданных в период с 1672 по 1676 г. и предназначенных для придворного театра царя Алексея Михайловича, написана на библейские темы. «Артаксерксово действо», «Малая прохладная комедия об Иосифе», «Товия младший», «Иудифь», «Жалостная комедия об Адаме и Еве» — все это сюжеты, заимствованные из Библии. Некоторые исследователи склонны были думать, что такой подбор репертуара был обусловлен желанием Грегори сделать новую «потеху» царя более приемлемой в глазах духовенства и других блюстителей старины. Но даже беглого знакомства с историей западноевропейского театра достаточно, чтобы убедиться, что пьесы на те же сюжеты ставились на сценах Германии, Австрии, Франции, Голландии, Польши. Авторами их были по большей части педагоги-иезуиты, создававшие на этом материале блестящие спектакли для школьной сцены, но можно назвать и ряд светских драматургов, которые обращаются к тем же сюжетам: таков польский писатель XVI в. Николай Рей, таков голландец Иоост ван ден Вондель, представитель французского классицизма Расин (оба — писатели XVII в.) и др.

Таким образом, приходится признать, что русский театр XVII в. не стоит обособленно, а вливается в общий поток западноевропейской драматургии, занимая в нем свое определенное место. Это до последнего времени мало учитывалось при изучении его репертуара. В то же время детальное сопоставление пьес репертуара Грегори и его преемников с западноевропейскими обработками тех же сюжетов даст возможность разрешить ряд спорных вопросов и уяснить, какое место занимает русский театр XVII в. в общеевропейском литературном процессе и театральной жизни западной Европы.

Мы очень мало знаем богатый репертуар иезуитского театра XVII в. Кроме известной книги В. И. Резанова, у нас нет другого исследования, посвященного данной теме. В то же время одна только история Иосифа в течение XVI—XVII вв. обрабатывалась в пьесу более 40 раз. Детальное изучение этих обработок и знакомство с текстом хотя бы некоторых из них очень многое уяснит в русской пьесе и, возможно, поможет найти образец, по кото-

рому она была сделана, а это, в свою очередь, помогло бы восстановить отсутствующий в русских списках конец пьесы.

То же можно сказать и о «Жалостной комедии об Адаме и Еве». Сопоставляя ее с западноевропейскими обработками того же сюжета, мы убеждаемся, что русская пьеса — интересный и своеобразный вариант этих обработок. Имея много общего, например, с пьесой голландского драматурга Вонделя «Изгнанный Адам», она в то же время более оптимистична. Талантливый автор (видимо, кто-то из русских учеников Грегори) в первых сценах, как и Вондель, следует общепринятому плану, используя тех же действующих лиц и так же детально и тонко развертывая сцену искушения. Но если у Вонделя Адам до конца пьесы остается центральным действующим лицом и пьеса завершается его изгнанием из рая, русский автор в последних сценах передает главную роль искупителю греха Адама — Богу-Сыну. Обратившись к западноевропейским инсценировкам «небесного процесса», он придает всей пьесе иное идейное звучание. Конец пьесы не столь безнадежен, как у Вонделя: он говорит о будущем спасении людей от власти дьявола.

«Малая прохладная комедия об Иосифе» также имеет немало общего с пьесами Вонделя, написанными на этот сюжет. Творчество этого известного голландского драматурга ранее не привлекалось при изучении русского театра XVII в., в то же время оно было хорошо известно на Западе; есть основание предполагать, что с ним был знаком и Грегори, поэтому именно здесь, думается, следует искать те голландские театральные традиции, о которых говорил Курт Гюнтер.

Изучение репертуара русского театра XVII в. параллельно с западноевропейскими обработками тех же сюжетов поможет уяснить некоторые спорные вопросы, связанные как с пьесами, так и с их авторами. Так, сравнительное изучение пьесы Симеона Полоцкого «О царе Навуходоносоре, теле злате и триех отроках, в печи не сожженных», и драмы на ту же тему французского иезуита Н. Коссена с очевидностью доказывает, что если французская пьеса является по своему характеру и приемам типичным произведением стиля «барокко», то пьеса Симеона Полоцкого никакого отношения к этому стилю не имеет. А это в известной степени помогает решить вопрос о том. яв-

ляется ли Симеон Полоцкий представителем «барокко» в русской литературе.

Требует нового подхода и школьная драма XVII в. Здесь придется особое внимание уделить деятельности в этом направлении Ярославской духовной семинарии, где учился первый русский актер Дмитревский, и творчеству автора ряда школьных драм Димитрия Ростовского. Его «Рождественская» и «Успенская» драмы являются едва ли не лучшими образцами такого типа театральных постановок, а пьеса «Грешник кающийся» уводит нас непосредственно к театру Волкова. К сожалению, полный текст этой пьесы до нас не дошел, она известна лишь в перечневом изложении.

Изучение пьес Димитрия Ростовского должно проводиться в связи с прочими творениями талантливого писателя и проповедника. Его «Успенская» драма перекликается с написанной им «Похвалой богородице», а «Грешник кающийся» — с «Исповеданием грехов кающегося». (Последнее творение, возможно, поможет отчасти восстановить утерянный текст пьесы).

Пьесы Димитрия Ростовского интересны еще и потому, что он, как ученик Киево-Могилянской академии, осуществляет живую связь русского школьного театра с театром украинским, перенося в своем творчестве на север его традиции.

Изучение драм Димитрия Ростовского, как и других пьес школьного театра, также должно проводиться в сопоставлении с школьными постановками западноевропейского, и в частности — иезуитского, театра. Как показывает предварительное ознакомление, многое может дать в этом направлении сопоставление со школьным театром Польши XVII в.

Очень большую работу предстоит провести над текстами пьес как придворного, так и школьного театра XVII в. Имеющиеся издания очень несовершенны, неполны, пестрят ошибками и неточностями и не соответствуют современным научным требованиям текстологии. Кроме того, они стали библиографической редкостью и трудно доступны широкому кругу историков русского театра.

Многие пьесы теперь известны не в одном, а в нескольких списках, поэтому издаваться они должны с разночтениями, по наиболее ранним и исправным спискам.

Каждая пьеса должна сопровождаться историко-литературным, историко-театральным и археографическим комментарием, словарем и библиографией. Историко-литературный комментарий должен носить исследовательский характер и помочь установить связи русской драматургии XVII в. как с драматургией западноевропейской, так и с театром славянских народов (Украины, Белоруссии, Польши).

Это мы и попытаемся осуществить в новом издании русской драматургии XVII—начала XVIII в., готовящемся к 300-летнему юбилею русского театра.

А. М. Панченко

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭЗИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Наиболее активный и плодотворный период в исследовании древнерусской поэзии связан с именем академика В. Н. Перетца,[1] труды которого (как и труды участников его семинария) нисколько не устарели и, видимо, долго еще не устареют. Примечательно, что учеником В. Н. Перетца был и покойный И. П. Еремин, крупнейший знаток классической силлабики и автор образцовых работ о Симеоне Полоцком.[2] Этот активный период сменился относительным затишьем. Впрочем, некоторые аспекты темы разрабатывались достаточно энергично. Изрядную долю памятников демократической сатиры, введенных в оборот В. П. Адриановой-Перетц, составляют раешные тексты, которые могут рассматриваться как стихотворные[3] (о природе раешника см. ниже). А. В. Позднеев напечатал монографию[4] и целый ряд статей о песенном творчестве

---

[1] Список работ В. Н. Перетца составлен В. П. Адриановой-Перетц и опубликован в кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.—Л., 1962, стр. 234—253.

[2] См., например: И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 125—153.

[3] Ср.: Демократическая поэзия XVII века. Составители В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев. «Библиотека поэта», Большая серия. М.—Л., 1962.

[4] А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Уч. зап. Моск. заочн. пед. инст., 1958, т. 1, стр. 5—112.

XVII—XVIII вв. В. И. Малышев (и тот же А. В. Позднеев) продолжили начатое еще В. Н. Перетцем изучение так называемых стихов «умиленных» и «покаянных».[5] Стихотворные (силлабические, раешные и тонические) тексты публиковали и медиевисты, для которых интерес к поэзии был факультативным. Возможности в этой области убедительно продемонстрировал т. XXI ТОДРЛ («Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы). Однако нетрудно убедиться, что все эти исследования не выходили за пределы круга проблем, очерченного В. Н. Перетцем и словно обладающего некоей гипнотической силой. Более того, каждая статья В. Н. Перетца представляла собою штрих синтетической картины темы, к чему он и стремился, в то время как бо́льшая часть работ последних десятилетий довлеет себе, не давая импульсов к исследованиям широкого профиля. Поскольку все же сейчас мы наблюдаем прогрессирующий интерес к поэзии Древней Руси, постольку, я думаю, будет небесполезно сформулировать некоторые вопросы, которые кажутся мне первоочередными.

Как известно, в литературоведении господствует тезис о шестивековом самодержавном господстве прозы в русской книжной словесности до XVII столетия, не колебимый ни такими исключительными и, к сожалению, непродуктивными явлениями, как церковнославянская силлабика или записанные в XV в. кирилло-белозерским монахом Ефросином стихотворные тексты, обращавшиеся в устной передаче, ни периодически возобновляющимися поисками заметного слоя метрически организованных памятников — преимущественно в киевскую эпоху. Такие стремления, очевидно, будут жить всегда, так как их возбуждает высказываемое или молчаливое убеждение в том, что отсутствие развитой книжной поэзии нанесло ущерб национальной культуре, снизило ее абсолютную ценность.

[5] См.: В. Н. Перетц. К истории древнерусской лирики («стихи умиленные»). — Slavia, Ročník XI, sešit 3—4, Praha, 1932, стр. 474—479; В. И. Малышев. 1) Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны о пьянстве»). — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 146—148; 2) Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л,. 1958, стр. 371—374; 3) Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 187—191; А. В. Позднеев. Стихи «прибыльные» в списке XVI в. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 309—310.

В этом научно несостоятельном убеждении повинен естественный для русской науки нового времени европоцентризм: если некое явление, свойственное Западной Европе, чуждо Руси, — значит, это еще один признак русской отсталости. Как бы то ни было, тезис о господстве прозы, по всей вероятности, удержится и после доклада К. А. Тарановского на пражском славистическом конгрессе, так как те «запреты», которые он нашел в литургических и иных произведениях древнерусской литературы, вряд ли могут быть сочтены константными, обязательно ориентирующими на систему речи, противопоставленную прозаической. Мне кажется, что если до сих пор развитая книжная поэзия в средневековой Руси не найдена, то она не будет найдена и впредь. В этом убеждает опыт изучения других европейских литератур, который показывает, что различение стиха и прозы вовсе не так сложно, даже если анализируется весьма далекий хронологический литературный отрезок.

Предположим, таким образом, что тезис о господстве прозы останется в силе. В таком случае наша задача — выяснить причины этой ситуации. Древнерусская — как и всякая — словесная культура складывалась из книжности и фольклора. Каждое из этих «слагаемых» удовлетворяло определенному комплексу эстетических потребностей; на Руси поэзия (в частности, лирика) оставалась вне письменности. Сомнительно, чтобы это справедливое общее место помогло решению задачи. Оно лишь варьирует указанный тезис, неизбежно вызывая к жизни вопрос: почему памятники устной поэзии до XVII в. на Руси не записывались, а на Западе записывались? Почему литература вообще не воспользовалась теми видами метрически организованной речи, которые выработал фольклор? Ссылка на христианское неприятие «кощунодейства» недостаточна: в христианских же странах, находившихся под римской юрисдикцией, положение было иным.

Показателен в этом отношении сравнительный обзор славянских литератур. Православно-славянский мир, восточные и южные славяне (за исключением Дубровника, испытавшего итальянское воздействие) создали богатырский эпос и не создали развитой (особенно светской) книжной поэзии. Средневековые Чехия и Польша — первая раньше, вторая позже — узнали светское стихотворство; зато западнославянский устный эпос не может идти

ни в какое сравнение с восточнославянским. Причины этой дисгармонии, очевидно, следует искать в различиях между русским и западноевропейским культурным идеалом, между православием и католичеством, наконец, между русским и западноевропейским литературным бытом.

Анализ тезиса о господстве прозы труден, в частности, потому, что это негативная проблема («почему не было»). Путь, который в настоящих условиях мне представляется единственно плодотворным, — это путь сравнительно исторический, тем более что сам тезис, как я уже говорил, — результат господствующей в нашем литературоведении европоцентрической точки зрения. Здесь я предложу лишь некоторые предварительные соображения, которые, возможно, будут скомпрометированы в процессе детальной разработки темы.

Как культурный феномен богатырский эпос родствен рыцарской поэзии. Аналогий здесь достаточно, вплоть до частных: подобно тому как в Западной Европе сложение и исполнение песен входило в программу воспитания молодого рыцаря, — искусная игра на гуслях в былине вводит Добрыню в круг владимировых богатырей. Но Русь не участвовала в крестовых походах, не соприкасалась с культурой арабского мира, не знала рыцарства, не выработала и не усвоила рыцарского кодекса. В киевскую эпоху, по-видимому, предпосылки для возникновения рыцарства на Руси были, о чем свидетельствует тот же богатырский эпос. «Славы» князьям, о которых пишут летописи, можно рассматривать как устную придворную поэзию; о ней же есть упоминания в «Житии Феодосия» и в «Слове о Никейском соборе» Кирилла Туровского (в последнем случае, впрочем, проповедник мог и не иметь в виду специально русский быт). Боян, автор «Слова о полку Игореве», загадочный Митуса как тип профессионального «песнотворца» напоминают трубадуров. Но эти предпосылки исчезли, не развившись. После татарского нашествия богатырский эпос в основном стабилизировался, не находя новых героев в новых условиях. Он не мог попасть на пергамен и бумагу из-за того, что русские феодальные дворы вряд ли были центрами светской, от церкви автономной, культуры. Но даже если они и выполняли эти функции (о чем, может быть, свидетельствует появление таких памятников, как «Слово о полку Игореве» и «Слово о погибели Русской земли»), то монастыри — главные хранители

книжности — не заботились о сосредоточении продукции таких центров.

Другое соображение касается лирики и любовной темы. Древнерусская литература признавала только семейную, узаконенную любовь, отвергая и любовь-страсть, и идеальное обожание прекрасной дамы. Одну из причин этого, на мой взгляд, следует искать в том, что русская православная доктрина не выработала гипертрофированного культа богоматери, «мадонны» («моей дамы»), который на Западе развивается с конца XI в.; она также не обращала чрезмерного внимания на человеческую ипостась Христа, как это вслед за Бернардом Клервосским делали мистики XII—XIII вв. Православие не знало преклонения перед нежным, слабым, страдающим телом спасителя, которое на Западе породило образ «сладчайшего Иисуса», в женских монастырях давало вспышки плотской любви к Христу, вспышки эротики, родственной эротике демонологии, когда монахини веровали в свою беременность от Христа. Любые вариации этой изощренной духовной лирики были чужды православию.

Разумеется, даже поверхностный обзор предмета подсказывает множество других негативных аналогий: на Руси не было университетов — не могло быть и вагантов, не было бюргерства — и явления, аналогичного мейстерзангу. Все это, видимо, следует учитывать при разработке темы. Те же принципы нужно положить в основу сравнительного анализа русских и византийских культурных тенденций (ведь в Византии стихотворство существовало, хотя и в отличных от Западной Европы формах).

Другие проблемы, встающие перед исследователем древнерусской поэзии, связаны с XVII в. До сих пор пользуется известным авторитетом теория, согласно которой русское стихотворство самопроизвольно родилось из прозы, из рифмованной речи памятников типа «Сказания» Авраамия Палицына.[6] Однако неравносложность так называемого «досиллабического» стихотворства — это не следствие малой упорядоченности только что возникшего якобы стиха, а результат, во-первых, заимствования «относительного силлабизма» с Украины и из Польши и, во-вто-

[6] Критику этой теории см. в статье: А. М. Панченко. Книжная поэзия древней Руси. — В кн.: История русской поэзии, т. I, М.—Л., 1968, стр. 36—39.

рых, влияния раешника, что доказывается анализом рифмовой техники. В связи с этим важно заняться серьезным изучением русского силлабического стиха в том направлении, какое определено, например, В. Е. Холшевниковым.[7]

Вообще силлабическая поэзия — и «досиллабическая», и классическая, «изосиллабическая», — исследована еще недостаточно. Даже из наследия Симеона Полоцкого опубликована малая толика, не говоря о стихотворцах первой половины XVII в., связанных с Печатным двором, о таких крупных именах, как Карион Истомин, Дмитрий Ростовский, о старообрядческом стихотворстве, особенно расцветшем в первой четверти XVIII в. в Выголексинском общежительстве. Работы А. Х. Горфункеля,[8] познакомившие нас с замечательной поэзией Андрея Белобоцкого, — пример того, насколько плодотворными могут быть результаты обследования рукописного материала. Новые изыскания, вне всякого сомнения, введут в историю литературы XVII в. новых стихотворцев.

Наряду с поисками и публикациями текстов следует возродить традицию В. Н. Перетца и заняться синтетическим исследованием силлабической поэзии. Нужно учесть, что с Симеоном Полоцким и его учениками в России появился новый тип профессионального литератора, создалась профессиональная писательская среда. Профессионалы считали своей нравственной положительной задачей создание новой словесной культуры, которая мыслилась ими прежде всего как культура стихотворная. Эта посылка определила многое в их эстетике. Пренебрежение к «простой» вере, включение веры в историю культуры, преклонение перед знанием и отождествление «Слова божьего» и слова как элемента знания, убеждение, что с помощью слова и его комбинаций и «составляющих» — письмен можно выразить многообразие мира, — таковы существен-

---

[7] См.: В. Е. Холшевников. Русская и польская силлабика и силлабо-тоника. — В кн.: Теория стиха. М.—Л., 1968, стр. 24—58.

[8] А. Х. Горфункель. 1) Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 188—213; 2) Неизвестное издание петровской эпохи. — В сб.: «Книга», вып. 6, М., 1962, стр. 123—132; 3) «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого. (Из истории польско-русских литературных связей). — ТОДРЛ, т. XXI (Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы), М.—Л., 1965, стр. 39—64.

ные черты этой эстетики, изучение которой, без сомнения, дополнит картину русской литературы XVII в.

Следующая задача — изучение других поэтических течений этой поры, когда русская словесность распадалась на несколько струй, не смешивавшихся друг с другом. Прежде всего это касается раешника, представленного большим количеством памятников. Вряд ли следует ожидать установления одной точки зрения относительно природы раешника, который интерпретируют либо как рифмованную прозу,[9] либо как разновидность свободного стиха. Это, впрочем, не так и важно. Мы обязаны построить систему сопоставлений и противопоставлений, в которой раешный стих (равно как и тоника «Горя-Злочастия») займет свое место. Тогда мы сможем решить, как он — сравнительно с прозой — ее разновидностями — воспринимался в художественном сознании XVII в.

Е. К. Ромодановская

ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII—НАЧАЛА XVIII в.

Под «областными литературами» привычно понимаются литературы суверенных княжеств периода феодальной раздробленности, противостоящих политике централизации государства. Содержание термина, однако, существенно меняется в XVII в., когда нет и речи о противопоставлении каких-либо земель Москве, олицетворяющей все Русское государство. В эту пору под «областной» литературой следует понимать литературу «местную», т. е. русскую литературу, созданную в данной области, в данной местности. Именно в таком значении мы употребляем термин «сибирская литература».

Изучение сибирской литературы XVII—начала XVIII в. началось относительно недавно. Сибирские летописи исследовались в основном только как историче-

---

[9] См.: Б. И. Ярхо. Рифмованная проза русских интермедий и интерлюдий. — В кн.: Теория стиха. М.—Л., 1968, стр. 229—279.

ский источник.[1] Определенные итоги этого изучения были подведены в издании сибирских летописей Археографической комиссией в 1907 г.[2]

Последующие работы прежде всего расширяли круг известных памятников сибирской литературы. Стали известны Житие Василия Мангазейского,[3] Повесть о городах Таре и Тюмени; [4] Ф. И. Покровским и В. П. Адриановой-Перетц изучались с литературоведческой точки зрения «скаски» сибирских землепроходцев.[5] Расширен был и самый круг сибирских летописей — в первую очередь благодаря работам А. И. Андреева и Н. А. Дворецкой.[6] Наконец, в последние годы были введены в научный оборот сочинения С. У. Ремезова, ранее известного лишь своею летописью,[7] и сибирские сказания о чудотворных иконах.[8]

Наряду с расширением репертуара сибирских памятников происходило уточнение их роли в местном литера-

---

[1] Обзор литературы о сибирских летописях см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. М.—Л., 1960; В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.

[2] Сибирские летописи. СПб., 1907.

[3] С. В. Бахрушин. Легенда о Василии Мангазейском. — В кн.: Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 331—354.

[4] М. Н. Сперанский. Повесть о городах Таре и Тюмени. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Л., 1932, стр. 13—32.

[5] Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 4, СПб., 1913, стр. 257—304; В. П. Адрианова-Перетц. Путешествия первой половины XVII в. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 118—126.

[6] А. И. Андреев: 1) Очерки по источниковедению...; 2) Черепановская летопись. — Исторические записки, т. 13, М., 1942, стр. 308—323; Н. А. Дворецкая. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 467—482.

[7] Е. И. Дергачева-Скоп: 1) Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; 2) «Похвала» Сибири С. У. Ремезова. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 266—274.

[8] Е. К. Ромодановская. Сибирские повести об иконах (XVII—начало XVIII в.). — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма, вып. 3 (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, стр. 82—96.

турном процессе, а также их взаимоотношений и взаимосвязей с современными им памятниками русской литературы. Так, в работе Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» сибирские летописи XVII в. впервые были введены в круг общерусского летописания,[9] а исследованиями С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, Н. А. Дворецкой, Е. И. Дергачевой-Скоп многое было уточнено в схеме собственно сибирского летописания.[10]

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что литературное творчество сибиряков не ограничивалось только летописанием, а тематически — историей покорения Сибири, как это представлялось раньше; разнообразие тем и жанров позволяет говорить о существовании сибирской литературы уже с первой половины XVII в.

Наиболее интересной проблемой изучения сибирской литературы XVII—начала XVIII в. является вопрос о возникновении и об истоках местной литературной традиции; его решение относительно легче, чем в других областных литературах, благодаря позднему возникновению местного литературного творчества. С этой проблемой неразрывно связана другая — проблема взаимосвязей сибирской и общерусской литературных традиций, поскольку местное творчество постоянно опирается на прочно сложившиеся литературные вкусы и понятия своего времени.

Русская литература в Сибири появляется вместе с первыми переселенцами.[11] Промышленные люди, стремящиеся в Сибирь за пушниной, крестьяне, уходящие от гнета эксплуатации и от духовного контроля со стороны церкви, наконец ссыльные, которые появляются здесь с первых лет завоевания Сибири, — многие из них везли с собой наиболее читаемые и ценимые книги. Пропаган-

---

[9] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 391—418.

[10] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — В кн.: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 17—71; А. И. Андреев. Очерки по источниковедению...; Н. А. Дворецкая. Археографический обзор...; Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири...

[11] С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в XVII веке. — В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 85—92.

дой определенного круга литературы занималась и сибирская церковь: по заказам тобольских архиепископов отправлялись в Сибирь богослужебные и четьи книги, купленные Сибирским приказом в «книжном» и «овощном» рядах в Москве или непосредственно на Печатном дворе.[12]

Заселение Сибири выходцами из разных мест России должно было привести к смешиванию на новом месте различных литературных вкусов, к неожиданным и несоединимым на первый взгляд сочетаниям. Однако уже в самом отборе читаемой в Сибири литературы можно выделить несколько основных направлений, четко прослеживаемых на протяжении длительного периода и находящих объяснение прежде всего в особенностях сибирской истории.

В течение XVII в. основное место среди русской литературы в Сибири занимают произведения севернорусской литературной традиции. Это наиболее ярко обнаруживается на примере агиографической литературы. Если рассмотреть общую массу бытующих в Сибири русских житий, то делается совершенно ясно, что в ней преобладают биографии подвижников Северного края — Иоанна Новгородского, Варлаама Хутынского, Антония Сийского, Зосимы и Савватия Соловецких, Прокопия Устюжского; чрезвычайно популярно в Сибири «Житие Стефана Пермского», по-видимому потому, что описание деятельности святого в необжитой стране, среди иноязычных и инаковерующих народов соответствовало той обстановке, которая окружала недавних переселенцев. Среди сказаний о чудесах икон также преобладают произведения северной традиции — наиболее распространены повести о знамении Новгородской иконы богородицы и о Тихвинской иконе.[13]

Объяснение этому явлению надо искать прежде всего в происхождении основной массы местного населения. Исследователи Сибири сходятся во мнении, что в XVII в. бóльшую часть переселенцев составляли выходцы из по-

---

[12] Н. Н. Оглоблин. Из архивных мелочей XVII в. — Библиограф, М., 1890, № 2, 5—6.

[13] См. подробнее: Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур. — В сб.: Исследования по языку и фольклору, вып. 1, Новосибирск, 1965, стр. 223—254.

морских и северных уездов России. Это обусловило многие особенности различных сторон сибирской жизни — сибирских диалектов, фольклора, организации местных промыслов, архитектуры и т. п.[14] Те же причины определили и отбор русских агиографических памятников. Немалую роль в утверждении северной литературной традиции сыграло и то, что почти все сибирские архиепископы XVII в. происходили из Новгорода или его епархии и на новом месте пропагандировали известные им сочинения и продолжали привычную литературную деятельность. Например, сохранилось несколько списков Жития Варлаама Хутынского, переписанных — явно для распространения — по указанию тобольского митрополита Корнилия, в прошлом — архимандрита Новгородского Хутынского монастыря; тот же Корнилий, известный позднее как один из активных организаторов новгородского летописания (при нем была составлена Новгородская Забелинская летопись[15]), участвовал в создании рассказов о чудесах Абалацкой иконы богородицы.

Влияние северной агиографической традиции сказывается в Сибири не только в отборе читаемых памятников, но и — самое главное — в характере местного творчества. Сами «действующие лица» сибирских сказаний о чудесах связаны со святынями северных районов России: Новгородская икона Знамения «является» в селе Абалак близ Тобольска, получая название Абалацкой; Филипп митрополит, особо почитаемый в Соловках, предсказывает явление Казанской иконы богородицы в Тобольске; особая повесть посвящена явлению псковских святых Довмонта и Всеволода даурским казакам. Помимо

---

[14] См.: П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 1. СПб., 1886; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1946; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964; А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. — Изв. Инст. исследования Сибири, вып. 6, № 1, Томск, 1921; А. И. Федоров. О словаре говоров Сибири. — Изв. Сибирск. отдел. АН СССР, сер. обществ. наук, Новосибирск. 1966, № 5, вып. 2; М. К. Азадовский. Эпическая традиция в Сибири. Чита, 1921; Я. Р. Кошелев. Вопросы русского фольклора Сибири. Томск, 1963, и др.

[15] С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 68, 74—75.

такой внешней связи, жития сибирских святых (Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского) строятся по тому же типу, что и севернорусские жития: в них фактически отсутствует собственно «житие», т. е. связная биография святого, и все произведение состоит из рассказов об отдельных его чудесах; даже факты биографии подвижника, основанной на местной легенде, и его имя делаются известны лишь благодаря его чудесам и «явлениям».

В начале XVIII в., когда на смену митрополитам-новгородцам приходят украинцы (Филофей Лещинский, Иоанн Максимович, Антоний Стаховский и др.), в Сибири заметно усиливается влияние западнорусской и украинской культурной и литературной традиций. Широко распространяются сочинения украинских писателей и публицистов (Захария Копыстенского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича); украинское влияние сказывается и в организации театра при Тобольском архиерейском доме (1705 г.), и в постановке филологического образования во вновь открываемых школах и семинариях.

Знакомство с западнорусской литературной традицией можно отметить в Сибири и в XVII в.: она появляется здесь вместе со ссыльными «литвой» и «черкасами». Так, в 1649 г. красноярский воевода М. Дурново доносил в Москву о появлении нового «еретика» — сына боярского Елизарея Розинкова, который «чернил псалтырь» московской печати и «приписывал» к ней «с литовские псалтыри», поскольку московская была «в речах не исполнена».[16] Но если в XVII в. такие случаи единичны, то в начале XVIII в. чтение и распространение украинской литературы в Сибири никого не удивляет, прежде всего потому, что резко увеличивается приток украинцев в Сибирь — со свитой вновь прибывающих митрополитов, в качестве учителей вновь открываемых школ, среди ссыльных — особенно после измены Мазепы.

Украинское влияние в начале XVIII в. не сменяет влияния северной литературной традиции, а дополняет его и сопутствует ему. Две литературных традиции сосуществуют рядом, иногда очень своеобразно воздействуя

---

[16] Н. Н. Оглоблин. Бытовые черты XVII века. (XV. Вольный справщик церковных книг. 1649 г.). — Русская старина, 1892, № 3, стр. 682.

на местное творчество; знакомство с обеими, например, можно отметить в произведениях С. У. Ремезова.

Итак, русская литература явилась основой для создания местной литературной традиции. В какой степени новейшие течения общерусской литературной жизни находят отражение в собственно сибирском творчестве?

Сибиряки знали многие произведения современной им литературы XVII в. Почти сразу после своего выхода в свет — с интервалом от года до пяти лет — здесь появляются печатные книги («Синопсис» И. Гизеля, сочинения Симеона Полоцкого). Не менее быстро знакомятся в Сибири и с рукописными памятниками — Азовскими повестями, «Скифской историей» А. Лызлова, сочинениями Арсения Суханова и Николая Спафария. Однако, если судить по количеству дошедших до нас списков, наибольшей популярностью в Сибири пользовались произведения более раннего периода — хронографы, хождения, космографии, житийная литература, т. е. памятники, утвержденные многолетней (если не многовековой) традицией. Происходит отбор литературы, соответствующей установившимся читательским вкусам; даже из вновь создаваемых произведений (если внимательно приглядеться) выбираются те, которые не противоречат этой традиции: так, например, из всех сочинений Симеона Полоцкого в Сибири прежде всего узнают его церковные проповеди.

Ориентация на более древние памятники нашла отражение и в собственно сибирском творчестве. Общей особенностью сибирской литературы на начальных этапах ее развития является типологическая близость памятников к произведениям не современной им, а гораздо более ранней литературы. Так, в сибирских сказаниях об иконах частично возрождается публицистичность и политическая заостренность легендарно-политических сказаний XIV—XV вв. Так, в Повести о явлении Казанской иконы богородицы в Тобольске нашла отражение борьба местных правящих партий, что явилось причиной существования двух редакций повести: самое «явление», по-видимому, было организовано партией тобольского воеводы И. А. Хилкова в период борьбы с архиепископом Симеоном из-за пределов светской и духовной власти; точка зрения воеводы нашла отражение в I редакции сказания, а в дальнейшем, при участии архиепископа Симеона, была

создана II редакция сказания, значительно отличающаяся от первоначального текста.

Наиболее ярким примером типологической близости к ранним памятникам русской литературы является Есиповская летопись. Ее сходство с ранним русским летописанием сказывается в общих принципах отбора и изложения материала: Есиповская летопись создается как история страны, при строго хронологическом принципе изложения событий; автор ее не изменяет «неподходящие» для него факты источников, подгоняя их под свою концепцию, а оставляет их за пределами повествования. Понимание исторического процесса, «философия истории» у Саввы Есипова характеризуется провиденциальной точкой зрения на события; при этом распространение христианства он представляет одним из основных аспектов государственной политики, поскольку история страны понимается им как история политическая. Наконец, Есиповская летопись в дальнейшем служит основой для составления местной, собственно сибирской истории. Именно так, на наш взгляд, могла появиться Есиповская летопись распространенной редакции: она создавалась как летописный свод, по принципу летописных сводов Древней Руси. Ее составитель добавил в текст Есиповской летописи основной редакции найденные им рассказы о разбойничестве Ермака (не заметив, что тем самым нарушает композиционную стройность произведения) и продолжил ее сведениями о дальнейшей истории Сибири. В рукописях это продолжение (основную часть которого составляет «Описание о городах и острогах Сибири») захватывает и первую половину XVIII в.

Принципы составления летописных сводов сохраняются в Сибири вплоть до 60-х годов XVIII в. Последним крупным сводом в сибирском летописании была Черепановская летопись, составленная тобольским ямщиком И. Черепановым. В качестве источников ее автор использовал не только старые сибирские летописи, но и работы историков XVIII в. — в первую очередь труды Г. Ф. Миллера. Черепановская летопись, таким образом, стоит на грани старого сибирского летописания и новой историографии Сибири.

60-е годы XVIII в. являются переломным моментом в истории сибирской литературы, ограничивая хронологически период древнерусской литературы в Сибири. В этот

период здесь появляются как произведения переходного типа (например, уже упоминавшаяся Черепановская летопись), так и памятники, характерные для литературы нового времени (публицистические сочинения, сатирические стихи, перекликающиеся с сатирами М. В. Ломоносова,[17] и т. п.).

Традиционность и отставание местных литературных вкусов можно объяснить в первую очередь социальным составом сибирского населения. Как известно, Сибирь почти не знала дворянства, за исключением ссыльных и административных лиц, приезжавших на временную службу (воеводы). Вследствие этого в Сибири, по сравнению с европейской Россией, гораздо сильнее оказался контроль церкви: духовенство в Сибири занимает руководящее положение в общественной жизни, не уступая его почти до самого конца XVIII в., в то время как в центре страны политическое и культурное развитие общества давно уже определяется дворянством. Основные же классы и сословия сибирского населения (крестьянство, казачество, купечество), как и вообще в России, с одной стороны — наиболее традиционны в своих взглядах и литературных вкусах, с другой — не в силах противостоять духовенству в качестве создателей новой идеологии; их несогласие с официальными мнениями и даже социальный протест все еще продолжают выражаться в форме религиозных движений. В Сибири конца XVII—XVIII в. чрезвычайно широко распространен раскол, и характерная для старообрядчества ориентация на древние образцы также задерживает развитие сибирской литературы.

Однако, говоря о задержке в развитии местного литературного процесса и о типологической близости сибирских памятников к сочинениям более ранних периодов истории русской литературы, мы никак не хотели бы представить Сибирь неким заповедником, музейным уголком, обитатели которого стремятся сохранить в неприкосновенности идеи и образы старой русской литературы. Отставая в каких-то элементах от общерусского уровня, повторяя в новой обстановке давно пройденные

---

[17] Е. К. Ромодановская. Новые материалы по истории сибирской литературы XVIII в. — В сб.: Экономика, управление и культура Сибири XVII—XIX вв., Новосибирск, 1965, стр. 304—310.

русской литературой ступени развития, сибирская литература в других своих частях оказывается на уровне самых передовых идей своего времени. В работе о С. У. Ремезове, видном сибирском ученом и писателе конца XVII—начала XVIII в., Е. И. Дергачевой-Скоп удалось показать развитие просветительства в Сибири этого времени. Впервые установив непосредственное влияние идей Ю. Крижанича, отбывавшего ссылку в Тобольске, на взгляды и творчество С. У. Ремезова, Е. И. Дергачева-Скоп показала развитие С. У. Ремезовым этих идей и смогла поставить его в один ряд с такими представителями раннего русского просветительства, как Симеон Полоцкий, Карион Истомин, Феофан Прокопович.[18] Очень вероятно, что С. У. Ремезов был не единственным представителем сибирского просветительства. Эта проблема заслуживает своего дальнейшего исследования. Пока можно только предположить, что именно в этой области особую роль играли политические ссыльные (как это выясняется теперь на примере Ю. Крижанича) и, возможно, те немногие представители образованного дворянства, которые приезжали в Сибирь на временную службу.

Таким образом, сибирская литература XVII—начала XVIII в. теснейшим образом связана с общерусскими литературными традициями, из которых она отбирает то, что наиболее соответствует ее уровню и вкусам ее читателей. Развитие сибирской литературы этого периода протекает неравномерно. В период своего зарождения она как бы повторяет по-новому многие ступени, уже пройденные общерусской литературой в ее развитии, и, несмотря на богатство общерусских литературных традиций, начинает свой путь почти с азов. В то же время очень скоро, как это видно на примере С. У. Ремезова, представители местной сибирской литературы оказываются на уровне самых передовых идей своего времени.

В этой связи заслуживает детальнейшего рассмотрения вопрос о типологической общности различных литератур на определенной стадии их развития. Этот вопрос уже ставился в нашем литературоведении на примере взаимодействия иноязычных литератур — например, работы И. П. Еремина и Д. С. Лихачева о взаимодействии

---

[18] Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири. . ., стр. 3—90.

византийской и русской литератур,[19] Г. Д. Гачева — русской и болгарской литератур.[20] Значительный материал для его решения должны также дать наблюдения над соотношением областных и общерусской литературы.

Е. Э. Гранстрем

ВИЗАНТИЙСКОЕ РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Исследования древней славяно-русской переводной литературы издавна привлекают внимание русской филологической науки, будучи как бы традиционной темой в изучении древней письменности.

Одним из важнейших разделов этой обширной темы является библиографирование переводных текстов, их учет и выявление греческих оригиналов,[1] использованных древними переводчиками.

О необходимости библиографических работ для изучения славяно-русской переводной литературы неоднократно писал Н. А. Мещерский, чьи работы по интересующей нас теме являются в настоящее время ведущими.[2]

---

[19] И. П. Еремин. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах XI—XII вв. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1966, стр. 9—17; Д. С. Лихачев. Древнеславянские литературы как система. — В сб.: Славянские литературы, VI международный съезд славистов (Прага, август 1968), Доклады советской делегации, М., 1968, стр. 7—28.

[20] Г. Д. Гачев. Ускоренное развитие литературы. (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964.

[1] Термин «оригинал» для определения переводимого на другой язык текста можно считать принятым в научной литературе, почему я и принимаю его, хотя в отношении древних переводов этот термин иногда следовало бы заменять словами «источник» или «параллель». См.: Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, гл. IX; также см. сб.: Теория и критика перевода, под ред. Б. А. Ларина, Л., 1962, passim. Среди древних переводных произведений имеется большое число славяно-русских компиляций и переделок греческих текстов; очень велико число псевдопереводных произведений. В предлагаемой работе виды переводных произведений не дифференцируются.

[2] См., например, следующие работы: Н. А. Мещерский. 1) О синтаксисе древних славяно-русских произведений. — В сб.:

Изучение переводных произведений ведется разными путями: в одних случаях предметом изучения служит перевод какого-либо одного текста или группы однородных текстов, в других устанавливаются греческие оригиналы для текстов, описываемых в составе рукописей какого-либо одного собрания.

Исследования отдельных переводных текстов, при всей их важности, не могут дать конкретных сведений о месте, занимаемом переводными произведениями в древней письменности, о преобладании переводов в каких-либо определенных рукописях, о том, как рано и в каких именно памятниках славяно-русские сочинения вытесняют переводные.[3] Лишь возрождение старой традиции русской археографической науки — описание рукописей с указанием греческих источников для переводов — даст возможность выявить и четко отделить переводы от псевдопереводных текстов, от компиляций и переделок греческих авторов. Тем самым будут введены в научный оборот новые славяно-русские произведения, станет доступным своеобразный и почти неисследованный раздел средневековой письменности — переделки и компиляции на основе греческих текстов.[4]

Теория и критика перевода, под ред. Б. А. Ларина, Л., 1962, стр. 83—103; 2) Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 180—231. Этой же теме уделяет значительное внимание В. Д. Кузьмина, см., например, ее статью: Проблемы изучения переводной литературы Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 13—20.

[3] И. П. Еремин говорит по этому поводу, что среди произведений, подписанных именем Кирилла, «таятся подлинные произведения Кирилла Туровского. Но, чтобы обнаружить эти произведения, необходимы еще длительные специальные библиографические разыскания». То же И. П. Еремин отмечает и касательно гимнографического творчества Кирилла Туровского: «Вопрос о количестве молитв, принадлежащих Кириллу, неотделим от вопроса о том, когда и при каких обстоятельствах они были включены в те или иные сборники молитвословий, какова была история этих сборников, рукописных и старопечатных». См.: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, М.—Л., стр. 364, 366.

[4] См.: А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. I—IV. Казань, 1889—1890, тут выявлено 46 псевдо-переводных сочинений, из них Иоанну Златоусту приписано 22, Ефрему Сирину — 7, Григорию Богослову и Василию Великому по 8, Афанасию Александрийскому — 1.

Пока работа по изучению переводных памятников не примет сколько-нибудь систематического характера, рассуждения о связи славяно-русской письменности с византийской письменностью в значительной мере остаются общей фразой, не подкрепляемой тщательно собранными материалами.[5]

Предвижу возражение, что при определении греческих оригиналов непреодолимым препятствием во многих случаях окажется незнание греческого языка и византийской письменности для многих лиц, занятых описанием рукописей.

Возражение это верно лишь в известной мере.

Для исследования отдельных переводных текстов, рассмотрения качества переводов, их стиля, грамматического строя и т. п. без знания греческого языка обойтись нельзя.

Но для определения содержания текстов, для установления тождества сюжетов в переводном и оригинальном произведении, для осведомления в литературе вопроса можно и должно обращаться к тому, что уже было сделано русской филологией для изучения переводных с греческого памятников.[6] Особенно обширный материал по этому вопросу содержится в некоторых печатных описаниях рукописных собраний, например в описаниях Синодальной библиотеки или Соловецкой библиотеки, авторы которых систематически проводили сличение переводных русских текстов с их греческими оригиналами (по печатным изданиям последних).[7] Естественно, что для этого

---

[5] О необходимости исследований богослужебных текстов см., например, в статье: Н. А. Мещерский. Проблемы изучения..., стр. 223.

[6] Вполне соглашаюсь с мнением Д. С. Лихачева о том, что «занятия не по специальности крайне вредны в науке» (Текстология, стр. 414); ниже пойдет речь не о «занятиях не по специальности», а об умении использовать опыт по изучению славяно-русской переводной литературы, накопленный русской (преимущественно дореволюционной) филологией, опыт, который отчасти забыт и привлекается современной филологией недостаточно, а также об умении обращаться к византиноведческой литературе, ежели в этом будет необходимость.

[7] См., например: А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, I—VI. М., 1855—1917; И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский и Н. Ф. Красносельцев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Ка-

вида работы требовалось не только знание греческого языка, но и начитанность в византийской письменности, достаточное знакомство с византийскими авторами. В этом отношении филологи XIX в. находились в несравненно более трудном положении, чем современные исследователи.

В наше время лишь немногие могут одинаково свободно обращаться и к славяно-русской, и к византийской письменности. Причина тут заключается не столько в недостатках образования (как может показаться на первый взгляд), сколько в том, что современной науке вообще свойственна более узкая специализация, чем это было раньше. Если в XIX в. возможность ориентироваться в средневековой греческой письменности зависела прежде всего от начитанности каждого ученого, то нынче создана обширная византиноведческая литература, существуют прекрасные справочники, десятилетиями ведется текущая библиография.[8] Существуют руководства по византийской и новогреческой литературе,[9] справочники по агиографии,[10] по гимнографии.[11] Для ознакомления с составом византийских сборников типа четий-миней и прологов весьма полезен труд А. Эрхарда,[12] посвященный учительной литературе; к сожалению, в этом огромном издании

занской духовной академии, ч. I—III. Казань, 1881—1896. См. также: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. I—III. СПб., 1905—1910, passim; Н. П. Попов. Рукописи Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. I. Новоспасское собрание. М., 1905, passim.

[8] О современных instrumenta studiorum для византиноведения см., например: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. 1. 2. Aufl. Berlin, 1958; Einleitung; а также текущую библиографию в журналах «Byzantinoslavica» (Прага), «Byzantinische Zeitschrift» (Мюнхен) и др.

[9] K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959; B. Knös. L'histoire de la littérature néogrecque. La période jusqu'en, 1821. Uppsala, 1962.

[10] Bibliotheca hagiographica graeca, I—III. Bruxelles, 1957 (Subsidia hagiographica, № 8a); Сергий, архим. Полный Месяцеслов Востока, тт. 1—2, 2-е изд. Владимир, 1901.

[11] E. Wellesz. A History of Byzantine Music and Hymnography. 2-nd ed. Oxford, 1961; H. Follieri. Initia hymnorum ecclesiae graecae, vol. I—IV. Città del Vaticano, 1960—1963. Studi e Testi, 211—214; vol. V (готовится к печати).

[12] A. Ehrhard. Ueberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. Leipzig, 1937—1952.

нет указателя, так как автор умер, не успев закончить свою работу.

Патристической литературе посвящены новые книги И. Квостина и О. Барденхевера.[13]

Огромная работа по изучению патристики и памятников византийской литературы была в свое время проделана русскими учеными. На русском языке были напечатаны сочинения важнейших византийских авторов, благодаря чему обращаться к этим сочинениям можно и не зная греческого языка. Изданы в русских переводах также многие памятники византийского права,[14] деяния вселенских и поместных соборов с толкованиями[15] и другие источники.

Кроме печатных изданий византийских текстов, важным условием, облегчающим знакомство с византийской письменностью, является наличие печатных каталогов на бóльшую часть существующих собраний греческих рукописей. Для правильной оценки судьбы отдельных памятников и роли, выполнявшейся ими в свое время, для понимания связи и зависимости между памятниками нужно представить себе число списков изучаемого текста, степень его популярности в ту или иную эпоху. Для этого используются печатные каталоги рукописных собраний. В настоящее время с мировым фондом греческих рукописей можно ознакомиться через посредство превосходного справочника французского эллиниста Марселя Ришара, в котором собраны сведения о всех (больших и малых) собраниях греческих рукописей с указанием печатных описаний для каждого собрания.[16]

---

[13] Jo. Quasten. Patrology, I—III. Westminster, Maryland, 1960—1962; O. Bardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Literatur, I—V. Freiburg, 1913—1932.

[14] Например: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965; Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленное и обработанное смиреннейшим иеромонахом Матфеем, или Алфавитиая Синтагма Матфея Властаря. Перевод с греческого Н. Ильинского. Симферополь, 1901.

[15] Правила св. апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. отец с толкованиями, вып. 2—6. М., 1875—1888 (с указателями предметов). — Чтения Общества любителей духовного просвещения за 1875—1888 гг.

[16] M. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 2me éd. Paris, 1958 (Centre National de la recher-

Насколько необходимо при изучении древних славяно-русских памятников обращаться к византийским рукописным собраниям, можно показать на множестве примеров, из которых я остановлюсь лишь на двух или трех.

1. В свое время Н. К. Никольский указал на сборник X в. Национальной библиотеки в Париже[17] как на оригинал Изборника 1073 г. Действительно, содержание обеих рукописей совпадает почти полностью. Однако нельзя считать именно Парижский кодекс оригиналом Изборника, так как известны и другие греческие списки сборника того же состава. Один из них (X в.) хранится в Ватикане,[18] другой — в афонских монастырях и датируется XV веком. Таким образом, сборники этого рода с мало изменявшимся составом статей были распространены в греческой и русской письменности на протяжении длительного времени. Это обстоятельство наряду с характером заключающихся в этих сборниках статей наводит на мысль о их учебном назначении и использовании.

2. Сборники устойчивого (стабильного) и меняющегося (нестабильного) состава, переведенные с греческого языка, имели разную судьбу в славяно-русской письменности. Сборников устойчивого состава известно немного (списков их мало); это — сборники, содержащие беседы Иоанна Златоуста («Андриантис»), и 13, 14 или 16 слов Григория Богослова. Беседы Иоанна Златоуста, представителя так называемого «нравственного богословия»,

---

che scientifique. Publications de l'Institut de recherche et d'histoire des textes, I). Напомню, что печатные каталоги греческих рукописей издаются обычно не на греческом языке, а на языках, пользующихся латинским алфавитом, поэтому обращаться к этому виду справочников можно и не зная греческого алфавита.

[17] Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906, стр. 19—21, 481—484. Н. К. Никольский указывает 16 списков XI—XVIII вв. Описание Парижского кодекса см.: R. Devreesse. Le Fonds Coislin. Paris, 1945, pp. 109—111, № 120 (Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs, II).

[18] Описание Ватиканского кодекса см.: Bibliothecae Apostolicae Vaticanae codices manuscripti recensiti jussu Pii XI Pontificis Maximi, Praeside Jo. Mercati S. Georgii in Velabro Card. Diacono, S. R. E. Bibliothecario et Scriniario. Codices Vaticani graeci. II. Codices 330—603 recensuit R. Devreesse. Vatican, 1937, pp. 138—141, № 423. Описание Афонского списка см.: Sp. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. I. Cambridge, 1895, p. 364, № 3749, XV в. (1492 г.?).

были составлены им после восстания в Антиохии в 387 г.; главная мысль этих бесед — подчиняйся власть имущим — соответствовала задачам церкви в начальном периоде ее истории, и, очевидно, с целью воспитания народа в желательном направлении этот сборник и был переведен.[19]

13, 14 или 16 слов Григория Богослова, представителя так наз. догматического богословия, разъясняли и излагали основные догматы христианской религии, а потому были также необходимы русскому духовенству для пропаганды этих догматов. Оба сборника сохранялись почти без изменений долгое время; в их состав не включались никакие русские сочинения, не допускалась переделка входивших в эти сборники статей.

Иное дело — сборники нестабильного состава, в которые с самого начала проникают русские переделки, компиляции, псевдопереводные сочинения. Эти сборники не рассматривались, подобно первым, как писания св. отцов, которые нельзя изменять по своему усмотрению. Анализ переводных статей в сборниках переменного состава показывает, что их составители и переписчики мало заботились о соблюдении порядка статей, легко заменяли одни статьи другими.[20]

* *
*

Подведем итоги.

В послереволюционные годы сложилась как бы привычка или традиция, согласно которой считается, что византийская письменность в смысле возможностей ее изучения отделена от древней славяно-русской письменности глухой стеной незнания языка и византийской специфики. Привычка эта успешно преодолена в ряде работ советских исследователей — Л. П. Жуковской, изучающей состав древнерусских евангелий, — апракос в сравнении

---

[19] Об Иоанне Златоусте и его взглядах см.: Г. Л. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. — В кн.: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, II. М.—Л., 1958, стр. 80—106.

[20] Показателен в этом смысле Изборник 1076 г., соотношение статей которого с греческими текстами исследовано В. Ф. Дубровиной. См.: Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965, стр. 703—824. О составе четьих сборников (т. е. сборников нестабильного состава) см. выше, в статье Р. П. Дмитриевой.

с греческими апракосами;[21] Л. С. Ковтун, в ее исследовании по русской лексикографии эпохи средневековья; [22] М. А. Салминой, в ее небольшой статье о слове «Ентинарий».[23] Однако обращаться к византийской письменности, к греческим оригиналам переводных текстов следует чаще, пользуясь русскими переводами в изданиях XIX в., описаниями рукописных собраний, словом — всеми достижениями русской филологической науки, касающимися интересующей нас тематики. Повторяю, только путем такого развернутого исследования переводных текстов может быть установлено реальное соотношение оригинальных славяно-русских памятников с памятниками переводными.

Л. В. Тиганова

ПОДГОТОВКА КАТАЛОГА-СПРАВОЧНИКА РУССКО-СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

(Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина)

В отделе рукописей ГБЛ, как и в некоторых других больших книгохранилищах, работа над описанием рукописных книг, к сожалению, еще не завершена. Насущная задача отделов рукописей — дать исчерпывающую информацию о содержании своих фондов, ибо, только располагая всей совокупностью списков тех или иных произведений, можно вести подлинно научную текстологическую работу. В результате просмотра всех рукописных фондов

[21] См., например, последнюю ее работу на эту тему: Некоторые данные о группировке славянских рукописей полного апракоса XII—XIV вв. — Палестинский сборник, вып. 17 (80), История и филология стран Ближнего Востока в древности и средневековье, Л., 1967, стр. 176—183. Тут же указаны другие работы Л. П. Жуковской на эту тему.

[22] Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.

[23] М. А. Салмина. «Енгинарий» в «Повести о зачале Москвы». — ТОДРЛ, XV, М.—Л., 1958, стр. 362—363. Число подобных примеров можно увеличить.

обогатился бы и репертуар древнерусской литературы. Однако составление научных описаний рукописей с перечнем всех статей сборников, с установлением редакций и т. п. требует длительной работы в течение многих лет. Отдел рукописей ГБЛ решил пойти на временную меру (не отказываясь от подробных научных описаний в будущем) — создание справочника-указателя (в нескольких томах) по всем 65 собраниям русско-славянских рукописей.[1]

В отличие от путеводителей и обзоров фондов, где перечисляются лишь отдельные значительные рукописи, справочник должен полно отразить состав этих собраний. В нем будут помещены названия всех рукописных книг и (в едином с ними алфавитном ряду) названия отдельных статей сборников — произведений повествовательных, исторических, житий русских и славянских святых, апокрифов, слов, поучений и посланий русских и славянских авторов, богослужебных статей, связанных с именами русских и славянских святых. К сожалению, не будут включены анонимные слова и поучения или такие, например, которые встречаются под именем Иоанна Златоуста, но принадлежат неустановленным русским авторам.

Следует заметить, что и при неполном раскрытии содержания сборников исследователь получит определенный ориентир для поисков, поскольку наличие в справочнике названия каждой рукописной книги поможет выявить круг материалов (в свою очередь, ограниченный хронологическими рамками), необходимый для просмотра: сборники слов, сборники слов и житий, сборники повестей, сборники посланий, сборники более или менее постоянного состава — златоусты, маргариты, измарагды и др.

Справочник будет состоять главным образом из системы указателей-каталогов и, помимо указателя названий, содержать указатели имен, географический (в которых будут сведены воедино извлеченные из заглавий и записей на рукописях имена авторов, писцов, владельцев, вкладчиков, названия монастырей, церквей и пр.), хронологический, указатели изводов и особенностей худо-

---

[1] С включением иностранных рукописей, имеющихся в этих собраниях.

жественного оформления рукописей (последнее, вероятно, отдельным томом). Составной частью книги явятся также краткие обзоры собраний с историческими справками о каждом из них.

Для создания такого 3—4-томного справочника необходимо было описать 32 собрания рукописей, имевших лишь кратчайшие инвентарные описи (в их числе такие большие собрания, как Музейное, Егорова, Барсова, Рогожского кладбища, комплекс собраний Московской духовной академии[2] и др.).

Кроме того, уже в процессе работы выяснилось, что собрания, имеющие печатные описания (Троице-Сергиевой лавры, Тихонравова, Григоровича, Севастьянова, Большакова и др.) также требуют дополнительного просмотра, так как даже в тех описаниях, где подробно расписано содержание рукописи, опускались все же важные в научном отношении статьи. Например, в описании рукописи первой трети XV в. № 121 из Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I) не указан помещенный на лл. 3 об.— 4 об. отрывок Послания Евфимия Тырновского Киприану, будущему митрополиту Киевскому и всея Руси; в довольно известном сборнике № 805 из того же собрания указан Краткий новгородский летописец, но не отмечено присутствие в нем Сказания об Александре Поповиче.[3] Кстати, рукопись № 805 датирована в описании XVII в., хотя в действительности она XVI в. Неточности в датировке наблюдаются и в других печатных описаниях (особенно это касается южнославянских рукописей). Как правило, в печатных описаниях не отмечался извод рукописей, даже древних.

Потребовало доработки и фундаментальное собрание Московской духовной академии (ф. 173.I), печатное опи-

---

[2] Рукописи, принадлежавшие Московской духовной академии, распределяются по четырем собраниям: Рукописи фундаментальной библиотеки (шифр ГБЛ-МДА-I), Рукописи дополнительной библиотеки (МДА-II), Собрание «по временному каталогу» (МДА-III) и Собрание прочих рукописей, имеющих только штамп МДА (МДА-IV). Названия первых трех даны в МДА, последнего — в ГБЛ (ф. 173. I—IV). Печатное описание имеется лишь на первое — см.: Леонид, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году. М., 1887.

[3] См.: Б. М. Клосс. Новый памятник русского эпоса в записи XVI века. — История СССР, № 3, 1968, стр. 151—157.

сание которого составлено было Леонидом не на все 236 рукописей, а с пропусками (отсутствуют 72 описания), о чем не всегда знают те, кто работает с этим собранием, так как описания там расположены в систематическом порядке и пропуск номеров не сразу обнаруживается. Бо́льшая часть этих рукописей относится к XVII—XVIII вв., но и среди них есть рукописи, заслуживающие внимания, например список 1693 г. «Гражданства обычаев детских» Эразма Роттердамского (№ 108), Сатиры Антиоха Кантемира в списке середины XVIII в. (№ 229) и др.

Следовательно, в справочнике будут находиться сведения как по собраниям, имевшим лишь кратчайшие инвентарные описи и вновь обработанным, так и проверенные, дополненные сведения по собраниям, имеющим печатные или машинописные описания.

Значительный этап работы над справочником — описание необработанных рукописных собраний — близится к завершению. Далеко не полный еще собранный материал позволяет все же увидеть, что при фронтальном просмотре рукописей только одного хранилища выясняются факты, которые иным путем получить почти невозможно.

Объем статьи не позволяет, к сожалению, перечислить все новые списки, интересные редакции и т. п., остановиться более подробно на всех вопросах, возникающих при работе над рукописями. Обратимся лишь к некоторым.

Прежде всего привлечение обширного свежего рукописного материала неизбежно выявляет новые списки уже известных произведений, таких как Повесть временных лет, — в списках конца XV—начала XVI в. из Синодального собр. (ф. 272) № 363; XVI в. из собр. Московской духовной академии (ф. 173.IV) № 1; 1640-х годов из собр. А. Н. Попова (ф. 236) № 29; Хождение игумена Даниила — в списках второй половины XV в. из собр. Рогожского кладбища (ф. 247) № 448; начала XVIII в. из Музейного собр. (ф. 178) № 6388; Слово о законе и благодати митрополита Илариона — в списках конца XV—начала XVI в. из собр. Овчинникова (ф. 209) № 286 и Московской духовной академии, врем. (ф. 173.III) № 86; начала XVI в. из Рогожского собр. № 658; XVI в. — из собр. Овчинникова № 539, XVII в. — из того же собрания №№ 264, 277; Слово о Лазаре —

в списке XVI в. из собр. Егорова (ф. 98) № 95 и многие другие.

Можно было бы перечислить почти все названия повествовательных произведений, вошедших в «Библиографию древнерусской повести», составленную В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской,[4] и в «Библиографию древнерусской повести», составленную А. А. Назаревским,[5] существенно пополнившихся теперь новыми списками.

Некоторые из них — более ранние, чем все учтенные до сих пор. Например, списки русской версии Повести о воеводе Евстратии-Велизарии вообще немногочисленны. В «Библиографии древнерусской повести» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской указано 9 списков, из них самые ранние (3) — XVI в. П. Н. Сакулин в статье «Русская повесть о воеводе Евстратии»[6] приводит выдержки из древнейшего, по его мнению, списка из собр. А. Н. Попова № 60 (прежний номер М. 2522), датированного им концом XVI в. Новейшие же справочники по филиграням и анализ почерка дают возможность уточнить датировку этой рукописи — второй четвертью XVII в. Следовательно, самым ранним списком повести следует пока считать недавно выявленный текст конца XV—начала XVI в. из Музейного собр. № 8757. (Быть может, более древний текст о Велизарии находится в сборнике Музейного собр. № 3271 последней четверти XV—начала XVI в., но это только краткий пересказ повести, о чем упоминает П. Н. Сакулин в той же работе). Другой новый список этой повести конца XVI в. находится в собр. Егорова № 457.

Большинство произведений, названных Н. С. Демковой, Р. П. Дмитриевой и М. А. Салминой в связи с постановкой вопроса об основных пробелах в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей[7] также пополнилось новыми списками.

---

[4] Вып. I. М.—Л., 1940.

[5] М.—Л., 1955.

[6] См. в кн.: «Под знаменем науки». Юбилейный сб. в честь академика Н. И. Стороженка, М., 1902, стр. 481—487.

[7] Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 139—179.

Так, кроме известных двух списков сочинения Ивана Хворостинина «Словеса дней и царей и святителей московских», в собр. Вифанской духовной семинарии (ф. 556) находится третий список — второй половины XVII в. (№ 34).

Увеличилось и количество списков, перечисленных в археографических комментариях при публикации многих произведений, в монографиях, посвященных отдельным памятникам и изданных относительно недавно.

Не менее ценно для текстологической науки обнаружение еще по одному списку произведений, известных до сих пор в единичных списках, например «Плач холопов» в сборнике XVIII в. из собр. Отдела рукописей (ф. 218) № 900, Повесть о Сухане в сборнике повестей 1746 г. из того же собрания, поступление № 8 от 1968 г.

Как и следовало ожидать, выявляются произведения, неизвестные еще в науке: Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию в списке первой четверти XVII в. из собр. Егорова № 457;[8] три письма протопопа Аввакума в списках конца XVII—начала XVIII в. из Музейного собр. № 9603; Повесть о великой княжне Софье Ярославовне Тверской, сестре вел. кн. Михаила Тверского, в сборнике начала XVI в. из собр. Рогожского кладбища № 658; два апокрифических русских сочинения о необходимости правосудия и о митрополичьей десятинной пошлине в историческом сборнике 1640-х годов из собр. А. Н. Попова № 29 и др.

Все выявленные списки содержатся только в части рукописного материала, просмотренного за последнее время, и число их не является окончательным.

Богатыми и неисчерпанными еще до конца источниками являются рукописные сборники многообразных типов. К сожалению, весь сборник целиком, как факт общественной и литературной жизни определенной среды и эпохи, редко становится предметом тщательного и всестороннего исследования.

Ждет изучения интересный по составу сборник конца XV—начала XVI в. из Синодального собр. № 363, в составе которого помещены русские жития (Авраамия Ростовского, Никиты Переславского, Петра митрополита —

---

[8] Опубликовано В. Б. Кобриным в кн.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 28. М., 1966, стр. 227.

древнейшей редакции, Алексея митрополита), Сказание о Борисе и Глебе, Летописец, начинающийся Повестью временных лет и являющийся сокращенным изложением какой-то летописи (доведен до 1462 г.), Историческая палея, Правило о церковных людях, Устав (краткий) князя Ярослава Владимировича, видимо особой (прокняжеской) редакции, десять апокрифов, Слово Иоанна, экзарха Болгарского, и русское анонимное «Слово о правиле, како подобает собе отпети пред крестом честным».

Не менее любопытен и значителен по содержанию сборник начала XVI в. из Рогожского собр. № 658, содержащий, кроме Повести о Софье Тверской (о чем говорилось выше), Слово Кирилла Туровского, Страсть св. мученик Бориса и Глеба, главы из Киево-Печерского патерика, Слово митрополита Илариона о законе и благодати, Жития Петра митрополита, Никиты Переславского, три апокрифа.

Все приведенные примеры убедительно демонстрируют, что недостаточно обследованный рукописный материал содержит в себе еще много невыясненного и незамеченного.

Обработка не описанных рукописных собраний открывает и дополнительные возможности для изучения истории культуры и просвещения на Руси, так как выявляет новые факты по истории древних монастырских и частных собраний рукописей, сведения о которых зачастую не сохранились или местонахождение которых неизвестно. Между тем эти комплексы рукописей многочисленных периферийных монастырей свидетельствуют о большом количестве своеобразных местных очагов культуры, чего нельзя не учитывать при изучении русской культуры в целом. Воссоздание, хотя бы частичное, рукописных собраний в их прежнем виде имеет важное значение для учета читательских интересов, принципов, по которым комплектовались древние библиотеки, для исследования бытования тех или иных сочинений, происхождения рукописей и пр.

Результатом большой работы по выявлению рукописных собраний и отколовшихся от них рукописей явились за последние годы книги А. И. Рогова[9] и Н. Ф. Бель-

---

[9] Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. Составил А. И. Рогов. М., 1962.

чикова, Ю. К. Бегунова, Н. П. Рождественского.[10] Привлечение нового рукописного материала существенно увеличивает имеющиеся сведения о собраниях, в частности о некоторых древних комплексах рукописей, таких как собрание Симонова монастыря (с 1903 г. хранится в ГИМ'е в Москве). В настоящее время ранних рукописей (до XVII в.) в собрании нет, а между тем они были и следы их имеются в описи XVII в., составленной на основании монастырских отписных книг (Симонова монастыря за 1637—38 г.).[11] Судьбу древних рукописей Симонова монастыря проследить не удается, но две из них оказались в Отделе рукописей ГБЛ: Апостол толковый из Рогожского собр. № 32 — писан в Симонове монастыре в 1514 г. дьяком Спиридонием при архимандрите Кассиане, и Пандекты Никона Черногорца из собр. Никифорова (ф. 199) № 246 — писаны там же в 1510 г. «повелением и многотщанием архимандрита Варлаама». Судя по тому, что рукописи «писаны повелением» архимандритов и при этом не указаны имена каких-либо других заказчиков, вероятнее всего, что они были казенными монастырскими. Рукопись Пандектов через 100 лет попала к князю Петру Дмитриевичу Пожарскому, а после него — к участнику прений о вере во время приезда датского королевича Вальдемара, протопопу московского кремлевского собора Черниговских чудотворцев Михаилу Стефанову Рогову, или Рогуеву, как пишет он сам во вкладной записи на этой рукописи, вкладывая ее в Кандалакшенский монастырь. Фамилию Рогуев пишет он и во вкладной записи (вклад того же года и в тот же монастырь) на рукописном Хронографе из собрания Архангельской семинарии, описанном А. Е. Викторовым под № 136 (1323).[12]

Следовательно, записи на рукописях могут иметь значение и в уточнении каких-то биографических сведений.

---

[10] Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. Составители: Н. Ф. Бельчиков, Ю. К. Бегунов, Н. П. Рождественский. М.—Л., 1963.

[11] Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. Издал В. М. Ундольский. — ЧОИДР, 1848, (год третий), № 6, стр. 23—24.

[12] А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890, стр. 30.

С Симоновым монастырем связано еще 6 рукописей XVI—XIX вв., либо написанных в нем, либо принадлежавших самому монастырю или монахам.[13]

Из собрания Кориильева Комельского монастыря известны были до сих пор 4 поздние рукописи [14] и приходо-расходная книга 1576—1577 гг. Но и в этом монастыре существовал довольно ранний комплекс рукописей. Из четырех рукописных книг конца XV—третьей четверти XVI в. (Егорова №№ 258, 318, 942 и Музейное № 8190) одна — Пандекты Никона Черногорца конца XV—начала XVI в. (Егорова № 942) — могла находиться в монастыре уже при его основателе Корнилии (умер в 1573 г.). Запись на обороте переплета (почерком середины XVI в.) о смерти в 1552 г. в Корнильеве монастыре Вассиана Репнина и о сроках его пребывания в затворе («3 лета») может служить указанием, что к середине XVI в. рукопись уже имелась там.

Частью также древнего несохранившегося собрания является Цветная триодь из Рогожского собр. № 716, писанная в 1440 г. иноком Феофилом по благословению игумена Германа в обители св. Николы на Комельском озере. Рукопись эта заслуживает внимания и тем, что называет новую дату основания монастыря — почти на 100 лет раньше общепринятой. На Комельском озере известен лишь один монастырь в честь Николы — Стефанов-Никольский-Озерский-Комельский, основанный, как сообщают все источники, Стефаном, игуменом Глушицкого Покровского монастыря, в XVI в.[15] Филиграни бумаги подтверждают подлинность даты в записи писца. Вышеуказанная запись 1440 г. и владельческая запись

---

[13] В Музейном собр.: Пролог, XVI в., № 10301, Устав Корнильево-Комельского монастыря, 1808 г., № 11043, Космография Козмы Индикоплова, лицевая, 1652 г., № 10336; «Книга грешных спасения», XIX в., № 10267; в собр. Никифорова: Псалтирь, 1618 г., № 166; в собр. Рогож. кладбища: История о рождении и воспитании Никона патриарха, 1740 г., № 43.

[14] Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР, стр. 119; Л. И. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 135.

[15] См. Амвросий. История российской иерархии, ч. V. М., 1813, стр. 362—364; П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877, стлб. 757; В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, II. СПб., 1892, № 1208.

1513 г. этого же монастыря на другой рукописи начала XVI в. из собр. Амфилохия (ф. 7) № 16 убеждают в том, что монастырь существовал уже в первой половине XV в., а в XVI в. состоялось, вероятно, лишь его возобновление. Наличие же еще двух рукописей из Николаевского Комельского монастыря (Музейное собр. № 3124 — рукопись XVI в., и собр. Овчинникова № 312 — рукопись XVII в.) подтверждает мысль об имевшемся там собрании рукописей.

Среди значительных известных монастырских собраний рукописей особое место принадлежит собраниям Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, основная часть которых находится в хранилищах Ленинграда. Связанных с Кирилло-Белозерским монастырем выявлено в наших собраниях 13 рукописей третьей четверти XIV—XVII вв. (одни написаны в монастыре, другие находились по вкладу) и 4 списка XIX в. с древних книг этого монастыря. Две особенно замечательны, поскольку были в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря еще в XV в. Одна (Егорова № 18) — Пандекты Никона Черногорца — болгарская рукопись третьей четверти XIV в. На ряде листов начала записей почерком конца XIV—начала XV в.: «Господину князю велик. . . Василью Дмитр. . .» (Далее обрезано), «А се писал Меженина дьяк княгини великие» (л. 341 об.). Следовательно, уже в конце XIV—начале XV в. рукопись была на Руси, возможно, в великокняжеской библиотеке и подарена была при основании Кирилло-Белозерского монастыря (1397 г.), о чем, может быть, поведала бы неоконченная запись на первом листе: «В лето 6905 [1397] месяца генваря 26 книга сия. . .».

Вторая рукопись — «Огласительные поучения Феодора Студита» (Музейное собр. № 8460) писана в Кирилло-Белозерском монастыре в 1417 г., об этом свидетельствует запись в конце книги: «В лето 6926 [1417] месяца септеврия в 14 написаны быша сия книги, глаголемыя Феодор Студийский, в обители пресвятыя богородица повелением господина старца Кирила игумена во славу святыя Троица аминь. . .».

Текст этой записи идентичен записи 1422 г. в Лествице, находившейся в личной библиотеке Кирилла Белозерского, а с 1955 г. хранящейся в ГПБ (ф. 351) № XI. Но почерки записей и рукописей разные.

Обе эти рукописи могли быть зафиксированы в монастырской описи XV в. среди следующих рукописей: «Два Никона в десть» и «Федор Студит в десть».[16]

Из рукописей Соловецкого монастыря в Отделе рукописей ГБЛ 6 писаны в нем в XVI—XVII вв. и 7 (рукописи XV—XVII вв.) принадлежали ему. В числе последних — Житие и слова Афанасия Александрийского 1494 г. (?) (собр. Овчинникова № 791) с «экслибрисом» основателя библиотеки Соловецкого монастыря игумена Досифея.[17]

Выявляются в неописанных рукописных собраниях и части других больших собраний рукописей: новгородского Софийского собора (2 рукописи), монастырей Чудова (8 рукописей), Ферапонтова (4 рукописи), Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря (2 рукописи, из них одна — вклад Богдана Матвеевича Хитрово), Кандалакшенского (6 рукописей).

Местонахождение собрания Коневского Рождественского монастыря считается неизвестным. В собрании Егорова есть Пролог 1505 г. (№ 180), написанный иноком Пиминцем в Коневом монастыре при игуменах Тарасии и Серапионе. Возможно, вслед за этой рукописью отыщутся и другие.

Целый ряд рукописей сгруппировался вокруг монастырей Межигорского Спасо-Преображенского Киевской епархии (11 рукописей) и Краснослободского Спасо-Преображенского Пензенской епархии (23 рукописи), хотя о рукописных собраниях этих монастырей мы сведениями не располагаем.

О существовании небольшого собрания Луцкого Богородичного монастыря мы узнаем из вкладной записи 1560 г. Иосифа, епископа Владимирского и Берестейского, на Минее служебной 1560 г. (Егорова № 222), где перечислено еще 10 рукописей, вкладываемых им вместе с Минеей.

---

[16] См.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, вып. CXIII, СПб., 1897, стр. 5, №№ 57—58; стр. 6, № 72.

[17] Эта рукопись является, вероятно, той самой книгой «Афанасия Ерусалимского», заказанной Досифеем, о которой имеется запись в перечне 1494 г. книг, переписанных для Досифея в Новгороде, — см.: Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 298.

Накопленный в процессе работы материал дает возможность проследить сложную судьбу отдельных частных собраний (например, рукописи из известной библиотеки кн. Д. М. Голицына в селе Архангельском оказались у П. Ф. Коробанова, от него попали к кн. А. Н. Шаховскому, а последний пожертвовал их в Троице-Сергиеву лавру).[18] В Музейном собрании оказались включенными собрания Н. Н. Бирукова, кн. А. И., П. А. и П. П. Вяземских из села Вяземы (выделено в отдельный фонд № 528), С. Ф. Разсохина, А. И. Сулакадзева и многие другие.

Необходимо еще сказать и о такой немаловажной стороне начатой работы, как выявление разрозненных частей одной и той же рукописи, находящихся либо в разных собраниях, либо даже в разных хранилищах и иногда, естественно, по-разному датированных.[19]

Вот некоторые и далеко не исчерпывающие аспекты изучения нового рукописного материала, рассмотренные на примере только недавно обработанных рукописей.

Совершенно очевидно, что все, характерное для рукописного материала Отдела рукописей ГБЛ, в полной мере может быть отнесено и к рукописям других хранилищ. Кроме того, рукописи, находящиеся в разных местах, связаны между собой, связи эти уходят в глубину веков, и выявить их, сделать доступными исследователям — задача работающих над рукописями. В связи с этим рисуется заманчивая перспектива объединения сведений из рукописей по нескольким хранилищам. В итоге такого соединения прежде всего обогатилась бы научная текстологическая база, а также многое прояснилось бы из истории создания произведений, бытования их, из жизни периферийных культурных центров и т. д. Подобная работа на-

---

[18] Среди этих рукописей Титулярник с посланиями Ивана IV, считавшийся утраченным. Послания Ивана IV Александру Полубенскому, Яну Ходкевичу, Тетерину, второе послание Курбскому опубликованы по копиям XIX в. А. Н. Попова, — см.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951.

[19] За последние два года Н. Б. Тихомировым установлено, что отрывок Стихираря XII в. из собр. Григоровича (ф. 87) № 47 является частью рукописи из Синодального собр. (ГИМ) № 279; отрывок Полоцкого евангелия начала XIII в. из собр. Ундольского (ф. 310) № 962 — частью рукописи из ГПБ Погод. № 12; отрывок Евангелия-апракоса начала XIII в. из того же собр. Ундольского № 964 — частью рукописи из МГУ (2 Ag 80) и др.

чата была В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, затем продолжена А. А. Назаревским в отношении древнерусской повести. Вероятно, следовало бы осуществить библиографические издания аналогичного типа по другим жанрам древнерусской литературы или по определенным циклам произведений. Развитие литературоведческой науки на современном этапе немыслимо без максимального охвата всего рукописного материала, какой имеется в архивохранилищах страны.

Н. Н. Розов

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУКОПИСНОЙ КНИГИ

(По материалам Софийской библиотеки)

Определяя предмет палеографии, В. Н. Щепкин писал: «Рядом с палеографией и на том же материале стоит наука истории письмен».[1] Применяя это выражение к истории книги, можно сказать, что она так же соотносится с историей литературы и должна развиваться с нею параллельно. Но если палеография развивается в настоящее время параллельно с литературоведением и искусствознанием, то история русской книги изучается имманентно. Советские специалисты-книговеды занимаются почти исключительно историей книгопечатания, забывая, что в истории русской книги «рукописный период» имел особое значение. Книгопечатание началось в России на сто лет позже, чем в других европейских странах, и первые полтораста лет обслуживало почти исключительно нужды церкви. Что же касается работ других исследователей по истории рукописной книги, то они в большинстве случаев лишь развивают некоторые отделы палеографии. Таковы работы по истории бумаги, по дальнейшему накоплению и систематизации филиграней, таковы труды советских палеографов и искусствоведов по исследованию письма и художественного оформления рукописной книги. Солидных обобщающих работ по истории рукописной

[1] В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 13.

книжности в целом или по основным ее проблемам у нас не появлялось уже давно — со времени работ акад. Н. К. Никольского.

История русской рукописной книги должна базироваться на фактах, извлеченных из большой массы материала, собранного при изучении всех сохранившихся ее экземпляров с XI по XX в. Должен изучаться не только репертуар рукописной книжности в целом, но и историческая судьба каждой отдельной рукописной книги на всем протяжении ее активного существования, — до тех пор, пока она, выйдя из употребления, не стала предметом коллекционирования и объектом научного исследования. Для этого наравне с основным, читавшимся, текстом книги должны изучаться все владельческие и читательские записи, приписки, пометы.

В обобщении и систематизации этого обильного материала помогут такие «вспомогательно-книговедческие дисциплины», как книжная статистика, и та, которую назовем «географией книги» или, короче, «библиогеографией». Но если первая была начата и продолжает базироваться на старой, но не устаревшей работе Н. В. Волкова,[2] то вторая еще и не начинала складываться. Материал же для нее накоплен уже достаточный: в описаниях собраний рукописной книги — и старых, и новых — учтены многочисленные приписки и пометы, свидетельствующие о местах изготовления и пунктах миграции ее отдельных экземпляров.

Данные эти можно разделить на две категории — статические и динамические. К первым должны быть отнесены сведения двух крайних дат «биографии» книги: где она была изготовлена и где оказалась в конце своей активной истории; ко вторым — сведения о передвижениях книги между этими двумя датами, почерпнутые из вкладных и продажных записей, а также из приписок и помет читателей.

Приведу несколько примеров библиогеографических материалов из книг новгородской Софийской библиотеки, старейшей из сохранившихся древнерусских библиотек: она начала складываться еще в XI в.

Новгород был крупнейшим центром производства книги в Древней Руси. По данным Н. В. Волкова, боль-

[2] Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. СПб., 1897 (ПДП, т. 123).

шинство сохранившихся русских книг XI—XIV вв. было написано там. Но до конца XVII в. книга в большей степени расходилась из Новгорода, чем сосредоточивалась там. Об этом свидетельствует наличие книг новгородского происхождения едва ли не во всех древлехранилищах нашей страны и кое-где за рубежом. В конце же XVII в. (когда рукописная книга стала изыматься из употребления) в Софийскую библиотеку стеклись многочисленные книги из церквей и монастырей обширнейшей Новгородской епархии; продолжали они поступать туда и в XVIII в. В настоящее время на 1575 книгах Софийской библиотеки, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, в качестве мест написания и пребывания названы свыше ста монастырей и около 250 церквей, располагавшихся на огромной территории — от границ Белоруссии и Литвы до беломорских берегов и предгорий Урала.

Разобраться в библиогеографических материалах Софийской библиотеки и систематизировать их — дело совсем не легкое: в приписках и пометах на книгах отражена вся история географии и топонимики края. Места нахождения и миграции книг указаны и по старому, и по позднейшему административному, а также церковному делению — по пятинам, погостам, уездам, станам и волостям. При этом последний термин имеет двоякое значение: и как административная единица, и как обозначение принадлежности монастырю, светскому или духовному феодалу (например, «Владычня волость»). Многочисленны и местные названия мелких населенных пунктов — «выставка», «рядок», «усолье», «сиземок» и другие. В качестве пособий приходится использовать, кроме известных справочников П. М. Строева, В. В. Зверинского и К. А. Неволина, такие сравнительно мало известные источники, как Атлас Архангельской епархии, изданный в 1890 г., или карты Шелонской и Водской пятин, изданные архимандритом Сергием и А. М. Андриашевым в 1905 и 1913 гг.

Рассмотрим сначала данные о распределении книг из Софийской библиотеки по погостам к началу XVIII в. Почти из всех погостов, кроме некоторых из тех, что образовались на местах бывших монастырей, сохранилось по одной книге, преимущественно по служебнику. И иногда лишь единственный сохранившийся служебник свидетельствует о существовании давно исчезнувшего населенного

пункта, даже если с ним связаны какие-нибудь исторические события.

Так, например, церковь Ильи в Кегостровской волости (около Архангельска), которую в 1694 г. посетил Петр I, уже в середине прошлого века находилась под водой. В Софийской же библиотеке из нее сохранился служебник XVI в. Изредка на полях служебников попадаются записи о местных событиях, метеорологические наблюдения, сведения о стихийных бедствиях. Так в служебнике «Колмогорские десятины Мезенского уезда церкви Николая чюдотворца» с датой 8 октября 1634 г. записано: «Пришла вода морская с ветром в ночь, стояла сутки на островах. У крестьян в кучах подмочило о груди человеку сена в загродах, а у моря сено все снесло. В Пудежемском устьи корабль на пожну сбило» (Соф. № 910). Эти примеры свидетельствуют о возможностях разыскания в богослужебных книгах интереснейших материалов по истории отдельных населенных пунктов; однако эти возможности еще очень редко учитываются историками и краеведами.

По новгородским пятинам книги с записями о принадлежности сельским церквям распределяются так: из Обонежской — 36, Бежецкой — 15, Шелонской — 12, Деревской — 8 и Водской — 4. За пределами новгородских пятин находилось книг: 18 — в Холмогорской десятине, 8 — в Каргопольском уезде, 6 — в Важском (Шенкурском) уезде; по 4 книги поступили из Пусторжевского и Холмского уездов. Таким образом, за северными границами Новгородских пятин находилось 32 книги, а за южными — всего 8. Эти библиогеографические данные, далеко не полные (местонахождение многих населенных пунктов пока не удалось установить), очень показательны: недаром Архангельская область до сих пор, через триста лет, дает наиболее богатые результаты археографических экспедиций.

Из городских церквей (кроме Новгорода) в Софийской библиотеке имеются: 4 служебника из Устюжны, по 2 — из Старой Ладоги, Каргополя и Невеля, по одному — из Старой Руссы и Острова. Из Никольской церкви в Вологде поступило Евангелие 1534 г., а из Пскова, из церкви «с пролому, что у Покровских ворот», — литературный сборник, в котором есть «Повесть о Псково-Печерском монастыре». Как редкий случай нахождения четьей книги

в сельской церкви отметим Житие Зосимы и Савватия из Кобоны с вкладной 1681 г.

Более полную и интересную картину представляет распределение книг Софийской библиотеки по их написанию и хранению в монастырях.

Из старейших и богатейших новгородских монастырей в Софийской библиотеке совсем немного книг: из Хутынского — 11, Антониева — 10, а из Юрьева — всего 3, и те поздние (XVII в.). А между тем из последнего происходят такие древнейшие памятники славянской и русской письменности, как фрагменты житий св. Кондрата и Феклы, попавшие в собрание М. П. Погодина, знаменитое Юрьевское евангелие XII в. Из небольшого же и малоизвестного Ситецкого монастыря сохранилось 13 книг, из которых 8 миней XVI в. и 2 четьих. Восемь книг (в том числе сборник сочинений Иосифа Волоцкого) сохранилось из Вяжецкого монастыря, по 7 — из Щилова (все — минеи) и Верендовского (Перекомского), по 6 — из Деревяницкого и Сыркова (в числе последних Устав церковный — вклад основателя монастыря), по 4 — изКолмова и Нередицкого, по 3 — из Видогощинского (в том числе известный «Трифоновский сборник»), Евфимьина, Ковалева и Лазарева, по 2 — из Волотова, Воскресенского, Лядского, Духова и Аркажа. Лишь по одной книге сохранилось в Софийской библиотеке еще из 11 новгородских монастырей, в том числе из Отенского; В. С. Иконников же писал, что «Софийская, Вяжецкая, Отенская и, вероятно, другие новгородские библиотеки дали возможность архиепископу Макарию предпринять в Новгороде такой обширный труд, как Великие Четьи-Минеи».[3]

Отсутствие в Софийской библиотеке книг из крупных псковских монастырей объясняется тем, что в 1589 г. была образована отдельная Псковская епархия, куда и собирались потом книги из церквей и монастырей. В настоящее время они хранятся большей частью в местном музее, где Л. А. Творогов весьма эффектно расставил их наряду

[3] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, стр. 602. Сведения о том, из каких монастырей поступили книги в Софийскую библиотеку, имеются в предисловии к ее описанию: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. 1. СПб., 1905, стр. IV—V. Но они недостаточно полны и точны.

с архивными материалами по библиогеографическому принципу. Лишь из трех небольших монастырей в окрестностях Пскова попало в Софийскую библиотеку по одной книге. Зато, например, из Старой Руссы попали туда книги из четырех монастырей, в том числе из одного Звадского — 7 книг.

Из монастырей, отдаленных от крупных населенных пунктов, в Софийскую библиотеку больше всего книг (22) поступило из Николо-Гостинопольского монастыря. Но ни на одной из них нет сведений о написании в самом монастыре, хотя, например, на Прологе XVI в. отмечено, что он — «казенной искони домовой»; все записи — вкладные и владельческие. Вероятно, в этом монастыре книгописания не было, а книг из него сохранилось много просто потому, что он не был близко расположен к Новгороду и их туда больше жертвовали, чем изымали.

Девятнадцать книг имеют владельческие пометы Васильевского монастыря, «что в Ладоги в Старой на горе за Волховом», — как уточнено на одной из них. Монастырь этот несколько раз служил пристанищем монахам Валаамского монастыря, когда тот разорялся шведами. Таким образом, есть все основания причислить к книгам Васильевского монастыря еще 6 книг (с пометами Валаамского) и считать эти 25 книг остатком библиотеки последнего. В Валаамском же монастыре книгописание существовало, как об этом свидетельствуют несколько выходных записей на книгах. Вероятно, монахи Валаамского и Васильевского монастырей снабжали книгами окрестные ладожские монастыри или давали их туда переписывать. Вот, например, какая запись есть на книге с пометой Валаамского монастыря: «Сия книга Минея месяцная [так!] взята была в манастыре Васильевском у рыбного ловца у старца Исайи с братиею в прошлом 121 [1613] году в месяце марте. А имал Николы Медвецкого монастыря черной поп Деонисей на снимок. А в нынешнем в 123 [1615] году сию книгу отдал в Васильевский ж монастырь слуги Григорию Никитину Воронину с товарыщи. А в той книге Дионисья дана была память; и васильевские слуги сказали, что, де, та память утерялась. А подписал сию книгу и отдал яз сам черной поп Дионисей своею рукою для памяти, что впредь спору не было» (Соф. № 226). И не случайно, конечно, один сборник, поступивший в Софийскую библиотеку из Николаевского монастыря в Ста-

рой Ладоге открывается «Валаамской беседой» в двух вариантах (Соф. № 1416).

Монастыри и погосты Новгородской епархии снабжались книгами и из книгописных центров, находившихся за пределами новгородских пятин. Некоторые из этих центров обязаны своим возникновением новгородским книжникам; например, Соловецкая библиотека, ядро которой составили книги, заказанные в Новгороде в конце XV в. игуменом Досифеем.[4] Но уже в следующем столетии книги оттуда попадали в места, расположенные ближе к Новгороду, чем к Соловкам, что подтверждается записями на некоторых книгах Софийской библиотеки. С Соловков книги попадали и в места, расположенные в непосредственной близости к таким крупным книжным центрам, каким был, например, Кирилло-Белозерский монастырь.

Из этого монастыря в Софийской библиотеке больше всего — свыше 70 книг, и среди них множество «четьих».[5] Но лишь немногие из них новгородского происхождения. Библиотека Кириллова монастыря, начало которой было положено его основателем — выходцем из Москвы, была связана с московской, а не новгородской традицией. Новгород больше получал книги из Кириллова, чем давал туда. Поэтому книги Софийской библиотеки, поступившие в нее из Кириллова монастыря (в основной своей массе лишь в 1780 г.), следует считать принадлежащими не Софийской, а Кирилло-Белозерской библиотеке.

Распространение книг из Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Валаамского и некоторых других монастырей, а также из Москвы существенно изменит будущую библиогеографическую карту Новгородской земли в XVI—XVII вв. На ней появятся линии, расходящиеся не из одного, а из многих центров (в том числе из мест, расположенных за пределами этой области), — линии, не только прямые, но и ломаные, а также прерывающиеся. Монахи-книгописцы в выходных записях были обычно гораздо более многословны, чем их коллеги из новгородских пис-

---

[4] Подробнее об этом см.: Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1962, стр. 294—304.

[5] Часть из них была описана Ф. Смирновым: Описание рукописных сборников XVI в. новгородской Софийской библиотеки. — ЛЗАК, вып. 3, СПб., 1865, стр. 1—106.

цов-ремесленников. Эти выходные, а также владельческие и вкладные записи дают возможность проследить и зафиксировать пути миграции не только книг, но и текстов произведений.

Примеры сказанного легче всего подыскать среди книг соседних и «отпочковавшихся» от Кириллова—Ферапонтова монастыря и Нило-Сорской пустыни. Здесь сталкивались и перекрещивались книжные потоки разных истоков и разных направлений. Вот две записи — владельческя и выходная — двух монахов, явных библиофилов (их именами обозначены многие книги Софийской и Кирилло-Белозерской библиотек): 1) «Сия книга Историк — Круг миртворной [это — так называемое «Сказние о седмой тысяче лет», — *Н. Р.*] старца Боголепа Губы. Нынешнего 110 [1602] года привез с Москвы старец Пахомей, а в то место из книгохранителны взята книга — старый его Историк в десть в затылке. А велел он дати по своей души в Ферапонтов монастырь»; 2) «Лета 7120 [1612] году сию книгу Андреатис с приписми... велел написать чернец Исайя — в миру был в государевой волости в Вогнеме священник. А писана та книга с переводу Нилова скита старца Серапиона..., а старец Серапион ту книгу писал у Ионы митрополита Ростовского с переводу из ризницы Иова, патриарха всея Руси».

В обоих случаях пути миграции книг, начинающиеся в одной точке — в Москве (там жил тогда Иона), могут быть изображены ломаными прерывающимися линиями. Путь «Миротворного круга» будет прерываться в Кириллове, а кончаться в Ферапонтове; путь «Андреатиса» в Кириллов монастырь будет прерываться в Нило-Сорском ските. Если все это начертить на карте и изобразить пути миграции книг из разных исходных точек различными цветами, то цвета второй части пути «Миротворного круга» и «Андреатиса» будут разные. Для первого — это будет цвет книг, написанных в Кириллове монастыре, для второго — в Ниловой пустыне.

В приведенных примерах фигурируют книги стабильного состава; в них можно различить пути миграции текста и его отдельных списков — книг. Экземпляр «Миротворного круга», привезенный из Москвы, остался в Кириллове, «вытеснив» оттуда в соседний монастырь другой экземпляр той же книги. «Андреатис» был привезен в Нилову пустынь и остался там, а в Кириллов пошла с него

копия. В обоих случаях один и тот же текст оставил на пути своей миграции по два списка. И таких случаев особенно много наблюдается с книгами Софийской библиотеки, среди которых численно преобладают богослужебные книги стабильного состава — одних служебников в ней более пятисот. Поэтому опыт создания библиогеографических карт удобнее всего поставить на материале этой библиотеки.

Как, в какой последовательности, должна быть проведена эта работа?

Прежде всего следут дополнить библиогеографический материал, собранный в Софийской библиотеке, данными книг новгородского происхождения из других собраний и коллекций — Публичной и иных библиотек. Для первых четырех веков истории русской книги в основу могут быть положены данные Н. В. Волкова с необходимыми дополнениями и уточнениями. После этого можно будет начертить (хотя бы по карте Новгородских пятин, составленной К. А. Неволиным) первую библиогеографическую карту Новгородской земли XI—XV вв., — до появления новых крупных центров книгописания — Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей. На нее будут нанесены статические и динамические библиогеографические данные — места изготовления и пути миграции книг. Преобладать будут линии, расходящиеся радиусами из одной точки — из Новгорода; случаи порисхождения книг из других центров предполагаются лишь как единичные. Но будут линии, выходящие за пределы карты: известны случаи отсылки из Новгорода книги, например на Двину, уже в XIV в.

Для составления второй библиогеографической карты (XVI—XVII вв.) той же территории придется привлечь материал записей и приписок на книгах, написанных в Кирилло-Белозерском, Соловецком и некоторых других монастырях, мигрировавших в пределах Новгородской земли. В настоящее время начата работа по восстановлению состава библиотек небольших монастырей — в Отделе рукописной и старопечатной книги БАН. Еще шире задумана работа по восстановлению исторически сложившихся комплексов рукописных книг в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. «Кооперация» всех этих работ внесет большой вклад в их успешное завершение, а опыт географии книги Новгородской земли займет здесь не последнее место.

Графически эта карта представляется так. Каждый пункт, в котором окажутся написанными, положим, больше 3 книг, получит для обозначения путей их миграции свой цвет; черный цвет останется для единичных случаев.

На третью карту будут нанесены только статические данные — пункты местонахождения рукописных книг на территории Новгородской земли в конце XVII в., когда они собирались по епархиям.

Все эти три карты, вычерченные на кальке в одинаковом масштабе, надо попытаться совместить, наложив друг на друга. И тогда может получиться карта географии книги Новгородской земли XI—XVII вв. Но если такой карты не получится, точнее — если она выйдет слишком сложной, запутанной и пестрой, то придется сделать небольшой, состоящий из нескольких карт, библиогеографический атлас.

Что и кому может дать на первых порах изучение географического распространения рукописной книги?

Историкам древнерусской литературы оно поможет в текстологических исследованиях, показывая пути миграции текстов памятников. Со своей стороны опыт текстологии поможет разобраться в этих путях в случаях миграции книг нестабильного текста, особенно сборников. Но это уж, если можно так выразиться, «библиогеография второй степени», и к ней можно будет приступить лишь после накопления опыта изучения дислокации и миграции книг стабильного состава.

Для историков русского языка библиогеографические данные — и статические, и динамические — будут полезны при изучении местных диалектов. Ведь диалектизмов в записях, приписках и пометах бывает гораздо больше, чем в основном тексте книги.

«Исследование многих важных социально-экономических и политических проблем истории России XVII в. тормозится слабой изученностью исторической географии того времени» — такой фразой начинается недавно опубликованная статья о составлении исторических карт.[6] С этим

---

[6] Я. Е. Водарский. Опыт составления исторических карт землевладения Серпуховского и Оболенского уездов по переписи 1678 г. — В кн.: Славяне и Русь. Сборник, посвященный 60-летию Б. А. Рыбакова, М., 1968, стр. 274.

приходится сталкиваться и при первой же попытке составления библиогеографических карт. Большинство населенных пунктов, упоминаемых в приписках и пометах на книгах Софийской библиотеки, не находится на исторических картах. И приходится прибегать к географическим указателям изданий летописей, актов и грамот, но и они далеко не всегда помогают. Когда же будут составлены хотя бы и не исчерпывающие библиогеографические карты, они сразу внесут свой вклад в историческую географию.

Наконец, библиогеография подкрепит и уточнит другую «вспомогательно-книговедческую дисциплину» — книжную статистику. Так, например, Н. В. Волков считал, что все книги, оставшиеся из библиотеки Лазарева монастыря в Новгороде — одного из древнейших центров местного книгописания — хранятся в Типографской библиотеке в Москве (ныне — в ЦГАДА) и лишь одна — в Софийской. Однако их там 3, и, кроме того, они могут оказаться также в других собраниях.

Б. В. Сапунов произвел подсчет русских книг XI—XIII вв., умножив число известных по летописям церквей и монастырей на количество книг, минимально необходимых, по его мнению, для совершения богослужения. При этом в каждой церкви — и приходской, и монастырской — предполагается по одному служебнику.[7] Но как же быть тогда, например, с Деревяницким монастырем в Новгороде, где была только одна церковь, раз только в Софийской библиотеке из него сохранилось 6 служебников?

Таковы некоторые, «лежащие на поверхности» примеры будущего применения библиогеографических данных. Дальнейшее накопление и систематизация фактов, свидетельствующих о местах написания, миграции и хранения рукописных книг, несомненно выявит и другие, пока еще неизвестные, аспекты библиогеографии, новые сферы и методы ее применения.

---

[7] Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 313—332.

Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Н. Покровский

ЗАДАЧИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ

В археографическом отношении Сибирь изучена плохо. Между тем дважды предпринимавшиеся по инициативе академика М. Н. Тихомирова (в 1959 и 1961 гг.) обследования некоторых старообрядческих районов Забайкалья, а также экспедиции 1965—1968 гг., проведенные Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР совместно с Новосибирским государственным университетом и библиотекой Сибирского отделения АН СССР, к старообрядцам Красноярского края, Томской области, Бурятии, Тувы и Алтая, дали интересные результаты и показали перспективность подобного аспекта изучения Сибири. Даже беглое знакомство с государственными и частными собраниями рукописных и старопечатных книг на территории Сибири подтвердило ценность хранящегося в них литературного и исторического материала, необходимость скорейшего введения этого материала в научный обиход.

Экспедиция в центры миссионерской деятельности сибирских митрополитов XVII—XVIII вв. Ф. Лещинского, И. Максимовича, А. Стаховского и других выявила своеобразный книжный материал в окрестностях Кондинского монастыря, в низовьях Оби.

Выехавшая в разные районы Сибири с целью разведки экспедиция 1965 г. обнаружила понятную закономерность: вблизи старых православных монастырей, служивших опорой в миссионерской деятельности сибирских митрополитов, были найдены книги, не характерные для старообрядческих поселений Сибири, — полемические сочинения Василия Клирика Острожского 1588 г., Катехизис XVII в., «Мир с богом человеку» Иннокентия Гизеля XVII в., «Жезл правления» начала XVIII в.

В остальных районах тобольского севера книг не обнаружено. Сами по себе подобные находки не могли бы утвердительно свидетельствовать об их миссионерском происхождении, однако записи-скрепы на книгах сообщили о том, что они когда-то принадлежали сибирским иерархам. Е. К. Ромодановская, обратившаяся в настоя-

щее время к изучению деятельности крупных сибирских миссионеров в связи с темой сибирско-украинских литературных связей (см. выше), определила, например, что самая древняя и наиболее интересная из находок 1965 г. — книга Василия Клирика, — по-видимому, попала на тобольский север из библиотеки митрополита Антония Стаховского. В связи с тем, что наша первая экспедиция была лишь разведывательной, мы не имели возможности исследовать окрестности Кондинского монастыря и низовьев Оби со всей тщательностью. Думается, что повторные экспедиции в эти районы смогут дать дополнительные находки и позволят найти интересные следы деятельности сибирской митрополии. Это одна из задач сибирских археографов на ближайшее время.

Не менее важной задачей представляется нам выявление всех рукописных хранилищ на территории Сибири — частных и государственных, и подробнейшее их описание. Первые попытки в этом направлении предприняты. Сибирские археографы обследуют и описывают крупные хранилища рукописей и старопечатных книг на территории Сибири: Тобольское, Томское, Иркутское, Новосибирское; описаны книги и рукописи Ханты-Мансийского музея, Барнаула, Бийска, Улан-Удэ. Интересны, хотя и невелики по объему, собрания в Красноярске, Шадринске и т. д. Широкое распространение в прошлом старообрядчества на территории Сибири, а также существование в XIX в. многочисленных центров миссионерской деятельности православной церкви привели к тому, что незначительные остатки старообрядческих и миссионерских книжных коллекций могут находиться в самых различных уголках Сибири, в том числе и в фондах государственных учреждений — небольших местных музеев, библиотек. Число рукописей в каждом из таких фондов обычно очень не велико, предварительных сведений о наличии или отсутствии рукописей, как правило, нет, количество же таких музеев и библиотек Сибири, фонды которых необходимо обследовать в целях выявления древних книг, значительно. Между тем именно здесь могут еще таиться интересные находки. Приведем в качестве примера житийный сборник-конволют XVI—первой четверти XVII в., обнаруженный недавно новосибирской археографической экспедицией в музее г. Бийска. Он содержит, в частности, жития Сергия Радонежского, Варлаама Ху-

тынского, Стефана Пермского, Антония Римлянина и т. д.

Рукописный отдел библиотеки Сибирского отделения АН СССР и Институт истории, филологии и философии ведут подготовительную работу по составлению сводного каталога рукописей и книг всех государственных хранилищ Сибири и Урала. Хочется верить, что, когда такой подробный каталог будет, исследователи древнерусской литературы и истории получат возможность учесть в своих работах интересные материалы, находящиеся в сибирских хранилищах.

Очень важно было бы в подобном каталоге выделить раздел частных собраний, не только существующих сейчас в Сибири, но и по возможности все собрания рукописей и книг, зафиксированные на территории Сибири в печатных описаниях XIX—начала XX в., например ценнейшее по составу Юдинское собрание в Красноярске, собрание свердловских библиофилов, барнаульские и иркутские частные собрания и т. д. Возможно, что хотя бы часть книг из этих собраний будет обнаружена в сибирских хранилищах.[1]

Основным источником новых поступлений в хранилище Сибирского отделения АН СССР являются старообрядческие поселения Сибири. Старообрядческие районы представляют интерес для историков древней литературы, письменности и книгопечатания не только как резервуар, хранящий значительное количество старинных русских книг, но и как среда, где до сих пор сохранились остатки некоторых традиций древнерусской книжности (полемика по догматическим и обрядовым вопросам все еще приводит, хотя и редко, к созданию новых оригинальных полемических сочинений, написанных по всем правилам ораторского красноречия). Наши экспедиции не могут поэтому ограничиться лишь выявлением и сбором книг. Наблюдение и подробное многоплановое описание той среды, в которой жива еще древнерусская книжная традиция, изучение тех условий, в которых находился приобретенный экспедицией археографический материал, — все это становится важной частью работы экспедиций. Представляет интерес не только выявление

---

[1] А. А. Преображенский. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края. Краткий обзор. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. М.—Л., 1960, стр. 267—292.

истории памятника, но и изучение путей миграции старообрядческого населения в данный район; это изучение зачастую компенсирует недостаточность наших знаний о конкретной истории памятника и позволяет с более или менее значительной долей уверенности судить о том, в каких именно старообрядческих центрах он мог читаться ранее. Для достаточно подвижного старообрядческого населения Сибири задача выявления основных миграционных истоков (в том числе — и в нашем веке) приобретает особое значение. Немалую помощь может оказать здесь этнографический, фольклорный и диалектологический материал. Проблема выявления сегодняшних функций памятника, в свою очередь, требует определенных наблюдений над нынешним состоянием догматики, обрядов; ряд вопросов, встающих при обследовании районов нынешнего распространения древнерусской письменности, носит социологический характер и требует соответствующих методов изучения. Именно поэтому мы и ставим вопрос о комплексном исследовании сибирских старообрядческих районов. Археографическое обследование районов должно сочетаться с фольклорным, этнографическим и социологическим их изучением. Это в корне изменит методику археографических исследований, но должно в конечном счете принести ценнейшие результаты; все дело в большом своеобразии сибирского старообрядчества, в живых традициях, в большой психологической замкнутости сибирского раскола. Однако эта замкнутость не в том, что раскольники живут, не выходя в «мир» (этого уже почти нет), замкнутость определяется наличием в их сознании значительного пласта особенно стойких крестьянских традиций и целым комплексом традиционных понятий, представлений, определенных пережитков, средневековым характером их литературного мышления. Именно благодаря традиционности и замкнутости могли в подобной среде до сих пор сохраниться и, главное, читаться и обсуждаться произведения древнерусской словесности. Изучение происхождения и особенностей догматики разных сибирских старообрядческих гнезд[2] имеет и еще один

---

[2] Имеется в виду, в частности, и проблема генетической связи традиционных районов сибирского раскола с поморскими, смоленскими, нижегородскими, ветковскими, донскими, яицкими центрами старообрядчества, вопрос о роли шарташских, черноисточенских, висимских скитов XVIII—XIX вв. в осуществлении этой связи.

важный для организации археографических работ аспект. Весьма пестрая и запутанная картина нынешней догматики и генетических связей сибирских старообрядческих районов оказывает определенное влияние на распространенность в данном месте тех или иных памятников древнерусской книжности. При этом приходится учитывать не только специфику какого-либо старообрядческого согласия, но и различное отношение к древним книгам в поселениях одного и того же согласия, но расположенных в разных старообрядческих регионах (особенно если такие регионы имеют традиционный комплекс историко-культурных и этнографических отличий, например — Бухтарма, поселения забайкальских «семейских» старообрядцев).

Как показали экспедиции 1965—1968 гг., в некоторых районах Томской области представители часовенного согласия, поморяне, так называемые «непишущиеся»,[3] держат при себе определенный тип литературы: часовенные, хотя и не ведут службы, считают, что по традиции можно держать только служебную литературу, передавая обычно все «четье» близко живущим поморянам и особенно «непишущимся». Происходит внутреннее, достаточно четкое, перераспределение литературных запасов. Этому перераспределению способствует и снижение уровня интереса к полемической и прочей не служебной литературе в последние десятилетия. У часовенных это снижение более заметно, особенно там, где нет часовенных скитов. Поморяне многих районов сохранили большой интерес к догматике и истории своего согласия, к полемическим произведениям, характерным для Выгореции, к традиционным в этой среде памятникам древнерусской литературы. В поморских поселениях Томской области поэтому можно скорее, чем у часовенных, найти оба типа литературы — и служебную, и четью. Иногда в старообрядческих семьях поморского согласия встречаются настоящие жемчужины поморского письма и книжного украшения. Так, нами были найдены у поморян роскошный Торжественник начала XIX в., Цветники с такими произведениями, как «Житие Алексея — человека божия», «Путешествие

---

[3] Самоназвание старообрядцев этого толка. Генетически этот толк принадлежит в Сибири к крайним ответвлениям старообрядчества типа «глухой спасовщины» и бегунов.

Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», духовные стихи, сборники различного содержания, почти весь диапазон книг дониконовской печати. Но как показали экспедиции, изучавшие районы Томской области в течение 3 лет, особенные ценности хранятся, и это не случайно, у «непишущихся», не признающих ведения каких бы то ни было служб. Более того, самой ценной они считают только рукописную литературу. Самые блестящие находки были в их среде: Хронограф III редакции XVII в. с добавлениями, Киево-Печерский патерик XVI в., сборник XVI в., содержащий сочинения против новгородско-московской ереси, отрывки русских сочинений XI в., несколько сборников патеричного характера начала XVII в.; интересные печатные издания — Львовский Апостол Ивана Федорова, Псалтирь В. Бурцева, и т. д. Отдавая нам Перемийные чтения XV в., с чтением Борису и Глебу, владельцы из «непишущихся» сообщили, что эта книга у них не читается, и они собирались отдать ее одному из поморцев, к которому ездят для «прений о вере». (Этот толк не имеет, не читает и полемических сочинений, не доверяя им).

Вместе с тем интересно отметить, что и внутри одного и того же согласия имеются ярко выраженные локальные различия. Часовенные некоторых традиционных центров сибирского старообрядчества, еще в XVIII в. собиравшие в своих часовнях крупные книжные коллекции, имеют более широкий круг литературных интересов, чем часовенные Томской тайги. Обнаруженные в этих центрах небольшие остатки таких коллекций свидетельствуют, например, об интересе к русской житийной литературе времен деятельности митрополита Макария, к материалам по идеологической борьбе второй четверти XVI в., связанным с делом Максима Грека (сборник 1591 г. содержит, в частности, древнейший полный «судный список», составленный из материалов соборов 1525 и 1531 гг., а также «судный список» неизвестного ранее соборного суда февраля 1549 г. над «подельником» Максима Грека Исааком Собакой и переписку митрополитов Макария и Иосафа в этой связи). Вместе с тем поселения того же часовенного согласия, возникшие в результате сравнительно поздней (конца прошлого—начала нынешнего века) миграции из этих центров в глухие уголки Саян, довольно бедны памятниками древнерусской письменности. (Это в первую очередь служеб-

ная литература и очень немногочисленные сборники по истории согласия, содержащие исторические старообрядческие сочинения прошлого века и постановления соборов часовенного согласия конца XIX—начала XX в.).

Исследования старообрядческих районов и поселений должны вестись в условиях, наиболее приближенных к стационарным. Как уже говорилось, раскол в Сибири очень замкнут, представители его допускают людей к себе с большим трудом, не доверяют им. Археографу нужно вызвать определенный интерес к себе. Обычно первый год дает лишь случайные находки, только второй и третий позволяют проникнуть в тайники, где хранятся рукописи. Именно на второй-третий год называются нам глухие заимки, лесные сторожки, где живут старейшие старообрядцы, те, которые имеют интересные собрания рукописей и книг. Поэтому рядом с задачей комплексного анализа старообрядческих гнезд мы ставим задачу систематического изучения старообрядческих групп, стремимся постоянно держать старые районы в поле зрения. И если в этом году расширяется круг изучаемых районов, то это не значит, что обследованные районы покинуты, они остаются под наблюдением. Чаще всего группы, направляющиеся в старые районы, возглавляют студенты-старшекурсники, бывшие с нами в нескольких экспедициях, получившие достаточные навыки для ведения работы в самостоятельных маршрутах и знающие данный район.

Задачей недалекого будущего должна быть подробная разработка основных принципов, методик для работы в районах разного типа трудности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР.
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
ВЯ — Вопросы языкознания.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МГПИ — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
РЛ — Русская литература (Ленинград).
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при московском университете.
RÉS — Revue des études slaves. Paris.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакторов	3
Д. С. Лихачев (Ленинград). О планировании изучения древней русской литературы	5
П. Н. Берков (Ленинград). Задачи изучения переходного периода русской литературы. (От древней к новой)	12
А. Н. Робинсон (Москва). Задачи литературно-исторической типологии при изучении древнейшей русской литературы (факторы литературной однотипности и разнотипности)	19
А. П. Евгеньева (Ленинград). «Слово о полку Игореве» и русский литературный язык старшего периода	31
Я. С. Лурье (Ленинград). Проблемы изучения русского летописания	43
О. В. Творогов (Ленинград). Русский хронограф и задачи его изучения	48
Н. Ф. Дробленкова (Ленинград). Взаимоотношение литературы и деловой письменности в XV в. (Постановка вопроса)	56
Л. А. Дмитриев (Ленинград). Проблемы изучения севернорусских житий	65
Ю. К. Бегунов (Ленинград). Древнерусская ораторская проза как жанр. (К постановке вопроса)	75
Р. П. Дмитриева (Ленинград). Изучение русских рукописных четьих сборников XV—XVI вв.	85
В. Д. Кузьмина (Москва). Задачи изучения связей древнерусской литературы с русской литературой нового времени	95
Н. С. Демкова (Ленинград). Изучение художественной структуры «Жития» Аввакума. Принцип контрастности изображения	100
В. И. Малышев (Ленинград). О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума	109
О. А. Державина (Москва). Перспективы изучения русского театра XVII в.	118
А. М. Панченко (Ленинград). Изучение поэзии Древней Руси	125
Е. К. Ромодановская (Новосибирск). Изучение сибирской литературы XVII—начала XVIII в.	131
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Византийское рукописное наследие и древняя славяно-русская литература	141

Л. В. Тиганова (Москва). Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей. (Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) 148
Н. Н. Розов (Ленинград). Об исследовании географического распространения рукописной книги. (По материалам Софийской библиотеки) 160
Е. И. Дергачева-Скоп, Н. Н. Покровский (Новосибирск). Задачи археографического изучения Сибири 171
Список сокращений 178

Пути изучения древнерусской литературы и письменности

(Сборник статей)

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

Редактор издательства В. А. Браиловский
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры З. В. Гришина и Э. В. Коваленко

Сдано в набор 29 VII 1970 г. Подписано к печати 10/XII 1970 г.
Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. л. $2^{13}/_{16}$. Печ. л. $5^5/_8 = 9.45$ усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 10.19. Изд. № 4347. Тип. зак. № 1123. М-10673. Тираж 3700. Бумага № 1.

Цена 64 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12